
Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI

Издательство «Российская газета»

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков

Евгений Максимович ПРИМАКОВ: СУДЬБА И ЭПОХА

Предисловие
Владислава Малькевича

Москва
2019

Дизайн и вёрстка – Сергей Щербина

Андреев Д.А., Бордюгов Г.А., Рыбаков А.М. Евгений Максимович Примаков: судьба и эпоха / Предисловие Владислава Малькевича. – М.: Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2019. – 216 с.

ISBN 978-5-91022-438-8

Книга представляет собой биографический очерк жизни и основных этапов профессиональной карьеры видного государственного деятеля новой России Е.М. Примакова. Вехи его жизненного пути рассматриваются в контексте исторических событий, в которых участвовал Е.М. Примаков или на фоне которых проходила его разноплановая и насыщенная научная, политическая и государственная деятельность. Авторы используют многочисленные источники, которые были введены в научный оборот сравнительно недавно, поэтому интерпретации некоторых событий, имевших место в жизни Е.М. Примакова или с ним связанных, представлены в книге впервые. Биографический очерк выходит к 90-летию со дня рождения Е.М. Примакова и ориентирован на широкую читательскую аудиторию, интересующуюся поздней советской историей и историей современной России.

© Авторы, 2019

© Российская газета, 2019

© АИРО-XXI, 2019

ISBN 978-5-91022-438-8

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владислав Малькевич. Предисловие</i>	7
Введение.....	22
В начале пути	23
Ближневосточные журналистские миссии	27
В советском «мозговом тресте»: аналитика и дипломатия	32
Актуальное востоковедение: посредничество в урегулировании ближневосточных конфликтов.....	42
В эпицентре перестройки	48
На главных фронтах разрушающегося двухполярного мира.....	57
СВР и её директор в меняющейся России. Разведчик и дипломат.....	68
В высотке на Смоленской-Сенной.....	89
К новым отношениям с Североатлантическим альянсом	94
Доктрина Примакова в действии	106

Апогей карьеры: во главе антикризисного кабинета.....	119
Экзамен на подлинный суверенитет и геополитическую состоятельность.....	140
Отставка, но не уход из большой политики	145
Из политика – в политического гуру	154
Идеология Примакова в XXI столетии и для XXI столетия	
О предпринимательстве, собственности и приватизации • О правосознании • О многополярности • О политическом мышлении • О либерализме • О государстве • О модернизации • О постсоветском пространстве • О территориальных спорах • О крахе Советского Союза • О федерализме	171
Уроки Примакова (вместо заключения)	200

Предисловие

Евгений Максимович Примаков стал частью истории Советского Союза и России как во всех отношениях успешный в самом положительном значении этого слова государственный деятель, оставивший после себя большое наследие в книгах и воспоминаниях. Энциклопедические знания и колоссальный опыт ученого и политика, которые оказались востребованы в кризисных условиях, когда под давлением накопившихся проблем ситуация грозила вырваться из-под контроля, позволили ему выверенными, спокойными и точными действиями снизить напряженность в стране, принять единственно правильные решения и нормализовать обстановку. Более того, он не останавливался на ликвидации самого кризиса, а стремился заложить основы дальнейшего развития государства, чтобы не допустить осложнения обстановки в будущем.

Составление биографии государственного деятеля легко свести только к тому, чтобы рассказать о великом человеке и его роли во всё более сложной, по мере карьерного роста, антикризисной миссии героя повествования. Каким бы схематичным и даже упрощенным ни выглядело описание биографии «профессионального спасателя» или, как теперь принято говорить, «антикризисного менеджера», оно всегда было и остается предметом пристального внимания общества.

Жизнь Евгения Максимовича – особенно в те полтора десятилетия, на протяжении которых совершался масштабный исторический транзит от советского прошлого к неизвестному и никем теоретически не обоснованному постсоветскому будущему, – предоставила ему возможность наиболее ярко проявить выдающиеся способности государственного деятеля. При этом не будем забывать, что он состоялся еще на закате советской эпохи: в июне 1989 года Е.М. Примаков был избран председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, а с 20 сентября 1989 года он вошел в состав партийного олимпа в качестве кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС.

Е.М. Примаков, действительно, всякий раз при возникновении самых жестких требований момента, стал уникальным воплощением личности, выбор которой для выполнения той или иной государственной задачи был наиболее приемлемым и востребованным. При этом обоснованность этого выбора подтверждалась как в самом начале пути на новом поприще, когда еще трудно было предвидеть, насколько успешными окажутся его усилия по ликвидации или предотвращению кризиса, так и по завершении дела, всегда результативном, демонстрировавшем разительный контраст между тем, как начиналось, и тем, чем закончилось.

Но в то же время попытки взвешенного и непредвзятого осмысления любых исторически значимых антикризисных операций прошлого неизбежно сопряжены с очевидными и объективными трудностями. Историческая дистанция искажает восприятие даже совсем еще недавней действительности, возникают соблазны взглянуть на произошедшие события иначе, со своей личной точки зрения, дать собственный альтернативный взгляд

на уже состоявшуюся историю. Может быть, была возможность сделать лучше? Ревизии могут подвергаться даже те события и явления, по поводу которых, как казалось ранее, не могло быть двух мнений. Но история не терпит сослагательного наклонения – она уже вынесла свой вердикт, и роль в ней Евгения Максимовича определена однозначно. Он оказался успешным государственным деятелем.

Наконец, несомненный интерес представляет жизнь нашего героя во времена в целом относительно спокойные и благополучные, без революционных потрясений и кризисов, то есть находящиеся в других условиях по сравнению с эпохами, в которые государственники и совершали свои подвиги. Невольно начинаешь полагать, что им, действовавшим в экстремальное время, было на самом деле намного легче, чем тем, кто сейчас пытается поддерживать жизнь в стране на нормальном уровне и ставить посильные, исходя их сложившихся возможностей, – не амбициозные, но реально выполнимые – задачи по устойчивому продвижению вперед, хотя бы на ключевых направлениях.

Победителей, как известно, не судят, зато тех, чьи незаметные, на первый взгляд, победы становятся очевидными и ощутимыми для страны лишь по прошествии какого-то времени, современники всегда охотно обсуждают; причем достижения таких людей нередко воспринимаются с известной долей скептицизма. Не зря говорят, что мало завоевать – значительно сложнее удержать завоеванное. Как тут не скажешь, что спасателям государства по определению всегда проще и легче: да, они рискуют, причем подчас жизнью и здоровьем, но в случае успеха за ними навечно закрепляется образ триумфатора.

Но вот способствует ли «канонизация» героя сохранению объективной и взвешенной памяти о нем? Сумел ли он оставить о себе память или ему помешали в этом объективные или субъективные обстоятельства? И как в таком случае вообще надо писать об успешных исторических деятелях? Возможно ли преодолеть это заклятье предопределенной необъективности? А если ему просто не дали, как в случае с Примаковым, продолжить и закрепить начатое?! Насколько реально соотнести правду прошлого с общественным запросом на определенный образ этого самого прошлого?

Убежден в том, что авторы представленной на суд читателя биографии Евгения Максимовича сумели преодолеть все перечисленные сложности хотя бы уже потому, что на протяжении многих лет они занимаются изучением и популяризацией его научного и общественно-политического наследия. Итогом стала подготовка десяти томного издания избранных работ, которое вышло к первой годовщине ухода из жизни выдающегося государственного деятеля и ученого, а также уникального двухтомника «Неизвестный Примаков». В нем впервые были обнародованы многие документы из личного архива Евгения Максимовича, никогда и нигде прежде не издававшиеся, и эксклюзивные, специально для этого проекта написанные воспоминания лиц, близко знавших Примакова по роду служебной деятельности и просто в жизни, в ходе дружеского общения.

Прежде чем говорить о том, как работа над десяти томником и двухтомником помогла авторам при подготовке данной книги и в чем вообще состоит новизна созданной ими аналитической биографии, следует особо отметить, что сами по себе оба этих издательских проек-

та были бы просто невозможны без всесторонней поддержки руководства Торгово-промышленной палаты России и вдовы Евгения Максимовича – Ирины Борисовны. Благодаря их живому и заинтересованному участию удалось создать команду единомышленников, которые сумели в кратчайшие сроки провести отбор написанного Примаковым, подготовить эти материалы к переизданию, а также осуществить общую экспертизу документального наследия.

Не вызывает сомнения то, что глубокое погружение в тексты выступлений и книг Евгения Максимовича позволило авторам биографии основательно разобраться и многое понять в побудительных мотивах и действиях этой выдающейся личности. Написанная ими книга не является исчерпывающим изложением всех деталей до мельчайших подробностей. Скорее напротив – она представляет собою не столько биографию, сколько путеводитель по биографии.

Авторы стремились не привлекать внимания читателя к событиям и фактам, получившим широкую известность из публицистики, связанным с жизнедеятельностью героя и не требующим переосмысления в силу очевидности рассматриваемого вопроса. Вместе с тем книга обращает на себя внимание тремя особенностями.

Во-первых, основательно проработанным изложением биографии Евгения Максимовича. Заметим, что найти оптимальное сочетание личного и общественно-исторического – это нелегкая задача для любого биографа, особенно занимающегося описанием деяний столь масштабной фигуры. При таком подходе можно легко сбиться на порочный путь использования насыщенной событиями эпохи для заполнения вакуума, об-

разующегося при дефиците необходимых сведений. Здесь возникает опасность вместо создания портрета на фоне эпохи получить изображение с элементами эпохи. И, к счастью, это не наш случай.

Перед нами и личность, и эпоха. Книга о человеке, который своей деятельностью на всех постах создавал и вносил свои коррективы в многогранную деятельность государства не один. Его окружали соратники и друзья. Об этом говорится и в оставшихся нам в наследие книгах, и в воспоминаниях его друзей по жизни и коллег по работе во властных структурах. Представленный на суд взыскательного читателя труд достоин и Примакова, и его окружения. Он посвящен той реальности, в которой жил и работал Евгений Максимович.

Именно в ней он искал ответ на возникавшие перед страной вопросы в жестко заданных рамках, вынуждавших находить единственно возможное для переживаемого момента решение. Именно так и было. Полученные в советский период знания и опыт государственника принесли неоценимую пользу и для новой России. На любом посту Примаков во главу угла ставил процветание вырастившей его страны, осознавал свою посильную роль и ответственность за восстановление и укрепление могущества России в мире. Чего стоил один только поворот его самолета над Атлантикой! Евгений Максимович не создавал своего времени. Он в нем жил и работал, но, несомненно, лучше других чувствовал пульс настоящего и, исходя из знаний и опыта, предвидел будущее, что позволяло ему добиваться успеха в, казалось бы, безнадежных ситуациях. Рост промышленного производства России на 24 процента за 9 месяцев 1998–1999 годов – напомним, что это период работы Примакова председате-

лем правительства после дефолта. Это ли не уникальный в современных условиях итог работы? В новейшей истории даже близко не было подобных достижений. Авторы убедительно показали, что именно такой подход был характерен для Примакова.

Становится понятной та высокая требовательность и, одновременно, уравновешенность, с неизменной располагающей улыбкой, которая была ему присуща и стала его своеобразной визитной карточкой. Не скажу успокоенность – нет, непробиваемым он не был; напротив – слишком много пропускал через себя. Вместе с тем уравновешенность вовсе не означает беззаботность или безразличие; твердость в деяниях подразумевала и требовательность к соратникам. Члены правительства, которому было отпущено всего восемь с небольшим месяцев, познали такой подход на себе. Жесткость присуща тем, кто уверен в безошибочности своих решений и радуется не за личное благополучие.

Во-вторых, читателя не покидает ощущение, что авторы книги «освоились» с пребыванием в «примаковской теме» и, самое главное, солидарны с принимавшимися им решениями и действиями. Это видно хотя бы по тому, как они используют сведения, получив доступ к ним в числе первых из тех, кто работал с Евгением Максимовичем и сейчас стал изучать его наследие. Предлагаемая на суд читателя биография написана равнодушными людьми и не представляет собой просто набор систематизированных фактов.

Авторы стремились, и небезуспешно, реконструировать историю жизнедеятельности Евгения Максимовича со всей ее спецификой, в результате чего его образ предстает перед читателем в качестве ключевой фигуры, своего рода стержня состоявшейся реальности.

О чем бы коллектив творцов настоящей работы ни говорил – о секретных переговорах с израильским руководством в 1970-х годах или о работе в «мозговом тресте», который сложился в первые месяцы перестройки в окружении М.С. Горбачева, о поездках в горячие точки накануне развала Советского Союза или о встречах с Саддамом Хусейном, о руководстве разведкой или российским внешнеполитическим ведомством, о преодолении кризиса на посту главы правительства или о знаменитом развороте над Атлантикой, – всякий раз на первый план выступает именно эпоха Примакова. Во главу угла ставятся решения, которые Евгений Максимович должен был принимать на очередном этапе своей деятельности, и только потом мы видим самого героя повествования. В итоге мы имеем дело не столько с биографией, сколько с историческим срезом того или иного времени, отражением которого была деятельность Примакова.

Выше уже говорилось о том, сколь велики искусства – особенно когда историческая многовариантность оказывается позади – мифологизировать тех, кто противостоял такой турбулентности, удерживал руль государственного корабля и не давал ему сбиться с верного курса. Но авторы свели к минимуму идеализацию своего героя. В центре их внимания всегда был не гениальный или героический одиночка, но политик и ученый-практик, системно учитывающий все факторы протекающего исторического процесса.

Он продолжал действовать системно, может быть, не осознавая этого поначалу. Вряд ли все приводимые в книге объяснения и интерпретации являются истиной в последней инстанции, исчерпывающей до конца заданную тему. Вместе с тем авторами намечен и на примере

биографии Примакова, несомненно, апробирован действенный способ приближения к исторической правде на максимально возможную дистанцию.

И, наконец, в-третьих. Когда говорят о Примакове, о его вкладе в историю современной России, то обычно имеют в виду период до отставки с поста главы правительства. В то же время было бы досадным недоразумением игнорировать и последовавший за этим, к сожалению, весьма непродолжительный период его участия в думских выборах и в работе нижней палаты парламента. Не менее плодотворной стала и работа на посту президента Торгово-промышленной палаты России. Десятилетнее пребывание Примакова в этом качестве позволило укрепить авторитет ТПП РФ как ведущей общественной организации в предпринимательских кругах страны, усилить разветвленную сеть палат в России и за рубежом, завершить строительство новых площадей Центра международной торговли и выставочного комплекса «Экспоцентр».

Регулярно проводимые заседания «Меркурий-клуба» всегда проходили не только с привлечением предпринимательского сообщества, но и при активном участии представителей правительства, Совета Федерации и Госдумы, а также российских партийных лидеров. В своем докладе на каждом заседании клуба Евгений Максимович прямо и остро ставил вопросы политической и социально-экономической жизни нашей страны, которые заинтересованно обсуждались всеми участниками встречи. Информация об этих заседаниях регулярно направлялась первым лицам государства. К сожалению, среди мало посвященных в государственные проблемы лиц эта работа нередко воспринималась как неактуальная или

вообще игнорировалась ими. Между тем бюрократический аппарат, хотя и без энтузиазма, вынужден был реагировать на решения «Меркурий-клуба».

Уйдя в отставку со второго по значимости государственного поста, Евгений Максимович, казалось бы, объективно выбыл из состава политических фигур высшего уровня. Однако весомость его вклада в государственное строительство новой России оказалась настолько значительна, что Примаков навсегда остался в большой политике. Для людей такого «калибра» в международной политике пенсионный период не наступает (как бы об этом ни мечтали «доброжелатели»). Надо сказать, что авторы биографии повествуют о последних годах жизни героя в крайне интересном ракурсе – как о периоде, в течение которого сформировалась та совокупность взглядов и представлений, которые можно было бы назвать идеологией Примакова.

Конечно, Евгений Максимович вовсе не стремился стать классиком. Он как прагматик всегда «проектировал» свои взгляды, решения и поступки на тот переживаемый момент, в который они принимались и совершались. Правда, от этого система его взглядов не утрачивала своей актуальности. К сожалению, в новом веке об идеологии и национальной идее у нас вспоминают обычно лишь тогда, когда рутинное течение жизни прерывается внешнеполитическими осложнениями и проблемами в экономике, провоцируемыми извне внутренними неурядицами или террористическим вызовами. А в остальное время нам кажется, что здравый смысл сам по себе уже является исчерпывающей идеологией и нет необходимости придумывать что-то еще. В кризисные периоды в жизни государства идеология востребована

обществом, которое не довольствуется только прагматикой, а находится в поиске обобщающих смыслов своего существования.

В этом отношении идеология Примакова является если и не самодовлеющей, то весьма тесно связанной с жизненной практикой теорией, привлекательной как для специалистов, так и для широких слоев неравнодушного населения страны. Нелишне вслед за авторами подчеркнуть, что Примаков не рассматривал свою идеологию как нечто конъюнктурное и сиюминутное. Он размышлял над ней и формулировал ее ключевые положения не только после ухода с поста руководителя правительства, но и задолго до этого. Теории перехода от социализма к капитализму ни в нашей стране, ни за рубежом так и не было создано, но основы теоретического осмысления этого процесса заложены в работах и выступлениях Примакова.

Имея опыт длительных ближневосточных командировок, результаты которых отражались как в публицистике, так и в научных работах, не говоря уже о закрытых аналитических записках, он понимал, что переход от одной социально-экономической формации к другой представляет собой весьма сложный и болезненный процесс. Именно после формального ухода из большой политики, уже в XXI столетии, у Евгения Максимовича появилась возможность – как у фигуры публичной, но при этом не обязанной соблюдать некие негласные этические нормы официального лица – размышлять на экономические, внутри- и внешнеполитические темы, а также выражать свою точку зрения по вопросам культуры и образования. Авторы биографии внимательно проанализировали всё сказанное и написанное им до и после 1999 года, струк-

турировали собственные наблюдения и предложили своего рода синтетическую реконструкцию системы взглядов, которую и можно было бы считать идеологией Примакова.

Не исключено, что сам Евгений Максимович отнесся бы скептически к подобной реконструкции, посчитав ее в чем-то чрезмерно обобщенной и недоработанной. Если человек – и тем более такой крупный политик и ученый – публично высказывается по тем или иным вопросам, то слушатели вправе полагать, что это выстраданные взгляды автора.

Неоднократно обсуждая с Евгением Максимовичем вопросы экономики и политики России, могу сказать, что его позиция по этой проблематике представляет собой синтез знаний и жизненного опыта, чрезвычайно важного для понимания сегодняшней политической ситуации в России. Более того, сделанные Примаковым выводы и предложения вполне могут и сегодня служить основой для принятия руководством нашего государства конкретных практических решений.

Взвешенный, глубоко и всесторонне обоснованный взгляд на наиболее острые проблемы современности, поиск оптимального сочетания государственного регулирования и рыночных механизмов, отказ от монетарного фундаментализма являются основой этой идеологии. Другой ее частью стала защита государственных интересов России, при этом не провоцирующая осложнений в международных отношениях, рациональный федерализм, продуманно сочетающий подходы центра и регионов.

В силу сказанного можно с уверенностью заключить, что этот труд, приуроченный к 90-летию со дня рождения Евгения Максимовича – истинного патриарха и

идеолога советской и постсоветской политики (к сожалению, далеко не всегда имевшего возможности реализовывать свои наработки), государственного деятеля, вклад которого в становление молодой российской государственности трудно переоценить, – обязательно найдет своего заинтересованного читателя.

Мои дружеские отношения с Евгением Максимовичем начались во второй половине 1970-х годов. В то время он был директором Института востоковедения АН СССР, а я трудился в Министерстве внешней торговли СССР. Наша первая встреча состоялась в неформальной обстановке среди общих близких друзей. Конечно, мы обсуждали ситуацию в стране и международные торгово-политические вопросы, которые были близки нам обоим, но это были чисто дружеские, неслужебные отношения. Как-то в мою бытность одним из руководителей Внешторга СССР я принял участие во встрече моего друга с промышленниками ФРГ. В перестроечные времена практика организации общих встреч получила дальнейшее развитие, в том числе во время официального визита М.С. Горбачева в США весной 1990 года. Возглавляя Американо-Советский торгово-экономический совет, я пригласил Е.М. Примакова на встречу с бизнес-элитой США, где он блестяще выступил с речью. А каким Евгений Максимович был рассказчиком и тамадой – это тема для интересного, но отдельного разговора. В те годы Примаков, несомненно, уже стал одним из ведущих арабистов Советского Союза. Но этим не ограничивался его интерес в науке и политике. После Института востоковедения АН СССР Примаков возглавил Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР – ведущий научный центр в области мировой экономики.

Общие взгляды на состояние и развитие страны способствовали укреплению нашей дружбы.

В тяжелые для России годы – кризис, дефолт, падение жизненного уровня населения – нам было суждено объединить усилия по выводу страны из катастрофической ситуации. Евгений Максимович возглавил правительство, а я стал руководителем Федеральной службы по валютному и экспортному контролю в его кабинете министров.

В это время Евгений Максимович всякий раз при деловых встречах и на заседаниях правительства производил на меня очень сильное впечатление своими личностными качествами, среди которых на первое место я поставил бы уникальное сочетание высочайшего профессионализма, несомненной компетентности в самых разных областях и удивительных человеческих свойств – требовательности к себе и внимательности к окружающим, доброжелательности, честности и порядочности.

Такие качества выбивались из уже сложившегося к тому времени трафарета и представляли собой действительно редкое сочетание в работе руководителя высокого ранга. У нас в то время, к сожалению, в порядке вещей было рассматривать деловые свойства человека как нечто первичное, а черты, проявляемые им в общении с другими, воспринимать по остаточному принципу. То есть несдержанность и заносчивость мастера своего дела часто расценивались как нечто само собой разумеющееся. Но Примаков таким не был – и поэтому членам правительства и экспертам с ним было комфортно работать. И вместе с тем его отношения с коллегами нельзя было назвать панибратскими. Те, кто прошел «школу Примакова», научились держать эту высокую планку взаимо-

отношений; только такими они и должны быть у тех, кто болеет душой за общее дело и не мыслит себя без любимой работы, в которой и есть главный смысл жизни.

Эту книгу по праву следует воспринимать как заявку на новое исследование – истории переходной эпохи на рубеже веков, воспринимаемой через призму личности Евгения Максимовича.

Тема роли и месте Примакова в новейшей истории России не закрыта. Информационная база, доступная для исследований сегодня, в том числе десяти томник избранных сочинений и двухтомник «Неизвестного Примакова», предоставляют широкое поле для заинтересованного читателя. Предлагаемый биографический очерк – это, по сути, первая, но весьма удачная попытка освоения такого бесценного информационного собрания. Хочется надеяться, что продолжение начатого авторами биографии дела не заставит себя долго ждать.

*Владислав Малькевич,
1 октября 2019 года*

Введение

Каждый человек живет в определенном историческом времени, а потому в любой биографии неизбежно отражается современная ей эпоха. В этом смысле конкретная судьба является как бы осколочком зеркала – она отражает тот мир, в котором существует на протяжении отпущенного ей срока. Такой мир может сводиться к пространству частной жизни, преломляться в нем в каких-то событиях, касающихся только этой отдельной личности, но вместе с тем вписанных в эпоху и эпохой определяемых. Но подобные осколочки бывают и довольно крупными, а то даже и вовсе не осколочками, а цельными панорамными зеркалами, вмещающими свое время во всей его полноте. Всё зависит от масштаба личности, от ее значимости.

Жизнь Евгения Максимовича Примакова стала таким панорамным зеркалом, в котором во всех деталях и со всеми особенностями видны амбициозная по своему геополитическому замаху советская история и ее бурное постсоветское продолжение. По ней – как по учебнику – можно изучать общую картину международных отношений и эпохи глобального противостояния двух сверхдержав, и времени превращения мира в конце XX века в однополярный, и всё более зримого утверждения новой многополярной реальности в текущий момент.

В начале пути

Казалось, ничто не предвещало родившемуся в 1929 г. в Киеве и выросшему в Тбилиси выпускнику обычной советской средней школы какой-то особой карьеры. И как это тогда часто случалось, мощный и, наверное, определяющий импульс для дальнейшей судьбы молодого Евгения дало высшее образование – да к тому же в элитном Московском институте востоковедения, где готовили кадры для отстаивания и обеспечения интересов страны на бескрайних азиатских и африканских просторах, за которые в те годы разворачивалась жесткая конкуренция между СССР и США. Став арабистом, Евгений на этом не остановился, а решил дополнить свою языковую подготовку знаниями в области предельно конкретных экономических наук – он закончил по этому профилю аспирантуру в Московском университете.

А дальше пошел отсчет ступенек успешной и без промедлений, без торможений на долгие годы карьерной лестницы. Осенью 1956 г., после окончания аспирантуры, молодой специалист со знанием арабского и английского языков и к тому же готовящий диссертацию о современной экономике арабских стран оказался востребованным на ответственной в идеологическом отношении работе – он был принят в арабскую редакцию Главного управления радиовещания на зарубежные страны (Иновещания) Гостелерадио СССР. В 1959 г.

Е.М. Примаков отправился в свою первую журналистскую заграникомандировку – в качестве корреспондента Иновещания он входил в делегацию, сопровождавшую Н.С. Хрущева во время его визита в Албанию.

В ходе этой поездки с Евгением Максимовичем произошла история, едва не обернувшаяся для него крупными неприятностями и ставшая хорошим уроком на всю последующую жизнь. Желая проявить свое профессиональное рвение, он решил не дожидаться, пока референты Хрущева подготовят утвержденную для распространения версию главного в ходе того визита публичного выступления советского лидера на митинге в Тиране. Е.М. Примаков взял у референтов еще сырой текст, сам поправил его и передал в Москву. Лишь по счастливой случайности это не вскрылось, но Евгений Максимович сделал соответствующие выводы из произошедшего.

Спустя годы, когда он занимал важные посты на советском академическом олимпе и был вхож в высокие инстанции, осторожность стала одним из проявлений его фирменного стиля руководства крупными коллективами непростых по складу и амбициям специалистов. Впрочем, эта осторожность не только не мешала, но и дополняла, а также укрепляла другое его известное качество – принципиальность, готовность отстаивать интересы дела и не сдавать никого: ни тех, кто выше, ни тех, кто ниже.

За шесть лет работы в редакции Е.М. Примаков вырос с должности корреспондента до главного редактора вещания на арабские страны, одновременно успев завершить подготовку диссертации «Экспорт капитала в некоторые арабские страны – средство обеспечения монополю высокими прибылей», защитить ее и стать кан-

дидатом экономических наук. К тому времени он уже набрался опыта, был профессиональным журналистом-международником, обладавшим к тому же квалификацией научной работы по одной из актуальных ближневосточных проблем.

Поэтому Евгений Максимович стал представлять собой ценного специалиста, способного приносить пользу и на более ответственных участках работы. В его конкретном случае это означало переквалификацию из журналиста «говорящего» или обеспечивающего работу «говорящих» в журналиста «пишущего» или даже в международного, занимающегося научной работой. И Е.М. Примаков последовал обоими путями – правда, последовательно.

В начале 1960-х гг. Н.Н. Иноземцев, бывший на тот момент заместителем главного редактора «Правды», предложил Евгению Максимовичу место обозревателя отдела стран Азии и Африки в газете. Молодой радиожурналист согласился, но тут же рассказал Иноземцеву, что по какой-то причине заведующий профильным – курировавшим радио – сектором ЦК к нему плохо относится и, видимо, из-за этого его перестали выпускать за границу, в то время как работа в отделе Азии и Африки предполагала командировки. Тогда Иноземцев, до перехода в «Правду» бывший заместителем директора академического Института мировой экономики и международных отношений, помог Е.М. Примакову устроиться на несколько месяцев в этот институт, пока «компетентные органы» разбирались, почему этот радиожурналист вдруг оказался «невъездным». И уже после того как по результатам этой проверки с Евгения Максимовича были сняты какие бы то ни было подозрения и, соответст-

венно, ему снова открылся выезд за рубеж, он перешел из ИМЭМО в «Правду».

На формирование мировоззрения Е.М. Примакова огромное влияние оказали те, кого он впоследствии называл «внутрисистемными диссидентами», – то есть люди, которые либо сами проводили в жизнь политику «оттепели», либо сложились под ее воздействием и пытались по мере возможностей следовать ее идеалам и в годы застоя. Первым таким «внутрисистемным диссидентом», с которым столкнулся новый сотрудник отдела Азии и Африки, был А.М. Румянцев – главный редактор «Правды». Евгению Максимовичу на всю жизнь запомнилась история с публикацией в газете статьи Румянцева «Партия и интеллигенция», в которой главный редактор изложил взгляды, не во всем совпадавшие с официальной точкой зрения. Из-за этой статьи Румянцеву пришлось уйти из газеты, а для Е.М. Примакова эта история стала уроком того, что убеждения нельзя приносить в жертву никаким конъюнктурным соображениям и доводам.

Ближневосточные журналистские миссии

Благодаря частым командировкам по заданию редакции в страны Ближнего Востока – причем в пору, когда там протекали особенно бурные события, – Евгений Максимович начал тонко разбираться в происходивших в этом ареале процессах, завел многочисленные личные знакомства с лицами, оказавшимися впоследствии ведущими фигурами в арабском мире. То есть стал не просто уникальным, а незаменимым специалистом по данному региону. В качестве примеров можно привести хотя бы следующие его миссии.

Так, А.С. Дзасохов, который в конце 1960-х – начале 1970-х гг. бывал в Каире, входил в руководство Советского комитета солидарности стран Азии и Африки – подразделения Организации солидарности народов Азии и Африки со штаб-квартирой в Каире, – вспоминает, как посещал Е.М. Примакова в его каирской квартире, которая являлась «местом интеллектуальных состязаний» видных арабских журналистов и общественных деятелей, в частности, близкого к президенту Насеру главного редактора ведущей египетской газеты «Аль-Ахрам» Мухаммеда Хейкала, главного редактора считавшегося прогрессивным египетского журнала «Ат-Талиа» Лютфи аль-Холи, яркого писателя и литературного критика Абд

ар-Рахмана аль-Хамиси и других заметных египетских мыслителей.

А еще раньше, когда в марте 1963 г. в результате военного переворота к власти в Дамаске пришла сирийская сеть Партии арабского социалистического возрождения (Баас) и Москва поначалу отнеслась к этому событию весьма настороженно, исходя из откровенно антикоммунистической политики иракских баасистов, для предварительного – еще до подключения официальных дипломатических каналов – выяснения того, что собой представляет новый баасистский режим в Сирии, в октябре 1965 г. в журналистскую командировку в Дамаск был отправлен Е.М. Примаков. Итогом этой поездки стала его статья в «Правде» «Многоэтажный Дамаск», в которой проводилась мысль, что сирийские баасисты неоднородны и среди них есть и «прогрессивные силы».

Эта статья оказалась пророческой: в феврале 1966 г. в Сирии произошел новый переворот, в результате которого к власти пришли левые баасисты. Однако поначалу представления Москвы о режиме левых баасистов были весьма противоречивыми. Сыграли свою роль и опасения по поводу новых властей Дамаска главной на тот момент просоветской фигуры на Ближнем Востоке – египетского президента Г.А. Насера. И Е.М. Примаков снова был направлен в Дамаск – чтобы на этот раз прозондировать левых баасистов. Евгений Максимович стал первым иностранцем, принятым новым сирийским премьером Ю. Зуэйном, и попросил его публично развеять тревоги Каира, что новый режим в Дамаске враждебен Египту. Зуэйн так и поступил. Тогда же Е.М. Примаков познакомился и с будущим сирийским лидером Х. Асадом – в то время министром обороны.

Однако в Москве не торопились менять мнение о режиме левых баасистов под воздействием присланных в редакцию «Правды» материалов ближневосточного корреспондента и взятого им у Зуэйна интервью – их даже поначалу не напечатали. Тогда Евгений Максимович лично прибыл в Москву и изложил в ЦК свое видение происходивших в Сирии перемен. В итоге официальная позиция СССР в отношении нового режима в Дамаске поменялась, а подготовленные Е.М. Примаковым материалы были напечатаны. Таким образом, Евгений Максимович не только сыграл определенную роль в укреплении взаимопонимания между Каиром и Дамаском, но и способствовал формированию у Москвы объективного представления о переменах, происходивших тогда в Сирии.

После свержения монархии в Ираке в 1958 г. Москва стала проявлять особую заинтересованность в налаживании тесных контактов с курдами, контролировавшими северную часть страны. Через установление своего влияния в курдской среде СССР рассчитывал добиться сразу двух целей: во-первых, воздействовать на процессы в Ираке, в котором Демократическая партия Курдистана М. Барзани была одной из наиболее мощных политических сил, а во-вторых, иметь возможный рычаг воздействия на натовскую Турцию, восточные территории которой были плотно заселены курдами.

Барзани и другие курдские лидеры после прекращения существования Мехабадской республики в иранском Курдистане и до иракской революции 1958 г. проживали в СССР. Однако иракский премьер А.К. Касем отказался создавать курдскую автономию, Барзани перебрался на север страны, и в иракском Курдистане началось восста-

ние против Багдада. Отношения между арабской и курдской частями страны оставались напряженными и после свержения Касема. На этом фоне в декабре 1966 г. состоялась журналистская командировка Е.М. Примакова в иракский Курдистан, где он общался с Барзани. Их следующая встреча имела место после второго баасистского переворота в Ираке 17 июля 1968 г. и прихода к власти президента А.Х. аль-Бакра. Обстановка в Курдистане оставалась напряженной – происходили столкновения с иракской армией, наметился раскол внутри самого курдского движения. На этом фоне дальнейшие поездки Евгения Максимовича в Курдистан из сугубо журналистских командировок превратились в настоящие дипломатические миссии.

Так, в 1969 г. перед новой встречей с Барзани на севере Ирака Е.М. Примаков был принят в Багдаде «растущей величиной» в иракском руководстве – заместителем председателя Совета революционного командования и заместителем руководителя баасистской партии С. Хусейном. Хусейн в то время отвечал за переговоры с курдами и был заинтересован в скорейшем решении этой проблемы. Он просил Евгения Максимовича информировать Барзани, что настроен найти конструктивный путь к созданию курдской автономии в Ираке. Тогда же Е.М. Примаков познакомился и с близким к Хусейну Т. Азизом, курировавшим иракские СМИ. После этого визита «правдинский» журналист совершил еще несколько «челночных» поездок между Багдадом и Курдистаном, результатом чего стало подписание 10 марта 1970 г. соглашения между сторонами, которое провозглашало создание курдской автономии в составе Ирака и имело все шансы заложить основы мирного сосуществования обеих частей государства.

В 1970 г. Е.М. Примакову и руководившему на тот момент сектором арабских стран международного отдела ЦК Ю.С. Грядуну было поручено провести переговоры с руководителями Народного фронта освобождения Палестины с целью убедить их отказаться от практики угона самолетов как способа воздействия на израильские власти. Переговоры состоялись в Бейруте. Московским эмиссарам удалось донести до НФОП мысль, что подобного рода теракты приводят к противоположному эффекту, так как консолидируют израильское общество в антипалестинском духе: угоны самолетов прекратились, причем, как впоследствии отмечали сами палестинцы, именно после миссии Е.М. Примакова и Ю.С. Грядунова.

В советском «мозговом тресте»: аналитика и дипломатия

Кроме Румянцева еще одним «внутрисистемным диссидентом», которого на своем пути встретил Евгений Максимович, стал уже однажды сыгравший в его судьбе важную роль Иноземцев. Но с этой стороны Е.М. Примаков узнал Иноземцева, когда перешел из «Правды» обратно в ИМЭМО после защиты докторской диссертации. Иноземцев в то время стал директором ИМЭМО и опять, как и в 1962 г., пригласил Евгения Максимовича под свое начало – заместителем директора института.

Иноземцев и еще один «внутрисистемный диссидент» – создатель и директор академического Института США и Канады Г.А. Арбатов – входили в группу, разрабатывавшую политические и доктринальные документы для партийных форумов и благодаря этому имели возможность контактировать с Л.И. Брежневым. Причем они принадлежали к тем сотрудникам этой группы, которые серьезно задумывались о преобразованиях в СССР и состояли в своеобразном интеллектуальном окружении председателя КГБ Ю.В. Андропова.

Если говорить конкретно о работе Е.М. Примакова заместителем директора ИМЭМО, то одним из важнейших направлений его деятельности в эти годы стала разработка методологии ситуационных анализов – новой

аналитической технологии, которая позволяла актуализировать научные знания, переводить их в прикладной формат, превращать в инструменты практической политики и прогностики. Благодаря этой методологии группе, которая в ИМЭМО занималась ситуационными анализами и которой непосредственно руководил Евгений Максимович, удалось спрогнозировать последствия скачка цен на нефть в первой половине 1970-х гг. для стран Запада и для СССР, переориентацию президента Египта А. Садата на Запад и отказ от просоветского курса его предшественника Г.А. Насера, ирано-иракскую войну и другие события. За разработку методологии ситуационных анализов Е.М. Примаков и его коллеги в 1980 г. получили Государственную премию по закрытому списку.

Однако поездки на Ближний Восток или в другие страны – в связи с ближневосточной проблематикой – остались важным направлением работы заместителя директора ИМЭМО: контакты, приобретенные Евгением Максимовиче за годы журналистских командировок, делали его незаменимым «оком Москвы», способным увидеть то, что не могли разглядеть другие, в том числе и профессиональные дипломаты.

После смерти президента Египта Насера и прихода на его место Садата Е.М. Примаков – как бывший собкор «Правды», проработавший несколько лет в Каире, – в июне 1971 г. был снова направлен по заданию ЦК в эту страну. Ему предстояло разобраться в складывавшейся там обстановке и понять, сохранит ли новое египетское руководство просоветскую ориентацию. На этот раз Евгений Максимович ехал в Каир как специальный корреспондент ТАСС. Из проведенных там бесед он сделал вывод о предстоящем изменении политического курса официального Каира и сообщил об этом в Москву.

По возвращении в СССР Е.М. Примаков представил в ЦК подробную записку, в которой проводилась мысль, что подписанный меньше месяца назад договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом не гарантирует неизменной приверженности Садата насеровскому курсу. Член Политбюро и председатель Президиума Верховного Совета Н.В. Подгорный, курировавший подготовку и подписание договора с Садатом, резко отреагировал на эту записку и даже пытался «принять меры» в отношении ее автора. Но через несколько месяцев сам Садат доказал абсолютную правоту Е.М. Примакова: в своем интервью журналу «Ньюсуик» он открыто заявил, что договор с Москвой для него ничего не значит и он намерен восстанавливать отношения с Вашингтоном.

Разрыв дипломатических связей между Москвой и Тель-Авивом во время Шестидневной войны создал для советского присутствия на Ближнем Востоке немалые проблемы, наиболее очевидная из которых заключалась в том, что СССР утратил возможность влиять на обе конфликтовавшие в этом регионе стороны – он теперь мог действовать лишь через арабов. Примерно месяц спустя после написания вызвавшей гнев Подгорного записки в ЦК о том, чего следует ожидать от садатовского Египта, Е.М. Примаков подготовил еще одну записку – «Некоторые вопросы, связанные с ближневосточным кризисом», – адресованную уже лично Брежневу. В ней Евгений Максимович, в частности, указал на необходимость не изолироваться от Израиля, а предпринять в отношении этой страны «некоторые инициативные шаги».

Эта записка легла на подготовленную почву. Незадолго до того израильский премьер Г. Меир послала в Москву «сигнал» о желательности контактов с советской сто-

роной – «для обмена мнениями о положении на Ближнем Востоке». Руководство СССР самым серьезным образом отреагировало на этот и на другие «сигналы» подобного рода, поступавшие от представителей других стран и свидетельствовавшие о намерениях Тель-Авива. Было принято решение о проведении конфиденциальных встреч с представителями Израиля. Практическое осуществление этого намерения было поручено Е.М. Примакову, и он на протяжении последующих шести лет предпринимал шаги в этом направлении.

Первые контакты Евгения Максимовича с руководством Израиля произошли уже в конце лета 1971 г. в Тель-Авиве – он встречался с премьером Г. Меир, министром обороны М. Даяном и министром иностранных дел А. Эвеном. Разумеется, в ходе этих встреч никаких общих точек соприкосновения между сторонами не обнаружилось, однако Евгений Максимович сделал вывод о том, что Израиль может в качестве самой крайней меры пойти на частичный отвод на Синае своих войск. А в целом у Е.М. Примакова сложилось впечатление, что Тель-Авив на данный момент намерен просто законсервировать на максимально возможное время образовавшуюся после Шестидневной войны конфигурацию разграничения сторон на Ближнем Востоке.

Следующий раунд конфиденциальных бесед состоялся через месяц с небольшим в Вене. Однако на этот раз переговорщики с израильской стороны были гораздо меньшего статуса. Вместе с тем обе стороны значительно подняли содержательную планку консультаций. Это была уже не пристрелочная «сверка часов». Е.М. Примаков предложил собеседникам высказаться по существу советского плана урегулирования арабо-израильских проти-

воречий, особо подчеркивая, что арабские страны в целом согласились с этим планом, в котором прямо говорилось о необходимости прекращения войны и заключения с Израилем мира, о чем еще совсем недавно арабы не хотели даже говорить. Но израильская сторона не была намерена рассматривать общеполитические вопросы в советской подаче и предпочитала обсуждать частности типа возможных сроков отвода своих войск, но при этом только на Синае. То есть никакого продвижения достигнуто не было.

По свидетельству кадрового разведчика Ю.В. Котова, курировавшего на тот момент разведывательную деятельность на территориях Израиля, Ливана, Иордании и в Палестинском движении сопротивления и в этом качестве также привлеченного вместе с Е.М. Примаковым к участию в закрытых контактах с израильским руководством, именно тогда советской стороной была предложена Тель-Авиву формула «Мир в обмен на территории», которая подразумевала пакетную сделку: Израилю надлежало уйти с арабских территорий, которые были им оккупированы в ходе Шестидневной войны, а в обмен на это ему предоставлялись международные гарантии национальной безопасности. Одним из следствий реализации этой формулы должно было стать и восстановление дипломатических отношений между Тель-Авивом и Москвой.

В рекомендациях Е.М. Примакову по ведению переговоров с израильской стороной, которые были составлены в ЦК КПСС, содержался намек на важнейшее благоприобретение, которое сулило Израилю выполнение резолюции Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г. В ней «установление справедливого и прочного

мира на Ближнем Востоке» увязывалось с «выводом израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта», то есть в ходе Шестидневной войны. Из этого недвусмысленно следовало, что выполнение указанного пункта резолюции впервые привело бы к «международно-правовому признанию» Израиля не в границах, которые были определены Генеральной Ассамблеей ООН в 1947 г., а в границах, которые реально существовали на момент начала Шестидневной войны – со всеми территориальными приобретениями, полученными в ходе Войны за независимость 1947–1949 гг. и зафиксированными так называемой Зеленой линией. То есть формула «Мир в обмен на территории» вовсе не означала принуждения Тель-Авива к полной капитуляции, но позволяла израильтянам сохранить лицо и даже де-юре означала международное признание результатов их победы над коалицией арабских государств в конце 1940-х гг.

То есть еще за 20 лет до Мадридской конференции, на которой эта формула была признана безальтернативной, она была предложена израильтянам Москвой. Отсюда становится понятным и привлечение к этой секретной дипломатической миссии именно Е.М. Примакова: геополитический масштаб формулы неизбежно предполагал, что ее должен был предложить опытный и известный международник, непосредственно не аффилированный с внешнеполитическим ведомством (в силу закрытого характера миссии) или спецслужбами (для обеспечения в случае необходимости свободы переговорных маневров), но имевший мандат на ведение подобных контактов от политического руководства страны. Кандидатура Евгения Максимовича идеально отвечала всем перечислен-

ным условиям. В этом смысле его можно считать своего рода политическим провозвестником: несмотря на то что впоследствии Соединенным Штатам удалось отгеснить Советский Союз от процесса ближневосточного урегулирования, именно нашей страной – и конкретно через Е.М. Примакова – Израилю была предложена формула, оказавшаяся спустя много лет в основе «дорожной карты» этого процесса.

Обмен мнениями с израильянами продолжился на конференции Пагуошского движения в сентябре 1972 г. в Оксфорде. Там Е.М. Примакову было заявлено о желании Тель-Авива восстановить дипломатические отношения с Москвой, но при условии рассмотрения этого вопроса в отрыве от повестки ближневосточного урегулирования.

Стороны снова встретились в марте 1973 г. в Вене. На этот раз Израилю было важно решить один практический вопрос. На тот момент Тель-Авив и Каир были близки к заключению соглашения, по которому частично урегулировались отношения между ними и должно было произойти открытие Суэцкого канала. И на этой стадии Израиль, похоже, нуждался в советском одобрении подготовленного соглашения.

Ко времени следующего контакта сторон произошли существенные изменения. Г. Меир на посту премьера сменил И. Рабин, израильский МИД возглавил И. Алон, а министром обороны стал Ш. Перес. К тому же Организация освобождения Палестины сделала некоторые, хотя и незначительные, шаги в направлении признания Израйля. На таком фоне в начале апреля 1975 г. Е.М. Примаков встречался в Израиле с И. Рабином, И. Алоном и Ш. Пересом. Сближения позиций не произошло, хотя

был важен уже сам факт продолжения конфиденциальных переговоров, во-первых, в новых реалиях после «Войны Судного дня», а во-вторых, с новым израильским руководством.

На тот момент Москва, похоже, рассчитывала на возможность сближения с классово близкими левыми силами, оказавшимися в руководстве Израиля, в первую очередь с Пересом. Так, Евгений Максимович аккуратно зондировал настроения своего собеседника: «Вы же социалисты, ваша база – рабочий класс, то же самое можно сказать об арабах. Так почему бы вам не объединиться с ними на классовой основе?» Ответ Переса был предсказуемым: «...раздоры между нами носят национальный характер, в силу чего близость по социальным интересам становится невозможной».

Впоследствии Перес утверждал, что Е.М. Примаков был иудеем, однако тут же уточнял – по происхождению, но не по образу жизни. Вместе с тем, по-видимому, отправляя Евгения Максимовича с секретной дипломатической миссией в Израиль, лица из советского руководства, которые планировали эти переговоры, учитывали в том числе и этот фактор, как, впрочем, и политическую ориентацию его партнеров по переговорам. Понятно, что с Пересом как одним из создателей левоцентристской «Аводы» у Е.М. Примакова было гораздо больше точек пересечения, чем с правыми израильскими политиками. Отсюда, вероятно, и столь опосредованные заходы на проблему ближневосточного урегулирования – через нащупывание общих классовых интересов между левыми израильтянами и арабами или в разговорах на религиозную тематику, но тоже, так сказать, с левым оттенком. Так, например, Евгений Максимович убеждал

Переса в том, что при коммунизме стираются и национальная, и религиозная идентичности, с чем хотя и левый, но в то же время еврей Перес никак не мог согласиться, отдавая приоритет не материальным, но нравственным, то есть идеальным, ценностям.

Последний обмен мнениями в рамках конфиденциальных переговоров с Израилем состоялся у Е.М. Примакова уже с новым премьером страны М. Бегиним в сентябре 1977 г. в Иерусалиме. Прорыва снова не произошло, хотя советская сторона привезла в Израиль буквально революционное предложение: Москва объявит о намерении восстановить с Израилем дипломатические отношения, когда Женевская конференция возобновит работу. Таким образом, Советский Союз снимал свое прежнее казавшееся незыблемым условие: дипотношения в обмен на отказ Израиля от результатов Шестидневной войны. Бегин не возражал, но считал возможным продолжить разговор на эту тему лишь в том случае, если Брежнев пригласит его посетить Москву с официальным визитом. Для советской стороны это было совершенно нереалистичное условие. После Кэмп-Дэвида серия этих конфиденциальных контактов естественным образом оборвалась, а в качественно новой – в том числе и с точки зрения обострения советско-американского противостояния – обстановке 1980-х гг. они были и подавно невозможны.

После ввода в начале 1976 г. сирийских вооруженных сил в охваченный гражданской войной Ливан Москве потребовалось как можно скорее определить свою позицию в этом конфликте. Так родилась идея встречи Е.М. Примакова с основателем и бессменным лидером ливанской христианской партии «Катаиб» П. Жмайелем.

Эта встреча состоялась в апреле 1976 г. в Восточном Бейруте. В результате беседы Евгению Максимовичу стало ясно, что наиболее влиятельная в Ливане христианская политическая сила видит в Сирии своего союзника и рассчитывает на ее дальнейшую помощь в урегулировании противостояния в стране, а также не исключает посредничества Дамаска в установлении контактов с лидером Организации освобождения Палестины Я. Арафатом, способным повлиять на ливанских палестинцев. На следующий день Е.М. Примаков разговаривал уже в Западном Бейруте с фактическим лидером противоположной стороны – главой придерживавшихся левой ориентации мусульманских Национально-патриотических сил Ливана К. Джумблатом, которого в Москве считали просоветским. Джумблат дал понять, что выступает против участия Сирии в урегулировании конфликта и рассчитывает на помощь Москвы в налаживании диалога с Дамаском. По итогам миссии Е.М. Примакова в Ливане Москва пыталась наладить контакт сирийского президента Х. Асада с К. Джумблатом и, используя свое влияние на палестинцев, включиться в процесс мирного урегулирования в Ливане. Намеченная линия была правильной, но в итоге завершилась неудачей – инициативу в этом регионе перехватили другие силы, на которые не распространялось влияние СССР.

Актуальное востоковедение: посредничество в урегулировании ближневосточных конфликтов

После кончины директора Института востоковедения АН СССР Б.Г. Гафурова Е.М. Примаков перешел на его должность из ИМЭМО. В обоих этих институтах Евгений Максимович занимался анализом наиболее актуальных тенденций мирового развития, изучал начавшиеся с середины 1970-х гг. структурные кризисы мировой экономики, их влияние на развитие СССР и отражение в множившихся региональных конфликтах. Словом, был в курсе всех наиболее острых на тот момент мировых проблем. Оба института, особенно ИМЭМО, стали для Е.М. Примакова площадками, с которых устанавливались его первые контакты с представителями мировой элиты – в формате Дартмутских конференций, обсуждавших проблемы взаимоотношений между США и СССР, разрядки, возможности мирного сосуществования. В ходе этих мероприятий у Евгения Максимовича сложились тесные взаимоотношения с Д. Рокфеллером и бывшим заместителем госсекретаря США Г. Сондерсом.

Подобные контакты становились для Е.М. Примакова осязаемым доказательством того, что мир вплотную подошел к необходимости своей качественной переоценки, что действительность не сводится к упрощенной форму-

ле противостояния капиталистической и социалистической систем и что сами эти системы оказывают друг на друга сильнейшее влияние и в результате меняются. Между тем официальная идеология игнорировала эти перемены, и впоследствии Евгений Максимович назвал именно «отрицание конвергенции» «главным препятствием», которое не позволяло складываться «реальному представлению об окружающей нас действительности».

Самому же Е.М. Примакову такого «реального представления» было не занимать: в 1982 г. он как директор Института востоковедения выступил на коллегии МИДа с докладом о положении в Афганистане, доказывая отсутствие в этой стране «революционной ситуации», на которую рассчитывали руководители СССР, вводя туда войска в 1979 г. И этот «крамольный» доклад произвел на министра иностранных дел А.А. Громыко благоприятное впечатление.

В начале 1980-х гг. Евгений Максимович выполнял и совсем деликатные переговорные миссии по поручению советского руководства. Яркие примеры таких миссий относятся уже ко времени Андропова. Так, после вторжения Израиля в Ливан в 1982 г. и последовавшего за этим ухода оттуда отрядов Движения за национальное освобождение Палестины (ФАТХ) отношения между Дамаском и палестинским руководством стали стремительно ухудшаться. Сирийцы обвиняли Арафата в стремлении к компромиссу с прежними противниками и даже в косвенной поддержке Кэмп-Дэвидских соглашений. Советский Союз тем не менее понимал, что за этими обвинениями крылось намерение Дамаска использовать палестинское движение в своих интересах – прежде всего в отношениях с США. Сирийцы даже спровоцировали воо-

руженные столкновения между разными группировками ливанских палестинцев.

Тем не менее Советскому Союзу надо было сохранить доверительные отношения и с Асадом, и с Арафатом. И Е.М. Примакову было поручено провести переговоры с сирийским руководством и убедить Дамаск изменить позицию применительно к палестинцам. В июне 1983 г. Евгений Максимович был принят Асадом, который увязал перспективы ближневосточного урегулирования с достижением паритета сил между Израилем и Сирией, намекая тем самым на необходимость наращивания советских военных поставок Дамаску и на понятное недовольство действиями тех сил в палестинском движении, которые искали компромисса с Тель-Авивом. Другие официальные лица в сирийской столице высказались гораздо откровеннее, не став скрывать заинтересованности Дамаска в устранении Арафата с руководящих позиций в палестинском движении тем или иным способом.

Как следовало из шифрограммы, которую Е.М. Примаков послал в Москву из Дамаска сразу после завершения его переговоров с Асадом, сирийский президент намекал своему собеседнику на желательность усиления военной помощи со стороны Советского Союза. Так, он, с одной стороны, заявил о высокой боеготовности сирийских вооруженных сил, но с другой стороны, сделал туманное заявление: «нынешний момент является весьма опасным», однако в Сирии «реалистично оценивают все сложности нынешней ситуации». Этот намек был сделан после недвусмысленного подчеркивания Асадом верности курсу на сотрудничество с СССР. Он отметил, что Соединенные Штаты в последнее время «связывают любые шаги навстречу арабам» по поводу урегулирования

ближневосточной проблемы «с исключением Советского Союза из этого процесса», а также со всяческим «ослаблением опоры» Дамаска на Москву. Президент пошел даже еще дальше и затронул весьма болезненную для СССР тему попыток «перевербовки» его союзников. Он рассказал Евгению Максимовичу, что, по имеющимся у него сведениям, «американцы зондируют сейчас настроения в сирийском руководстве, однако не встречают с его стороны положительного отклика», поскольку в вопросах взаимоотношений с Москвой Дамаск «занимает незыблемую позицию и от нее не отступит».

Что же касалось желательных для Дамаска перестановок в палестинском руководстве, то такая перспектива была абсолютно недопустимой для Москвы, давно и последовательно сотрудничавшей с Арафатом. В сложившуюся ситуацию вмешался лично Андропов, который распорядился передать Арафату настоятельную рекомендацию прийти к компромиссу с официальным Дамаском, а также укрепить внутреннее единство палестинского движения – то есть исключить попытки поиска сепаратных соглашений с Израилем. В свою очередь, советский лидер сообщал об усилиях Москвы изменить отношение Дамаска к палестинцам.

Передать это устное послание Андропова Арафату было поручено советскому послу в Сирии. Но он не мог пригласить палестинского лидера на территорию посольства, так как это грозило осложнением с сирийскими властями. Арафат также не был расположен ехать в советское посольство. И тогда обратились за помощью к Е.М. Примакову как давнему знакомому главы Организации освобождения Палестины. Евгений Максимович, с одной стороны, освободил посла от выполнения столь

щекотливой для него миссии, а с другой стороны, уговорил Арафата приехать в советское посольство. В итоге поручение Андропова было выполнено. Арафат обещал со своей стороны проявлять сдержанность и выразил надежду, что и Асад пойдет навстречу. А Е.М. Примаков, чтобы довершить дело, попросил Асада принять его и рассказал сирийскому президенту о состоявшемся с Арафатом разговоре, стараясь при этом подчеркивать общность палестинских и сирийских позиций. На это Асад обещал подумать о возможности встретиться с Арафатом лично. Таким образом, действия, предпринятые Евгением Максимовичем в те дни, помогли ослабить напряженность, нараставшую между палестинцами и Сирией.

Примерно в то же самое время Политбюро ЦК поручило Е.М. Примакову организовать в Москве серьезное дипломатическое мероприятие – встречу высоких представителей Сирии и Ирака с целью снятия усугублявшихся противоречий между Дамаском и Багдадом. Советское руководство в данном случае предпочло опереться не на официальные дипломатические каналы, а на давнее личное знакомство Евгения Максимовича с президентами Асадом и Хусейном. Директор Института востоковедения сначала посетил иракского лидера, который принял предложение СССР и поручил своему вице-премьеру и министру иностранных дел Т. Азизу представлять иракскую сторону на московских переговорах. После Е.М. Примаков прибыл в Дамаск, где получил аналогичное согласие президента Сирии, назначившего «симметричного» в должностном отношении переговорщика в Москву – вице-преьера и главу МИДа А.Х. Хаддама. Благодаря «челночной» дипломатии директора Института востоковедения в конце июля 1983 г.

Азиз и Хаддам встретились в Москве, провели содержательные двухдневные переговоры, которые, однако, по нелепым обстоятельствам – никто из советских руководителей не принял посланцев Багдада и Дамаска, о чем они просили, – ни к чему в итоге не привели. Шансы, которые предоставляла блестящая миссия Евгения Максимова, были бездарно упущены.

В эпицентре перестройки

В 1985 г. уже в третий раз Е.М. Примаков оказался в ИМЭМО, возглавив институт вместо ставшего заведующим отделом пропаганды ЦК А.Н. Яковлева. Начиналась перестройка, и перед «внутрисистемными диссидентами» открывались новые возможности. Евгений Максимович вошел в круг лиц, тесно сотрудничавших с М.С. Горбачевым и разрабатывавших идеологию перестройки и «нового политического мышления». Летом 1987 г. он в составе группы экспертов участвовал в обсуждении этих вопросов на государственной даче в Абхазии. Данное мероприятие было организовано и проводилось А.Н. Яковлевым. А до этого Е.М. Примаков дважды – в ноябре 1985 г. и в октябре 1986 г. – сопровождал М.С. Горбачева во время его встреч с Р. Рейганом в Женеве и Рейкьявике. Поэтому можно без преувеличения сказать, что Евгений Максимович не только закладывал теоретические основы «нового политического мышления», но и был непосредственным свидетелем того, как это мировоззрение пробивало себе дорогу на практике – сначала в переговорах первых лиц СССР и США.

Одновременно стали стремительно расширяться и международные контакты Евгения Максимовича, повышался их уровень, менялось содержательное наполнение. Они становились не просто имевшими отношение к высокой политике, но и делали Е.М. Примакова при-

частным к структурам, вырабатывавшим экспертные оценки по поводу перспектив всей цивилизации. Так, в конце лета 1986 г. Евгений Максимович стал участником крупнейшей международной экспертно-интеллектуальной площадки – Римского клуба. Этому предшествовало обращение к Горбачеву президента Римского клуба Александра Кинга с предложением ввести в состав этой организации – дополнительно к уже состоявшему в ней академику, директору Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований Д.М. Гвишиани – еще двоих или троих советских представителей. Это предложение было воспринято на Старой площади позитивно, и Римскому клубу были рекомендованы, помимо Гвишиани, в качестве членов академики Е.М. Примаков и ректор Московского университета А.А. Логунов, а также писатель Ч.Т. Айтматов.

К этому времени генеральный секретарь, похоже, уже обратил внимание на директора ИМЭМО, фактически ровесника, единомышленника, опытного профессионала-международника, компетентного и с большим стажем администратора-управленца в так называемой непроизводственной сфере – с точки зрения партработников высшего звена, безусловно, второстепенной, но при этом не считавшейся ими синекурой. И при той нехватке новых и – главное – лояльных кадров, которую испытывал Горбачев на протяжении всего времени нахождения у власти, генсек решил «двигать» Е.М. Примакова.

Вскоре после визита Горбачева в Индию в ноябре 1986 г. Евгению Максимовичу стало известно о намерении отправить его послом в эту страну, однако из-за болезни жены он отказался от такого предложения. Тогда генсек стал способствовать росту Е.М. Примакова по пар-

тийной линии: в 1986 г. он оказался кандидатом в члены ЦК. Но это была еще только прелюдия к той должности, к которой Горбачев готовил Евгения Максимовича, ради которой сделал его в апреле 1989 г. членом ЦК и на которую намекнул ему, не называя конкретно, через месяц – во время поездки в Китай. А спустя несколько дней Горбачев уже прямо сообщил Е.М. Примакову, что хочет видеть его во главе Совета Союза новоизбранного Верховного Совета СССР. Евгений Максимович согласился. Это означало, что ему следовало уйти – и, как потом оказалось, навсегда – из академической науки в большую политику. Открывалась новая страница жизни.

Такому резкому карьерному скачку, несомненно, способствовала и причастность Евгения Максимовича к только что состоявшемуся визиту Горбачева в Китай, причем причастность как экспертно-аналитическая, так и практическая.

Что касается причастности экспертно-аналитической, то она свелась к подготовленной под его руководством в ИМЭМО записке «О перспективах советско-китайских переговоров», в которой детально обозначались все острые углы, которые следовало обойти делегации СССР во главе с Горбачевым в ходе предстоявших в Китае контактов на высшем уровне.

Записка начиналась с обозначения исходных стартовых позиций обеих сторон, и здесь обращает на себя внимание предельно откровенная констатация, что Советский Союз и Китай вступят в переговоры «политически и психологически в неравном положении». «Изначальное преимущество» будет у КНР, поскольку, во-первых, у Пекина имеются «полнокровные связи» в АТР – с Вашингтоном и Токио, во-вторых, Китай обладает «ста-

тусом тихоокеанской державы, а еще больше – сознанием того, что нормализация отношений с ним жизненно необходима для СССР». В записке также отмечалось, что определенную сложность создаст для Советского Союза «всё еще не разрушенный до конца стереотип восприятия Китая как страны, способной на самые непредсказуемые повороты, в значительной мере свободной в выборе средств политики».

Еще один важнейший нюанс, о котором советскому руководству надлежало помнить накануне и во время встречи с китайскими коллегами, заключался в сохранявшемся в СССР «упрощенном понимании природы взаимоотношений между СССР и другими странами социализма». Такое «упрощенное понимание» исходило из убеждения, что интересы любых социалистических стран в принципе не могли идти вразрез с советскими интересами и, следовательно, отношения внутри социалистического лагеря изначально являлись только союзническими и никакими иными.

На фоне такого распространенного заблуждения проводилась четкая мысль: «Оптимальные по своей перспективе советско-китайские отношения должны всякий раз опираться на конкретный баланс интересов двух стран, что уже само по себе указывает на невозможность их осмысления в априорно союзных категориях». Примечательно, что авторы записки не просто воспользовались удобным поводом, чтобы подвергнуть сомнению устаревшую на тот момент формулу взаимоотношений внутри социалистического лагеря: в конце концов, применительно к Китаю, на фоне воспоминаний о сравнительно недавнем жестком противостоянии обеих стран, вылившемся в том числе в пограничный конфликт на

острове Даманский, подобное уточнение о сотрудничестве на основе общих интересов, а не союзнических отношений выглядело вполне уместным.

Главное заключалось в другом: ситуация располагала к тому, чтобы в принципе довести до Горбачева и его окружения мысль о том, что пора пересматривать основания, на которых строился Восточный блок: «...на СССР и КНР как на двух крупнейших социалистических странах лежит немалая идейно-теоретическая и политическая ответственность за разработку и внедрение жизнеспособных принципов взаимоотношений стран социализма». Проблемы, с которыми столкнулся на тот момент «мировой социализм», предлагалось решать путем преодоления «недооценки национальной специфики» и активного задействования конкретного опыта – прежде всего китайской модернизации и советской перестройки.

Важнейшим пунктом записки явилось указание на существовавшее в Китае «двоевластие» «официального» и «неофициального» руководителей – лидера КПК Чжао Цзяна и Дэн Сяопина, возглавлявшего на тот момент Военный совет ЦК КПК и Центральный военный совет КНР, но влиятельного не в силу этих должностей, но вследствие непререкаемого политического авторитета. (Это сполна подтвердилось уже в ходе самого визита в Пекин: Чжао прямо сказал Горбачеву, что ни одно важнейшее решение не может быть принято без санкции Дэна.) Поэтому и необходимые при том раскладе «сожаления в связи с прежней политикой СССР в отношении Китая» рекомендовалось сделать не в ходе официальных переговоров, но при личной встрече с Дэном, что «будет выглядеть как естественная для норм китайской этики дань уважения старшему по возрасту и опыту политиче-

скому деятелю и не поставит советскую сторону в положение оправдывающейся».

Таким образом, концептуальная «разметка» первого после долгого времени визита в Пекин советского лидера оказалась абсолютно точной. Однако помимо подобного теоретического обеспечения переговоров, Е.М. Примаков оказал Горбачеву во время пекинских контактов еще и неоценимую практическую услугу. Как вспоминает Г.Г. Петров, занимавшийся на тот момент внешнеэкономической деятельностью, Евгению Максимовичу в Пекине удалось отговорить Горбачева от идеи пойти на мятежную площадь Тяньаньмэнь, что, несомненно, надолго испортило бы отношения между нашими странами.

Начиная с конца мая 1989 г. жизнь парламента, сформированного на совершенно иных началах, чем прежние Советы, привлекала к себе повышенное внимание. Ее трансляция стала занимать значительную часть эфирного времени, и Е.М. Примаков как председатель одной из палат Верховного Совета буквально не исчезал с экранов телевизоров. Для подкрепления новой должности Евгения Максимовича с партийной «стороны» осенью 1989 г. его избрали кандидатом в члены Политбюро. Однако он быстро понял, что вся та депутатская шумиха, в которую он оказался вовлеченным как глава Совета Союза, хотя и обеспечивала для большой политики необходимый градус общественных настроений, но вместе с тем имела к ней весьма косвенное отношение. И Е.М. Примаков как человек дела, привыкший – особенно за годы после прихода Горбачева – чувствовать себя причастным к подготовке и принятию действительно серьезных, судьбоносных решений, стал тяготиться своей во многом постановочной ролью, пусть и не сводившейся

только лишь к выстраиванию в очередь рвавшихся к микрофону депутатов, но тем не менее всё же явно периферийной, на которую не стоило менять серьёзную и на самом деле нужную для страны работу в ИМЭМО. Задевали и попытки отдела организационно-партийной работы ЦК, «курировавшего» Верховный Совет, посылать директивные «сигналы» – председателю Совета Союза приходилось их решительно пресекать, тем более что времена уже позволяли проявлять подобную самостоятельность.

Поэтому после избрания Горбачева на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР президентом Советского Союза и создания Президентского совета, в состав которого был включен и Е.М. Примаков, он решил оставить пост председателя Совета Союза и сосредоточиться на выполнении своих обязанностей на новой должности. В Президентском совете Евгений Максимович занимался в основном внешнеэкономическими проблемами. Он также был привлечен к разработке проектов новых союзных отношений и последовательно отстаивал мысль, что первоначально должен быть подписан экономический, а потом уже и политический договор между республиками, поскольку первое соглашение подписали бы, как тогда считал Е.М. Примаков, все без исключения. Эту точку зрения разделяли и остальные приверженцы реформ в окружении Горбачева – А.Н. Яковлев, В.А. Медведев, Г.Х. Шахназаров, А.С. Черняев и другие. Однако Горбачев отверг такую последовательность, опасаясь именно того, что желающих подписать политический договор будет намного меньше.

Еще на посту председателя Совета Союза Евгений Максимович активно включился в разрешение кон-

фликтов, разгоравшихся на территории СССР в последние годы его существования. В августе 1989 г. он направил Горбачеву записку, в которой изложил свое видение первоочередных мер, которые следовало предпринять в Нагорном Карабахе. Они сводились к гибкому сочетанию введенного в январе 1989 г. прямого руководства этой территорией из центра посредством Комитета особого управления с местным самоуправлением. Е.М. Примаков предлагал восстановить работу облисполкома и облсовета, закрытых с созданием Комитета особого управления, но под контролем этой чрезвычайной структуры, ввести миграционные ограничения в отношении населения НКАО, а также разблокировать незаконно установленные препятствия на линиях коммуникаций, соединявших Нагорный Карабах и Нахичевань с остальной территорией Азербайджана. В записке подчеркивалось, что путь к преодолению этого конфликта заключается в повышении автономного статуса Нагорного Карабаха в составе Азербайджана. Никакой реакции на эти предложения «сверху» не последовало.

Когда в январе 1990 г. в Баку вспыхнули армянские погромы, Горбачев направил туда Е.М. Примакова, секретаря ЦК А.Н. Гиренко, а также заместителя председателя Совета министров В.Х. Догужиева. Эта группа представителей союзного центра вела переговоры с лидерами Народного фронта Азербайджана, безуспешно убеждая их разблокировать воинские части, организовывала эвакуацию армян по Каспию. В эти дни Евгению Максимовичу пришлось даже выступать перед разгоряченной толпой, окружившей здание республиканского ЦК.

Через несколько месяцев, в ноябре 1990 г., Е.М. Примаков – уже в качестве члена Президентского совета, –

руководитель ЦК Компартии Азербайджана А.Н. Муталибов и председатель Верховного Совета Армении Л.А. Тер-Петросян в ходе встречи в Москве выработали «пакет» первоочередных комплексных мер для выхода из кризиса в отношениях между обеими республиками. В «пакете» предлагалось считать утратившими силу решения всех уровней, которые были приняты в отношении НКАО с начала конфликта в феврале 1988 г., провести выборы в Нагорном Карабахе, законодательно оформить его новый статус в составе Азербайджана, отменить чрезвычайное положение в НКАО и в целом в Азербайджане, а также предпринять ряд других шагов по нормализации ситуации в зоне конфликта. Муталибов и Тер-Петросян заявили о своей поддержке «пакета» и вынесли его на обсуждение депутатских групп своих республик в союзном Верховном Совете. На этой стадии «пакет» был провален.

На главных фронтах разрушающегося двухполярного мира

Преображению Е.М. Примакова в фигуру буквально международного масштаба, узнаваемую мировыми лидерами и принимаемую ими, способствовала его деятельность по урегулированию кувейтского кризиса осенью 1990 – зимой 1991 гг. После вторжения Ирака в Кувейт в начале августа 1990 г. мировое сообщество некоторое время пребывало в уверенности, что этот кризис может быть разрешен путем политического урегулирования. Несмотря на достаточно резкую тональность резолюций Совета Безопасности ООН по этому поводу, никто поначалу не думал, что для достижения статус-кво потребуются применение силы. Однако ни у кого не было четкого представления о том, как надо гасить данный конфликт. В советском руководстве также отсутствовало единство мнений на этот счет. Министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе выступал резко против каких бы то ни было контактов с официальным Багдадом. Позиция же Горбачева не была столь безапелляционной, и он решил отправить к Хусейну Е.М. Примакова, давно и близко знакомого с иракским лидером, в качестве представителя президента СССР – этот неформальный статус предоставлял спецпосланнику определенную свободу действий и вместе с тем свидетельство-

вал о его высоком положении. Евгению Максимовичу было поручено договориться с Хусейном о предоставлении советским специалистам возможности покинуть Ирак и постараться убедить иракского лидера в бесперспективности игнорирования резолюций Совета Безопасности ООН, требовавших вывода иракских войск из Кувейта.

Первая в ходе кувейтского кризиса встреча Е.М. Примакова с Хусейном состоялась 5 октября. Иракский лидер согласился выпустить из страны всех советских специалистов, которые желали уехать, но в вопросе об уходе из Кувейта был непреклонен, несмотря на реальную угрозу оказаться под ударом сил международной коалиции, о чем предостерег его Евгений Максимович. Вместе с тем Хусейн сделал принципиальную оговорку, что мог бы «при определенных обстоятельствах» согласиться уйти из Кувейта, если этот шаг будет способствовать решению палестинской проблемы.

Когда по возвращении в Москву Е.М. Примаков доложил о результатах встречи с Хусейном Горбачеву, президент СССР принял решение ознакомить с результатами багдадских переговоров президентов США, Франции, Египта и Сирии, короля Саудовской Аравии и обсудить с ними конкретную формулу: Хусейн уходит из Кувейта, будучи уверенным, что сразу после этого будет запущен серьезный процесс урегулирования конфликта между Израилем и палестинцами с привлечением членов Совета Безопасности ООН. Затем Горбачев предполагал снова направить Е.М. Примакова к Хусейну. Это непростое поручение Евгению Максимовичу пришлось выполнять фактически самостоятельно, без помощи МИДа. Шеварднадзе, подозревавший Е.М. Примакова в том, что он

готовится прийти на его место, всячески ему препятствовал и даже пошел на интригу: накануне встречи Евгения Максимовича с американским президентом руководитель советского МИДа через госсекретаря США Дж. Бейкера намекнул Бушу, чтобы тот не придавал значения действиям Е.М. Примакова.

Во второй декаде октября Евгений Максимович посетил столицы Италии, Франции, США и Великобритании, где обсудил с лидерами этих стран формулу Горбачева: уход Ирака из Кувейта в обмен на незамедлительное начало решения палестинской проблемы. Несмотря на проявленную Римом и Парижем заинтересованность в советской инициативе, стало понятно, что решение будет приниматься англосаксами и оно скорее всего сведется к проведению военной операции против Багдада. Однако это не закрывало возможности дальнейших дипломатических контактов Москвы, а их главным действующим лицом становился представитель советского президента.

И Горбачев отправил Е.М. Примакова в новое турне – на этот раз по арабским странам. В Каире, Дамаске и Эр-Рияде он должен был прозондировать возможность складывания единой позиции этих стран, к которой мог бы прислушаться Хусейн. А после Евгению Максимовичу предстояло снова оправиться в Багдад, чтобы донести эту позицию – если она образуется – до иракского лидера, а также еще раз предупредить Хусейна о неизбежности силовой акции Запада в случае его отказа покинуть Кувейт. Руководители Сирии, Египта и Саудовской Аравии в разной степени, но поддержали формулу Горбачева, дополнив ее отдельными инициативами, Хусейн же ничего принципиально нового Е.М. Примакову не высказал, хотя и допустил возможность привлечения арабских лидеров к урегулированию кувейтского кризиса.

17 января 1991 г. операция многонациональных сил «Буря в пустыне» против Ирака всё же началась, и в феврале Горбачев принял решение снова направить в Багдад Е.М. Примакова для очередной – третьей по счету с начала кувейтского кризиса – встречи с иракским президентом. Эта встреча состоялась в Багдаде 16 февраля. Евгений Максимович передал Хусейну настоятельную рекомендацию Москвы немедленно объявить о выводе войск из Кувейта и освободить оккупированную страну как можно скорее, чтобы тем самым избежать наземной фазы операции многонациональных сил, в результате которой армия Ирака будет неминуемо разгромлена. Но Хусейн стал тянуть с ответом и только через несколько дней заявил о своей готовности вывести войска из Кувейта. После того как Багдадом было принято это принципиальное решение, потребовалось еще время на достижение договоренностей о сроках освобождения Кувейта, но предотвратить наземную операцию сил антииракской коалиции было уже поздно, и 24 февраля войска коалиции развернули наступление.

После упразднения в конце 1990 г. Президентского совета Е.М. Примаков оставался в числе лиц, близких к Горбачеву, и был в марте введен в состав Совета безопасности. Совбез был образован вместо Президентского совета, но численность его членов была значительно меньше. Поэтому попадание в Совбез Евгения Максимовича свидетельствовало о его вхождении в круг лиц, наиболее значимых на тот момент для Горбачева. Об этом говорит хотя бы тот факт, что при полагавшемся предварительном рассмотрении в Верховном Совете кандидатур в члены Совбеза Е.М. Примаков не прошел, и Горбачев лично призвал депутатов пересмотреть свое решение и поддержать Евгения Максимовича.

Однако отношения советского лидера и одного из его ключевых советников нельзя считать безоблачными. Так, в январе 1991 г. Е.М. Примаков обратился с письмом к Горбачеву. Напомнив президенту разговор, который состоялся между ними накануне, и, в частности, брошенную главой государства фразу: «Ты не вписываешься в механизм», – Евгений Максимович информировал его о своем решении подать в отставку. «Это – не сиюминутная реакция и, уж во всяком случае, не поступок, вызванный капризностью или слабонервностью». Причина заключалась в другом. Е.М. Примаков писал, что «явно почувствовал» в последнее время, что отношение к нему со стороны Горбачева изменилось. Евгений Максимович не исключал, что причина этого крылась в том, что он «теперь объективно меньше нужен делу». К письму было приложено формальное заявление, в котором Е.М. Примаков испрашивал у Горбачева разрешения «вернуться на работу в АН СССР». Вряд ли когда-то станут известными подробности той размолвки, однако приведенный документ наглядно свидетельствует о том, что Евгению Максимовичу, находившемуся в непосредственной близости от Горбачева, приходилось работать в довольно сложных условиях.

Как и в Президентском совете, в Совете безопасности Е.М. Примаков вел преимущественно внешнеэкономические вопросы. На этом направлении в последние месяцы существования СССР Евгений Максимович занимался разными проблемами.

Например, поддержанием хотя бы на минимальном уровне взаимовыгодных отношений в рамках умирившего Совета экономической взаимопомощи. Для этого он предложил отказаться от тотального перехода на валют-

ные расчеты и сохранить товарообмен, как минимум, в рамках перерабатывающей индустрии. Так, весной 1991 г. Е.М. Примаков обратился к Горбачеву с запиской, в которой обосновывал пагубность для будущего экономических взаимоотношений Советского Союза с партнерами по Организации международного экономического сотрудничества (бывшего Совета экономической взаимопомощи) осуществления кооперационных связей между предприятиями этих стран «лишь через валютные отношения». Евгений Максимович убеждал президента, что такое решение «пагубно скажется на советской экономике и экономике восточноевропейских стран», а в перспективе завершится «полным прекращением с ними товарооборота в децентрализованной его части». Чтобы не допустить подобного развития событий, Е.М. Примаков предлагал «пойти на разрешение товарообменных (бартерных) операций», прежде всего «по линии предприятий перерабатывающих отраслей».

В личном архиве Е.М. Примакова сохранился машинописный документ, озаглавленный «Список актуальных проблем, стоящих перед Центром и союзными республиками СССР во внешнеэкономической сфере». По-видимому, эта записка была составлена Евгением Максимовичем в первой половине 1991 г. – в контексте работы над новым Союзным договором. В ней четко прослеживается его принципиальная позиция – учитывать и активно воспринимать новое, но при этом не в ущерб той исторически зарекомендовавшей себя данности, которая ни в коем случае не подлежит демонтажу. В этой записке все ключевые функции, обеспечивающие экономическое развитие, но вместе с тем требующие для своей реализации серьезной инфраструктуры, – инвентаризирующие,

систематизирующие, инспектирующие, планирующие и пр. – отводились центру.

Осуществление этих функций происходило рутинным образом и, как правило, не создавало какого-либо яркого общественного эффекта. А вот знаковые и изначально формировавшие впечатление о качественно новых отношениях между Центром и республиками обязанности – наподобие «квотирования и лицензирования экспорта и импорта», выработки конкретных формул погашения долговых обязательств, введения представителей республик в совет директоров Центробанка – предлагалось передать республиканским органам. В записке содержался недвусмысленный призыв отказаться от участвовавших попыток демонтажа экономических связей внутри Восточного блока с одновременным задействованием всех возможных ресурсов, которые давало существовавшее на тот момент членство СССР в международных финансовых и экономических организациях.

Летом 1991 г. – по-видимому, после первых в истории выборов президента России – Е.И. Примаков составил записку «Размышления на тему Союзного разговора», в которой предостерегал руководства союзных республик и прежде всего России воздержаться от неумеренных требований суверенитета. «Надо всем нам четко и ясно осознавать, – утверждал он, – что абсолютизация суверенитета в конце концов может привести к полному развалу страны, непредсказуемым последствиям в международных отношениях, откату мирового сообщества к временам “холодной войны”». Евгений Максимович выступал резко против высказывавшегося тогда некоторыми политиками требования сначала признать республиканские декларации о суверенитете и только после этого

подписывать новый Союзный договор. Единое советское экономическое пространство – это реальность, с которой надо считаться, которая не имеет ничего общего с «системой рынков, искусственно объединенных на одном экономическом пространстве». Западный опыт интеграции, в котором объединению рынков предшествовало обеспечение подлинного суверенитета государств, совершенно непригоден для Советского Союза, в котором «уже существует единое экономическое пространство, все части которого объединены сотнями миллионов нитей». Е.М. Примаков критиковал и другие «индуктивные» рецепты, предполагавшие продвижение к новому Союзному договору только после «размежевания» союзной и республиканской собственности, заключения межреспубликанских договоров и иных конкретных действий, которые не предполагали учитывать наличие исторически сложившегося единого союзного экономического пространства.

Впоследствии, размышляя над причинами краха Советского Союза и социалистического эксперимента в нашей стране, Е.М. Примаков делал и более обобщенные выводы. Так, например, он считал, что модернизация представляет собой комплексный процесс и проявляется не только в экономике и политике, но также в социальной и правовой сферах, идеологии и культуре. Однако перемены во всех этих областях происходят несинхронно, и «авторитаризм может выполнять модернизационную функцию». Перестройка же не получилась во многом из-за того, что экономика не смогла «воспринять результаты НТП».

Также помимо традиционных причин распада СССР («кризис командно-административной системы», неэф-

фактивные отношения между Центром и республиками, личностные особенности Ельцина и Горбачева, целенаправленные действия по ослаблению страны со стороны Запада и пр.), Е.М. Примаков указывал как на существенный деструктивный момент проявившееся в годы перестройки сочетание «идеологического вакуума» с «практической децентрализацией партийного руководства», когда преобладающую часть членов Политбюро составляли республиканские первые секретари. Эта мысль о начальном этапе децентрализации, который протекал еще в рамках союзного партийного руководства, заслуживает самого пристального внимания и подробного изучения.

Весной и летом 1991 г. Е.М. Примаковым была собрана информация о простаивании и неиспользовании закупленного импортного оборудования из-за несогласованных действий союзных отраслевиков и местных властей. До руководства страны Евгением Максимовичем доводились и сведения о коррупции во внешнеэкономических операциях, о выводе капиталов за рубеж, о злоупотреблениях при реализации военного имущества в Западной группе войск и других нарушениях. Е.М. Примакову поручались и важные дипломатические миссии. Так, в конце мая он в сопровождении первого заместителя председателя Совета министров В.И. Щербакова и руководителя «ЭПИцентра» Г.А. Явлинского прибыл в Вашингтон, где всех троих принял президент Буш, чтобы обсудить экономическую ситуацию в СССР и возможность предоставления Москве кредитов. Свидетельством влияния Е.М. Примакова в горбачевском окружении и признания его авторитета в экономических вопросах стало назначение Евгения Максимовича «шерпой»

на переговорах президента СССР с лидерами «Большой семерки» в Лондоне 17 июля 1991 г., которые, впрочем, не привели ни к какому конкретному результату.

Этому предшествовало одно важное, хотя и не слишком заметное с точки зрения большой международной политики, событие. В середине июня 1991 г., за месяц до саммита «Большой семерки» в Лондоне, в котором намечалось участие Горбачева в качестве гостя, Е.М. Примаков по указанию главы государства встречался в Москве с личным представителем германского канцлера Гельмута Коля Хорстом Кёлером (будущим директором-распорядителем МВФ, а затем – федеральным президентом Германии), о чем составил подробную записку на имя президента СССР.

Кёлер, сославшись на уже состоявшуюся в преддверии саммита встречу «шерп», транслировал Е.М. Примакову их мнение, что лондонское мероприятие окажется «горбачевской встречей в верхах», что, однако, не означало отказа от критических высказываний в адрес советского лидера из-за медленного и непоследовательного характера происходивших в СССР перемен. Представитель канцлера всячески давал понять своему собеседнику, что ФРГ, в отличие от других членов «Большой семерки», «попытается сыграть наиболее позитивную роль» в деле продвижения советских интересов на саммите, и предложил партнеру обозначить тот «пакет первой помощи» от стран «семерки», на который хотел бы рассчитывать СССР.

Воспользовавшись этой демонстративно нарочитой расположенностью собеседника, Е.М. Примаков обозначил ему те шаги со стороны Запада, в которых на тот момент наиболее остро нуждался Советский Союз. Среди

них, в частности, были названы «структуризация внешнего долга», учреждение специального «стабилизационного фонда», валютная часть которого должна была бы работать на достижение «конвертируемости рубля», а также «серьезные инвестиции программного характера» в советскую экономику – в ее «базовую отрасль промышленности», в «переработку сельхозпродукции», в «производство товаров народного потребления».

Однако, получив такой ответ, Кёлер перевел разговор на тему германо-советских отношений и затронул вопрос возможных выплат со стороны ФРГ за оставляемые Советской армией объекты на территории бывшей ГДР, хотя при этом оговорился, что «расчеты на получение 10–20 миллиардов немецких марок неосуществимы».

В ответ на это Е.М. Примаков, по его собственным словам, «в лоб» поинтересовался у Кёлера можно ли понимать сказанные им слова о том, что «текущие двусторонние вопросы» связаны и с сотрудничеством Германии и СССР в долговременном режиме, в качестве «увязки» способов разрешения поднятых представителем канцлера проблем с положением его страны в «семерке». На этот вопрос Кёлер ответил отрицательно.

Приведенный материал показывает, насколько глубоко и всесторонне Е.М. Примаков занимался подготовкой к участию Горбачева в лондонском саммите «Большой семерки». Если учесть, что президент СССР уделял этому событию едва ли не самое главное внимание среди всех других проблем лета 1991 г., то нетрудно представить, каким реальным уровнем инкорпорирования в круг лиц, причастных к принятию ключевых политических решений, обладал тогда Е.М. Примаков.

СВР и её директор в меняющейся России. Разведчик и дипломат

Через месяц с небольшим после августовского путча 1991 г. – 30 сентября – Е.М. Примаков был назначен руководителем Первого главного управления КГБ СССР – первым заместителем председателя КГБ. Существенную роль в этом назначении сыграл В.В. Бакатин, возглавивший ведомство в первые дни после провала ГКЧП и ставший, таким образом, непосредственным начальником Евгения Максимовича. Новый председатель КГБ сразу же приступил к фундаментальному реформированию госбезопасности, некоторые из бывших первых лиц которой оказались причастными к организации путча, и остро нуждался в новых людях на руководящих постах в органах – людях, которым он мог бы доверять. В этом смысле Е.М. Примаков оказался идеальной кандидатурой: он вместе с Бакаатиным входил в Совет безопасности, но главное – во второй, наиболее критический, день путча, 20 августа, выступил вместе с ним с публичным заявлением против создания ГКЧП и за немедленное прекращение изоляции М.С. Горбачева, а на следующий день в составе группы под руководством вице-президента РСФСР А.В. Руцкого летал за президентом СССР в Форос.

Однако несмотря на то, что в те августовские дни Бакатин и Е.М. Примаков продемонстрировали единство

во взглядах и поступках, в дальнейшем их действия стали существенным образом расходиться. Бакатин при реформировании органов госбезопасности совершил много ошибок, предпринимал непродуманные действия, повлекшие за собой невосполнимые кадровые потери и фактический отказ от всего того действительно ценного опыта работы по обеспечению безопасности страны, который был накоплен структурой за десятилетия ее существования. А Е.М. Примаков поступал ровно наоборот – на протяжении своего руководства разведкой он следовал двум главным установкам: во-первых, во что бы то ни стало сохранить этот уникальный институт и даже защитить его от разного рода радикальных намерений, возникавших на первых порах после путча в союзных и российских верхах, во-вторых – адаптировать его к совершенно новым реалиям, в которых оказалась страна, а значит, тем самым гарантировать его развитие, пусть и в тех масштабах, в каких это было возможно в ситуации глубокого кризиса государственности начала 1990-х гг.

Безусловно, реализовать эти установки Е.М. Примакову существенно помогло и объективное обстоятельство: уже когда он возглавил ПГУ КГБ, было ясно, что в скором времени разведку выделят из системы госбезопасности в самостоятельную структуру. Это произошло спустя месяц после прихода Евгения Максимовича на новую должность: в начале ноября ПГУ было преобразовано в Центральную службу разведки СССР, а после распада Советского Союза – в самом конце 1991 г. – в Службу внешней разведки Российской Федерации. Превращение разведки в отдельную спецслужбу, несомненно, уберегло ее от тех деструктивных процессов, которые происходили в остальном КГБ, подвергшемся многочисленным

разрушительным трансформациям в первое постсоветское время.

Вместе с тем сама по себе организационная самостоятельность, став хорошим условием для сохранения профессионального потенциала разведки, еще не означала того, что эта спецслужба не растратит своих навыков и приспособится к новым условиям деятельности. Требовалась концепция дальнейшей деятельности разведки – грамотная и взвешенная, опирающаяся на очевидные точки роста и вместе с тем учитывающая объективные условия, в которых отныне приходилось существовать, главным образом – резко сократившееся финансирование. И в том, что такая концепция сформировалась и была воплощена в жизнь, – безусловная заслуга Евгения Максимовича.

Одним из первых шагов Е.М. Примакова стала подготовка проекта закона «О внешней разведке», который был принят уже через полгода после создания СВР – летом 1992 г. Таким образом, разведка стала первой российской спецслужбой, чья деятельность регламентировалась отдельным законодательным актом федерального уровня. К тому же директор СВР рассматривал данный акт в качестве дополнительной гарантии того, что разведка сохранится и не будет упразднена, поскольку после распада СССР отдельные представители руководства РФ вновь стали высказывать сомнения в ее нужности, когда, как они полагали, холодная война завершилась. То есть закон «О внешней разведке», закрывая тему о целесообразности этой спецслужбы для новой России, стал защитой СВР от внешних угроз, которые по тем временам сводились преимущественно к недомыслию или злему умыслу отдельных «реформаторов».

Но помимо этой внешней угрозы Е.М. Примакову приходилось нейтрализовывать и угрозы внутренние, возникавшие в самой разведке и заключавшиеся в начале 1990-х гг. главным образом в массовом уходе из нее по причине низких зарплат профессиональных кадров, которых с удовольствием брали коммерческие структуры. Директор СВР приложил немало сил для того, чтобы переломить эту тенденцию и спасти уникальный коллектив СВР. Ему удалось добиться повышения должностных окладов и дополнительных выплат сотрудникам, сохранить ведомственную медицину и другие составляющие социально-бытовой инфраструктуры и даже возобновить наделение нуждающихся бесплатным – как в советские времена – жильем.

Самой сложной задачей, которую пришлось решать Е.М. Примакову, стала оптимизация спецслужбы, которая состояла в определении всего рисунка деятельности разведки в рамках того бюджетного финансирования, на которое она могла рассчитывать. Главная проблема здесь заключалась в том, чтобы найти корректное и соответствующее новой внутрироссийской и мировой конъюнктуре сочетание традиционных направлений, которыми разведка занималась прежде и которые требовалось продолжать и теперь, и направлений новых, ранее просто не существовавших. Для решения этой проблемы была уточнена своего рода система стратегических координат СВР – представлений о роли и месте разведки в общей системе обеспечения безопасности России, о противниках и о возможности выстраивания с ними комплексных взаимоотношений вплоть до сотрудничества по ряду вопросов, о градации угроз государству, в том числе и новых – возникших к концу XX в.

Нуждалась в осмыслении и такая новая реальность, как деполитизация разведки. Требовалось определить ее внутреннее содержание и границы, пределы, до которых она могла доходить. По этому поводу Е.М. Примаков писал: «Разведка не участвует во внутривнутриполитической жизни России. Конечно, каждый ее офицер и служащий не только может, но и должен питать симпатию или антипатию к той или иной политической, общественной силе в РФ. Но он не может руководствоваться своими политическими симпатиями или антипатиями в повседневной работе – он должен думать лишь о национальных интересах страны; в этом, как это ни парадоксально, и заключается деполитизация разведки».

Однако, говоря о деидеологизации и деполитизации разведывательной деятельности, Е.М. Примаков трактовал эти новые установки не расширительно, а сугубо конкретно. По его мнению, исчезло, ушло в прошлое только лишь противостояние – в основе своей идеологическое – между Западом и социалистическим блоком (по причине исчезновения последнего), но никак не конкуренция как таковая между странами и их объединениями. Она не только осталась, но и в новых мировых раскладах после распада Советского Союза и Восточного блока вышла на новый уровень: теперь вместо одной постоянной идеологической баррикады, разделявшей мир на две части, налицо «множество баррикад», возведенных с учетом «несовпадающих государственных интересов», а потому весьма динамичных и непостоянных.

Отсюда проистекало его совершенно четкое понимание миссии разведки в новых условиях: «Разведка должна работать по всем “азимутам”, но только там, где за-

трагиваются интересы России. Отказ от глобализма и тотальности в нашей работе – это требование жизни. Отсюда возникает и необходимость диверсификации задач, достаточная гибкость, умение перенацеливать свои силы и возможности».

Новые акценты и направления в работе привели к необходимости структурных перемен внутри СВР. Например, появилось отдельное управление, занимавшееся в целом обеспечением экономических аспектов безопасности страны, противодействием любым попыткам создать для России неравноправные условия конкуренции и препятствовать выходу ее продукции – преимущественно военного назначения – на мировые рынки. Управлению также вменялось в обязанность отслеживать выполнение зарубежными торгово-экономическими субъектами соглашений с их российскими партнерами и собирать данные о состоятельности таких субъектов соблюдать условия по тем контрактам, которые они намеревались подписать с РФ. В своих воспоминаниях Е.М. Примаков приводит наглядный пример работы этого управления, когда оно в 1995 г. добыло сведения о том, что озвученное Пакистаном намерение приобрести у России крупную партию военных самолетов являлось блефом и попыткой шантажировать США, которые отказались от аналогичного контракта из-за пакистанской ядерной программы, а также одновременно создать напряженность во взаимоотношениях между Дели и Москвой. К тому же СВР удалось найти подтверждение тому, что Пакистан в принципе не располагал необходимыми для оплаты этого контракта средствами.

Также было создано новое управление, занимавшееся всем комплексом проблем, связанных с распространени-

ем оружия массового уничтожения, и на этой почве наладились серьезные контакты СВР со спецслужбами других государств. Эти контакты стали развиваться и вскоре перестали ограничиваться исключительно проблематикой оружия массового уничтожения, что, в свою очередь, потребовало формирования специального управления по взаимодействию с зарубежными спецслужбами. В ведущих странах Запада появились открытые резиденты СВР, ведавшие практической организацией таких контактов на долговременной основе. А открытые резиденты западных разведок начали вести аналогичную деятельность в Москве.

Первые шаги в этом направлении были предприняты непосредственно самим Е.М. Примаковым задолго до создания этого управления. В ноябре 1991 г. директор тогда еще союзной Центральной службы разведки посетил США и выступил на семинаре рабочей группы, состоявшей из американских и советских представителей и рассматривавшей проблемы стратегической стабильности. С американской стороны в семинаре участвовал глава Национального совета разведки ЦРУ Ф. Эрмарт. А примерно через год – в октябре 1992 г. – Россию посетил директор американской Центральной разведки и руководитель ЦРУ Р. Гейтс, встречавшийся не только со своим коллегой – Е.М. Примаковым, – но и с президентом России Б.Н. Ельциным. Личные контакты глав российского и американского разведывательных ведомств стали приобретать регулярный характер. В июне 1993 г. в Вашингтоне Е.М. Примаков вел переговоры с новым директором ЦРУ Дж. Вулси. А примерно через два месяца состоялся ответный визит шефа ЦРУ в Москву и Петербург, в ходе

которого стороны обсуждали обострившийся боснийский кризис. Можно сказать, что между обеими разведками за крайне непродолжительный срок установились действительно конструктивные контакты.

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в конце сентября 1993 г., когда многомесечное противостояние президента РФ и Верховного Совета перешло в силовую фазу, Е.М. Примаков принял открытого американского резидента в Москве Дж. Морриса. Инициатива встречи исходила от Морриса, который по поручению своего шефа Дж. Вулси просил директора СВР поделиться собственным видением происходившего в Москве. Эта информация требовалась Вулси для доклада о ситуации в РФ, который он в те дни готовил для президента США. Выходило, что руководство американской разведки не только интересовалось личным мнением Е.М. Примакова, но и рассчитывало, что в крайне неопределенной и непредсказуемой – на тот момент – для обеих конфликтующих сторон ситуации глава СВР сочтет возможным высказать это мнение американским партнерам.

Кстати, если говорить о том, как сама разведка пережила события конца сентября – начала октября 1993 г., то следует подчеркнуть, что она, безусловно, наблюдая за происходившим, осталась в стороне от конфликта ветвей власти. Впоследствии в своих воспоминаниях Е.М. Примаков так объяснил занятую его службой позицию: «Любая политическая заангажированность в тот момент нам дорого стоила бы – мы могли потерять значительную часть своего агентурного аппарата». При этом бывший шеф разведки также отметил, что Б.Н. Ельцин с пониманием воспринял «такую позицию» и вообще «СВР

была единственной спецслужбой, куда он во время разворота событий ни разу не позвонил». Вместе с тем в состоявшемся вскоре после обнародования указа № 1400 разговоре с президентом Е.М. Примаков прямо сказал, что этот указ «не до конца продуман». А на последовавшее резкое замечание Ельцина: «Я ожидал другого ответа от директора Службы внешней разведки», – отреагировал выдержанным тоном, взвешивая при этом каждое слово: «Я сказал вам так, как думаю. Было бы гораздо хуже, если бы руководитель Службы внешней разведки говорил неправду своему президенту. Но мое отношение к указу – это мое личное отношение. И я уверен, что вы не заподозрите СВР в антипрезидентских настроениях». Ельцина, похоже, в целом удовлетворил такой ответ, если после этого он не позвонил в СВР в самый критический момент своего противостояния с Верховным Советом, да и потом дважды повышал статус Е.М. Примакова, назначив его сначала министром иностранных дел, а затем премьером.

Что же касается дальнейшего развития взаимоотношений между российской и американской разведками в годы директорства Е.М. Примакова, то оно было прервано из-за получившего огласку дела Эймса, причем прервано именно по инициативе США, которые объявили персоной нон-грата российского открытого резидента в Вашингтоне, не имевшего никакого отношения к делу Эймса. Москве пришлось принять симметричные меры и выдворить из страны американского открытого резидента Дж. Морриса. После этого взаимоотношения между обеими разведками были резко минимизированы и до ухода Е.М. Примакова с поста директора СВР более не

набирали силу. Впоследствии Евгений Максимович был вынужден фактически признать, что, по-видимому, у подобного рода коммуникаций имеется свое естественное ограничение, которое сводится даже не столько к объективным барьерам, позволяющим раскрывать партнерам друг другу карты лишь до известного предела, – данное обстоятельство никуда не девалось на протяжении всех этих месяцев довольно плотного общения ЦРУ и СВР и ничуть ему не мешало, – сколько к «сугубо прагматичному, избирательному подходу», который обе стороны проявляли при взаимных контактах, в результате чего «полный их потенциал так и не был задействован». И дело Эймса в этом смысле стало лишь поводом, но никак не причиной сворачивания диалога спецслужб.

Дело Эймса позволило переосмыслить применительно к новым геополитическим условиям вообще мотивационную составляющую агентурной деятельности, которая, с одной стороны, перестала обуславливаться, как прежде, преимущественно идеологическим противостоянием между обеими политическими системами, а с другой стороны – тоже, как и ранее, – не стала определяться исключительно меркантильными соображениями. Евгений Максимович считал по этому поводу: «Теперь мы не говорим об идеологической основе обретения зарубежной помощи. Но продолжает действовать политическая заинтересованность многих людей в сотрудничестве с теперь уже не советской, а российской разведкой. За этим стоит и нежелание видеть мир однополюсным, и опасения угрозы односторонней перекройки послевоенных европейских границ, и понимание роли России как фактора стабильности в Европе и мире в целом».

Е.М. Примаков прилагал усилия к развитию взаимоотношений и с традиционно недружественной к Совет-

скому Союзу, а затем и к России британской Секретной разведывательной службой. Инициатива в данном случае принадлежала англичанам – летом 1992 г. посол Соединенного Королевства Б. Фолл представил директору СВР открытого резидента СИС Д. Скарлетта, а также сотрудника контрразведки МИ-5 Э. Слаттера. Однако английская сторона поначалу не соблюдала даже видимости паритета взаимных уступок, ставя российскую сторону в заведомо неравноправные условия: британцы не соглашались на то, чтобы в Лондоне начал работать представитель СВР. Тогда Е.М. Примаков обратился с письмом к бывшему послу Великобритании в СССР и РФ Р. Брейтвейту, с которым директор СВР поддерживал отношения и после его отъезда из Москвы. Брейтвейт на тот момент руководил Объединенным разведывательным комитетом британского кабинета министров и, соответственно, имел возможность повлиять на разрешение этой проблемы. В июне 1993 г. он прибыл в Москву и встретился с Евгением Максимовичем. Стороны договорились о том, что российский открытый резидент получит возможность работать в Лондоне. Учитывая значимость установления партнерских отношений с британской разведкой, Е.М. Примаков намеревался направить на эту работу своего заместителя В.И. Гургенова, однако англичан эта кандидатура не устроила, напряжение между обеими сторонами нарастало, и в итоге открытый резидент СИС Скарлетт был вынужден покинуть Россию, а Великобритания выслала одного из сотрудников посольства РФ в Лондоне.

Тем не менее этот шпионский скандал не застопорил дальнейших коммуникаций российской и британской

разведок, и инициаторами их возобновления снова выступили англичане. В сентябре 1994 г. Е.М. Примаков встречался в подмосковной Барвихе с руководителем регионального управления СИС Э. Фултоном и шефом МИ-5 Ч. Блендом. Стороны договорились о возобновлении контактов спецслужб, а также об обмене данными по широкому спектру вопросов. После этого и до конца пребывания Е.М. Примакова на должности директора СВР отношения российских разведчиков с их британскими коллегами имели в целом положительную динамику.

В качестве главы СВР Евгений Максимович неоднократно совершал поездки в различные взрывоопасные регионы как дальнего, так и ближнего зарубежья. Именно как руководитель российской разведки Е.М. Примаков начал вплотную заниматься разрешением кризиса на территории бывшей Югославии. В январе 1993 г. он посетил Белград и провел переговоры с президентом Сербии С. Милошевичем. Директор СВР убеждал своего собеседника в том, что Сербии необходимо активно включиться в процесс мирного урегулирования боснийского кризиса, иначе не только не будут сняты западные санкции в отношении Югославии, но и не исключены более жесткие меры против Белграда, в том числе силовые – со стороны НАТО. Чтобы избежать подобного развития событий, Е.М. Примаков призывал Милошевича отправиться в Женеву на переговоры по плану мирного урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине Вэнса–Оуэна, чтобы тем самым резко изменить тот имидж, который создавали сербскому президенту на Западе. Директору СВР удалось убедить Милошевича, до того не намеревавшегося участвовать в женевских переговорах, лично поддержать план Вэнса–Оуэна. В результате президент

Сербии прибыл в Женеву и своим присутствием там способствовал тому, что сербская делегация на переговорах согласилась с предлагавшимся конституционным устройством Боснии и Герцеговины.

Милошевич и в дальнейшем продолжал отстаивать план Вэнса–Оуэна, несмотря на спровоцированный хорватами новый виток силового противостояния в Сербской Крайне и даже на фактический отказ боснийских сербов соблюдать женевские договоренности. Занятая президентом Сербии последовательная позиция сделала его полноправной стороной, подписавшей Дейтонское соглашение, которое означало завершение войны в Боснии и Герцеговине. Сербия и лично Милошевич получили по максимуму, на что в принципе могли рассчитывать в той ситуации. Конечно, такая международная легитимация Белграда и его лидера означала лишь временную передышку перед новым – косовским – фронтом, который стал спешно готовить Вашингтон, недовольный подобным исходом для Союзной Республики Югославии войны в Боснии. Но в том, что Белграду удалось не только стать причастным к завершению боснийского кризиса и достойно выйти из него, но и приобрести при этом дополнительные дипломатические дивиденды в виде очевидного международного признания в качестве одной из ведущих сил на Балканах, была безусловная заслуга директора СВР Е.М. Примакова, уговорившего Милошевича изменить отношение к плану Вэнса–Оуэна.

Прекращение холодной войны в глобальном масштабе отнюдь не привело к снижению конфликтности в мире, считал Евгений Максимович. Даже напротив, если раньше двухполюсное противостояние вынуждало обе стороны не только к отказу от взаимного столкновения,

но и к сдерживанию очаговых противостояний между подконтрольными им силами в разных точках планеты или, во всяком случае, поддержанию баланса интересов сверхдержав в этих горячих точках, то теперь, в ситуации обвала такого всепроникающего взаимного контроля друг за другом, стали множиться «конфликтные ситуации на региональном уровне», в том числе и в Европе, что поставило под угрозу будущее Хельсинкского акта, который утратил свое значение «надежного гаранта границ».

Другой горячей точкой, которой пришлось заниматься Е.М. Примакову, когда он возглавлял российскую разведку, стал Таджикистан, в котором в 1992 г. началась кровопролитная гражданская война. В эту войну невольно оказались втянутыми и российские пограничники, охранявшие таджикско-афганскую границу. Они регулярно подвергались нападениям со стороны вооруженных отрядов таджикской оппозиции, которые периодически уходили с территории Таджикистана в Афганистан, где находились их основные базы, и возвращались обратно. Поэтому процесс мирного урегулирования в Таджикистане следовало начинать именно с Афганистана.

В конце июля 1993 г. Е.М. Примаков прилетел в Кабул, где провел беседы с президентом Афганистана Б. Раббани и министром обороны А.Ш. Масудом. До обоих собеседников глава СВР старался донести мысль, что урегулирование гражданского конфликта отвечает интересам как России, так и Афганистана. И если российские погранзаставы будут по-прежнему подвергаться нападениям, Россия окажется вынужденной ответить на это силой, что неизбежно приведет к эскалации напряженности в регионе, в чем Кабул совершенно не заинтересован. Обе встречи прошли в конструктивном духе, а влиятель-

ный министр обороны не только выразил свою поддержку позиции Е.М. Примакова, но и помог организовать ему встречу с находившимся в Афганистане лидером Объединенной таджикской оппозиции С.А. Нури. Директор СВР подтвердил Нури готовность России выступить посредником в ходе подготовки и проведения прямых переговоров лидера оппозиции с президентом Таджикистана Э. Рахмоновым.

В ответ Нури дал понять Евгению Максимовичу, что готов принять это предложение и со своей стороны стабилизировать ситуацию на таджикско-афганской границе. Поэтому справедливо полагать, что процесс урегулирования гражданского конфликта в Таджикистане, который завершился в 1997 г. подписанием мирного соглашения между оппозицией и официальной властью страны, начался именно с той самой встречи руководителя российской разведки с лидером Объединенной таджикской оппозиции.

Добившись определенного успеха на переговорах в Афганистане, Е.М. Примаков перелетел оттуда в Тегеран, где продолжил обсуждать проблему политического урегулирования в Таджикистане с руководством Ирана, который также влиял на процессы, протекавшие в этой бывшей советской республике. Директор СВР встречался с президентом страны А.А.Х. Рафсанджани, министром иностранных дел А.А. Велаяти и его заместителем М. Ваэзи. Участники переговоров пришли к консолидированному мнению, что политическое урегулирование в Таджикистане отвечает интересам Ирана, и рассмотрели возможные способы участия Тегерана во внутритаджикском диалоге.

В СВР Евгению Максимовичу особенногодились его многолетний опыт эксперта-международника и на-

выки комплексного ситуационного анализа, которым он занимался в ИМЭМО. Не будет особым преувеличением сказать, что в принципе заметное усиление именно аналитического компонента в деятельности разведки, о чем впоследствии говорил сам Е.М. Примаков как об одном из результатов своего руководства этой спецслужбой, было обусловлено в том числе профессиональными склонностями и предпочтениями ее нового руководителя. В отличие от Первого главного управления КГБ, уделявшего приоритетное внимание именно сбору информации и ее передаче «наверх», СВР стала производить собственный аналитический продукт и предоставлять руководству страны именно его – то есть фактически готовые решения, что было очень кстати в условиях кризиса российской власти, обозначившегося сразу же после распада СССР и появления самостоятельной РФ. «Извечный вопрос, кто важнее – разведчик-аналитик или разведчик-оперативник, – должен быть раз и навсегда отброшен, – считал Евгений Максимович. – Сегодня как никогда ясно, что без аналитического подхода невозможно успешно провести мало-мальски ценную разведывательную операцию». Руководитель СВР призывал подчиненных изживать «инерционное мышление», но при этом осознавать «историческую непрерывность процесса разведдеятельности».

Возглавляя разведку, Е.М. Примаков курировал стратегические разработки по разным проблемам обеспечения внешней безопасности России. При нем возникло и такое новшество, как открытые доклады разведки. «Разведка пошла на усиление своего влияния на процесс выработки решений на государственном уровне» – так Евгений Максимович объяснял появление этого нового

публичного направления деятельности. Среди подобных разработок особое место занимает подготовленный под его руководством в СВР в ноябре 1993 г. доклад «Перспективы расширения НАТО и интересы России». В докладе отмечалось, что вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО должно осуществляться с учетом позиций всех заинтересованных сторон на континенте, в том числе и России, и лишь в таком случае сложатся условия для реального партнерства НАТО и РФ. Через несколько лет, уже на посту министра иностранных дел, Е.М. Примакову пришлось заниматься этой проблемой практически.

Е.М. Примакову удалось добиться серьезных перемен в деле разрешения проблемы, являвшейся для российской разведки, пожалуй, наиболее деликатной и вместе с тем болезненной. В последние годы существования этой спецслужбы в структуре союзного КГБ, да и в первое постсоветское время участились случаи, когда наши разведчики становились перебежчиками и выдавали завербовывавшим их иностранным спецслужбам ценнейшие сведения и прежде всего списки советских и российских агентов в других странах. Задача качественно улучшить функционирование внешней контрразведки назрела уже давно, но она так и не была решена из-за общего кризиса отечественных спецслужб накануне и в первые месяцы после распада СССР. Евгений Максимович предпринял несколько неотложных – хотя и давно назревших – мер для исправления этого изъяна в работе разведки.

Было покончено с тянувшейся еще с давних советских времен традицией выстраивания своего рода «вертикали ответственности», когда не только тем или иным наказаниям подвергались лица, имевшие отношение к должно-

стному росту перебежчика, но и «брались на карандаш» дававшие ему положительные характеристики. Подобная практика, естественно, не способствовала реконструкции объективной комплексной картины мотивационного мира перебежчиков, и теперь с ней было покончено. Внешняя контрразведка, освобожденная к тому же от прежней необходимости координировать свои действия со Вторым главным управлением КГБ, что неизменно приводило к внутриведомственной конкуренции, обрела возможность обстоятельно и объективно расследовать дела о завербованных сотрудниках или «невозвращенцах» и тем самым способствовать профилактике такого рода поступков, а через это – в целом оздоровлению внутреннего климата российского разведывательного сообщества.

Е.М. Примаков считал, что в новых условиях разведка не может действовать в абсолютно закрытом от общества режиме, что требуется определенное информирование страны и мирового сообщества о том, что происходит в ясеневском лесу. Но для того, чтобы гласность не навредила разведки так, как непродуманная политика в этой области в годы перестройки нанесла непоправимый ущерб советской государственности, Евгений Максимович призывал четко определять, что подлежит рассекречиванию, а что остается по-прежнему закрытым от посторонних. «Критерий, определяющий предел гласности для разведки, – считал он, – должен быть один: ненанесение ущерба оперативной работе и людям, в нее вовлекшимся или вовлеченным в настоящее время, их семьям, друзьям, окружению вне зависимости от гражданства или степени и формы участия в разведработе».

Т.В. Самолис, занимавшейся практическим воплощением в жизнь курса на привнесение в работу СВР опре-

деленного уровня гласности, принадлежит такое высказывание о Е.М. Примакове: «Сам для себя он всегда знал главную свою задачу. Будучи ученым, человеком системного мышления, он в цепи множества проблем находил то самое главное звено, потянув за которое можно было добраться до сути, и из этого уже вытекали принимаемые им решения и все его наставления. Он хорошо понимал, что если у пиджака первую пуговицу застегнуть криво, то рассчитывать на то, что к концу всё сойдется и будет ровным, невозможно. Первую нужно застегнуть правильно! И он всегда знал, какая пуговица первая».

При Е.М. Примакове отечественная разведка обрела не только новую и самостоятельную структурность, но и совершенно иное самоощущение, нежели то, какое ей было присуще прежде. При этом корпоративный дух СВР продолжил опираться на незыблемые и глубокие традиции отечественной разведки – прежде всего, конечно, советской, но также и дореволюционной – и вместе с тем стал побуждать разведывательную повестку постоянно самонастраиваться на динамично меняющуюся картину мира конца XX в. За четыре с небольшим года, в течение которых Е.М. Примаков возглавлял СВР, он обрел безусловный и непререкаемый авторитет среди не только своих подчиненных, но и зарубежных коллег, а также широкого круга государственных и политических деятелей разных стран.

По словам Г.А. Рапоты, который на завершающем этапе работы Е.М. Примакова во главе СВР был его заместителем, Евгения Максимовича в Ясеневе за глаза называли Академиком – сначала настороженно, опасаясь, как бы новый гражданский руководитель не наломал

дров, а затем, когда беспочвенность подобных волнений стала очевидной, – с почтением. Именно академическим прошлым Евгения Максимовича Рапота объясняет и новый стиль руководства, который утвердился в разведке с приходом в нее Е.М. Примакова. Характерной чертой этого стиля стало повышенное внимание и исключительное доверие к экспертному мнению как таковому – в том числе по причине того, что он и сам долгое время был таким экспертом.

Рапота отмечает, что в советское время «ни одно важнейшее решение не принималось высшим политическим руководством без предварительной проработки на экспертном уровне». «Иногда экспертные группы этого уровня личностей собирались на одной из правительственных дач на несколько дней для выработки решения “на заданную тему”. Причем, помимо того что это были сами по себе ученые с мировым именем, за каждым из них стоял еще и научный коллектив». Евгения Максимовича «интересовало любое экспертное мнение, пусть даже самое радикальное, не всегда совпадающее с его собственным мнением. Если он не соглашался, то обосновывал свою позицию, не принижая собеседника, не лишая его воли к самостоятельному мышлению. Похоже, что он не очень доверял тем, кто относился к категории “слепых исполнителей”. И вместе с тем как руководитель всегда был тверд, оставляя за собой последнее слово. Если подчиненный в пылу полемики терял чувство меры и продолжал настаивать на своем, Евгений Максимович мог с улыбкой сказать: “Может быть, вы позволите мне побыть начальником...”».

По свидетельству Рапота, у Е.М. Примакова была своя градация в деле обеспечения национальных интересов.

Безусловный приоритет он отдавал поддержанию территориальной целостности как неперемennomу условию существования любого государства. При этом он считал, что решение этой задачи может быть эффективным лишь тогда, когда цель достигается не силовыми методами, а нормальным функционированием экономической базы и отлаженной работой институтов власти. Следующий уровень – это формирование «комфортной среды обитания» для страны, что достигается за счет выстраивания «стабильных дружеских отношений с сопредельными странами». Поэтому отношениям с постсоветскими государствами он уделял первостепенное внимание, нежели работе с пусть и значимыми в геополитическом отношении, но при этом территориально далекими странами.

К середине 1990-х гг. многие наблюдатели как в РФ, так и за ее пределами стали ощущать, что директор СВР, оставаясь на протяжении всех лет его работы в Ясенева фигурой, совершенно не раскрученной в медийном отношении, тем не менее явно «вырос» из своей должности и заслуживает повышения. Естественно, о том же самом стали все чаще говорить и в самой разведке, однако при этом воспринимали возможный уход Е.М. Примакова – «нашего Максими́ча», как между собой звали его сотрудники СВР, намекая тем самым на всенародно любимого телегероя Штирлица-Исаева, – чуть ли не как ведомственную катастрофу. Вместе с тем при характерной для РФ 1990-х гг. вопиющей нехватке профессионалов высочайшего уровня, имевших к тому же богатый опыт работы на руководящих постах федерального значения, дальнейший рост Е.М. Примакова становился неизбежным.

В высотке на Смоленской-Сенной

На протяжении 1995 г. в экспертных кругах все чаще говорили о неминуемой отставке министра иностранных дел РФ А.В. Козырева. С его именем прочно ассоциировалась политика масштабной сдачи Россией ее внешнеполитических позиций в первые постсоветские годы. Но на фоне первой чеченской кампании и в преддверии предстоявших в 1996 г. очередных президентских выборов Б.Н. Ельцин стал активно перехватывать у оппозиции патриотическую и государственническую риторику, и имидж главы МИДа начал заметно диссонировать с новым образом Кремля.

После думских выборов в декабре 1995 г. о скором уходе Козырева заговорили как о вопросе решенном, а в качестве его преемника называли в том числе и директора СВР. Эти слухи оправдались сполна: 5 января 1996 г. Козырев был отправлен в отставку, и в этот же день президент вызвал в Кремль Е.М. Примакова и предложил ему возглавить МИД. Евгений Максимович ответил решительным отказом, мотивируя свое решение двумя причинами: появление спецслужбиста во главе внешнеполитического ведомства может быть негативно воспринято на Западе, а это совершенно не нужно перед президентскими выборами, к тому же к разведке он уже настолько «прикипел», что не хотел бы оттуда уходить.

Ельцин тогда не стал надавливать на Евгения Максимовича. Но 9 января, когда Е.М. Примаков приехал в

Кремль на очередной доклад, президент всё же настоял на том, чтобы директор СВР принял его предложение. А 10 января Ельцин представил Е.М. Примакова коллегии МИДа и в качестве приоритетных обозначил новому министру иностранных дел два направления: активизироваться на постсоветском пространстве и диверсифицировать работу МИДа сообразно со спецификой регионов и отдельных стран.

Свои программу и кредо в качестве нового главы МИДа Е.М. Примаков изложил на пресс-конференции 12 января 1996 г. Министр подчеркнул, что считает главными направлениями работы создание оптимального внешнеполитического контекста для упрочения территориальной целостности РФ, развитие интеграции на постсоветском пространстве, урегулирование локальных конфликтов в ближнем и дальнем зарубежье, противодействие возникновению новых горячих точек и распространению оружия массового уничтожения.

С.В. Лавров – на тот момент постпред России при ООН и в Совете Безопасности ООН – в январе 1996 г. был свидетелем высказывания Генри Киссинджера в адрес новоназначенного министра иностранных дел. На вопрос, как гуру американской дипломатии воспринимает смену в высотке на Смоленской-Сенной, особенно с учетом того, что предыдущий глава российского внешнеполитического ведомства являлся исключительно удобным партнером для западных коллег, в то время как с его преемником будет гораздо сложнее договариваться, Киссинджер ответил, что всегда предпочитал иметь дело с политиками, четко осознающими и последовательно отстаивающими интересы своих стран.

В целом на протяжении двух лет и восьми месяцев руководства внешней политикой России Е.М. Примаков

следовал направлениям, обозначенным им на той январской пресс-конференции, но, естественно, на разных этапах этого срока какие-то ориентиры оказывались первостепенными, а какие-то невольно уходили на второй план.

Вообще время пребывания Е.М. Примакова во главе МИДа можно разделить на два почти одинаковых по продолжительности периода. Первый – с момента назначения министром и до подписания в мае 1997 г. в Париже «Основополагающего акта Россия–НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности» – характеризовался повышенным вниманием МИДа к контактам именно со странами Североатлантического альянса в связи с напряженной проработкой всего комплекса вопросов готовившегося документа. Этот период отличался дальнейшим развитием диалога между Россией и Западом, хотя положительная динамика была и небыстрой, а успехи на пути поиска взаимопонимания между Москвой и разными странами альянса – неодинаковыми. Второй период – после подписания этого договора с НАТО и до ухода Е.М. Примакова из МИДа на пост председателя правительства в сентябре 1998 г. – был более разнообразным в смысле проблем, которыми приходилось заниматься российскому внешнеполитическому ведомству. Но главное его отличие от первого периода заключалось в том, что в течение этого времени отношения с Западом стали снова ухудшаться, причем не по вине России, а из-за позиции стран НАТО по поводу войны в Косове и в связи с обострением ситуации вокруг Ирака.

Е.М. Примаков принес с собой в МИД совершенно новую и не практиковавшуюся прежде в этом ведомстве

стилистику выстраивания отношений со своими зарубежными партнерами. Эта стилистика представляла собой стремление к доверительному, буквально дружескому общению, которое тем не менее ни в коей мере не мешало проявлять принципиальность и даже жесткость, когда того требовали интересы страны. Довольно близкие личные контакты сложились у Е.М. Примакова с его коллегами из Германии, Италии и Франции – К. Кинкелем, Л. Дини, Э. де Шареттом и Ю. Ведрином.

Так, по свидетельству Э. де Шаретта, возглавлявшего французский МИД практически в те же годы, когда внешнеполитическим ведомством России руководил Е.М. Примаков, в 1998 г., когда исполнилось 200 лет со дня рождения одного из далеких предшественников Евгения Максимовича – канцлера Александра Горчакова, – министр иностранных дел России «приобрел настолько блестящую репутацию, что никто в Москве не стеснялся сравнивать двух деятелей, пришедших к власти в особенно тяжелые периоды для страны»: один – после поражения в Крымской войне, другой – на фоне последствие распада Советского Союза.

Итальянский коллега Е.М. Примакова – министр иностранных дел Ламберто Дини – считает, что Евгению Максимовичу были свойственны порядочность, смелость и честность, а также «вера в прямую дипломатию», то есть резкое неприятие любых закулисных договоренностей, двойных стандартов и беспринципности. Вместе с тем эти качества не мешали ему проявлять твердость тогда, когда это требовалось. Дини передает слова, которые как-то услышал от Е.М. Примакова: «Россию за рубежом хорошо проанализировали, однако так и не смогли до конца понять».

Явная расположенность друг к другу установилась между российским министром иностранных дел и американским госсекретарем М. Олбрайт, чего никак не скажешь о ее предшественнике – У. Кристофере, – к которому Е.М. Примаков не испытывал никакой симпатии. Но и в случае с Кристофером, и вообще всякий раз, когда личные отношения не складывались, Е.М. Примаков никоим образом не смущался, а просто работал с партнером иначе – гораздо более формально, но ничуть не менее заинтересованно, поскольку конкретных результатов надо было добиваться любой ценой, даже если приятного общения и не получалось.

К новым отношениям с Североатлантическим альянсом

Первый – «натовский» – период руководства МИДом начался у Е.М. Примакова с определения единственно приемлемой в той ситуации стратегии поведения с западными партнерами: не имея возможности остановить расширение НАТО и вместе с тем продолжая последовательно демонстрировать неприятие Россией этого процесса, министр иностранных дел сосредоточил главные усилия на минимизации его негативных последствий для безопасности РФ путем активного воздействия на сам ход приема в альянс новых членов. Главе МИДа было изначально понятно, что в диалоге с Вашингтоном – во всяком случае, на первых порах – не удастся придерживаться этой стратегии: США просто не станут обсуждать с Россией никаких других вопросов, кроме собственно отношений РФ с НАТО. Это наглядно продемонстрировала серия переговоров с госсекретарем США Кристофером.

Первая встреча глав внешнеполитических ведомств обеих стран состоялась в начале февраля 1996 г. в Хельсинки – именно с нее и начался многомесячный дипломатический марафон Е.М. Примакова по вопросу о расширении Североатлантического альянса. Никакого взаимопонимания между сторонами достигнуто не было.

На замечание Евгения Максимовича, что продвижение НАТО к границам РФ вызывает в России настороженность, Кристофер отделался формальными отговорками: дескать, прием новых членов в альянс происходит постепенно, как того и хотела Россия, к тому же США не против изыскания «каких-то форм подключения самой России к НАТО».

Нежелание американской администрации дискутировать с Россией по поводу приема в НАТО новых членов в еще большей мере проявилось в ходе визита Кристофера в Москву в конце марта 1996 г. Перед прибытием в Россию госсекретарь сделал в Праге знаковые заявления, что без американского лидерства в Европе не может быть гарантирована ее стабильность, в переговорах с новыми претендентами на членство в альянсе не должно быть никаких пауз, а после центрально- и восточноевропейских стран на вступление в блок может претендовать и Украина – правда, при соблюдении ею ряда принципиальных условий. Встречаясь с Кристофером, Е.М. Примаков заметил, что президент Ельцин крайне резко отреагировал на пражские высказывания госсекретаря. Со своей же стороны, в ответ на выказанную Кристофером в Праге безапелляционность глава МИДа позволил себе поддеть собеседника, предположив, что, по-видимому, Вашингтон уже не верит в победу Ельцина на предстоящих выборах, если устами госсекретаря делает такие заявления. Расчет Е.М. Примаков оказался верным: это предположение заметно изменило поведение Кристофера, и его встреча с Ельциным, состоявшаяся на следующий день, прошла в благожелательном тоне.

Занятая Соединенными Штатами вызывающая позиция по вопросу о расширении НАТО оставалась неиз-

менной и даже принимала агрессивный в отношении РФ оттенок. В июле 1996 г. на посвященном проблемам безопасности форуме АСЕАН Кристофер резко заметил Е.М. Примакову, что Вашингтон не намерен обсуждать вопрос о расширении альянса «с третьими странами», на что российский министр парировал: в таком случае Москва будет вынуждена озаботиться укреплением собственной безопасности, в том числе путем пересмотра ряда подписанных прежде договоров, касавшихся сокращения вооружений.

Поскольку конструктивного диалога с американской стороной о расширении НАТО не получалось, Е.М. Примаков решил предпринять серию параллельных конфиденциальных контактов с ведущими натовскими странами и с генеральным секретарем организации Х. Соланой, в ходе которых «сверить часы» по интересовавшему Россию вопросу, уточнить расклад настроений внутри НАТО, ранжировать эти настроения по степени их близости интересам России и попытаться сыграть на расхождениях мнений – точнее, нюансов мнений – между странами – членами альянса.

Европейские партнеры Е.М. Примакова оказались в гораздо большей степени, чем Кристофер, готовыми к поиску приемлемых для Москвы решений проблемы расширения НАТО. Так, министр иностранных дел Великобритании М. Рифкинд в ходе первой встречи с Е.М. Примаковым в конце февраля 1996 г. заявил о своем понимании обеспокоенности российской стороны тем, что натовское ядерное оружие может появиться непосредственно у границ РФ – на территории стран – новых членов альянса.

В июне 1996 г. Совет североатлантического сотрудничества заявил о необходимости усиления европейского

сегмента альянса, а также миротворческих функций организации. Это решение создавало определенные условия для участия России в обсуждении вопросов расширения НАТО. А спустя несколько дней в Берлине Е.М. Примаков встречался с министрами иностранных дел альянса в формате «16+1». Примерно через два месяца Рифкинд в разговоре с Евгением Максимовичем в Париже заявил о возможности обсуждения в таком формате проблемы неразмещения ядерного оружия в новых натовских странах. Одновременно у российского министра состоялся обмен мнениями с германским коллегой Кинкелем, который пошел еще дальше Рифкинда, предложив в рамках подготовки всеобъемлющего договора между альянсом и РФ создать Совет Россия–НАТО с предоставлением Москве в этом органе таких же прав, как и европейским участникам. А на лионском саммите «восьмерки» в конце июня 1996 г. президент Франции Ж. Ширак предложил российскому премьеру В.С. Черномырдину целую систему последовательных шагов по выстраиванию качественно новых отношений НАТО и РФ: реформирование альянса – выработка особых отношений между НАТО и Россией – переговоры о расширении альянса. При этом французский президент отметил, что с таким планом действий согласен и канцлер Германии Г. Коль. В свою очередь Е.М. Примаков, также присутствовавший в Лионе, тут же заявил французскому коллеге де Шаретту, что Россия с ходу готова согласиться на это предложение.

Таким образом, расчет Е.М. Примакова на то, что «диверсифицированные» консультации с ведущими европейскими странами НАТО окажутся гораздо более плодотворными, нежели попытки договориться с США,

полностью оправдался. Российскому министру удалось добиться главного на данном этапе – получить фактическое подтверждение готовности европейских лидеров обсуждать проблему расширения НАТО так, как того добивалась Москва.

Однако Соединенные Штаты не могли допустить того, чтобы новая архитектура отношений НАТО и России явилась результатом «сепаратных» переговоров РФ с европейскими странами альянса, и Вашингтон поторопился сделать первое конструктивное предложение Москве – подключить к переговорам Солану, который в силу своего положения в гораздо большей степени зависел от США, нежели европейцы. Первый пристрелочный разговор Е.М. Примакова с генсеком НАТО состоялся в сентябре 1996 г. в Вене, где российский министр сделал оговорку, направляясь в Нью-Йорк на Генассамблею ООН. Разговор оказался абсолютно безрезультатным: Солана всё время оговаривался, что не имеет полномочий без предварительных консультаций внутри НАТО обсуждать какие-либо содержательные инициативы.

Резко контрастировала с сущностным наполнением и даже тональностью установившегося диалога с европейскими партнерами состоявшаяся после разговора с Соланой очередная встреча Е.М. Примакова с Кристофером в Нью-Йорке, в ходе которой снова была четко обозначена американская позиция: выработка особых отношений между РФ и альянсом не должна никак сказываться на деятельности по его расширению. Госсекретарь дал понять, что недоволен «сепаратными» переговорами Москвы с Великобританией, Германией и Францией и считает основным именно переговорный процесс между США и РФ. Кристофер также заявил о желательности за-

вершить подготовку хартии Россия–НАТО к декабрю текущего года, а на возражение Е.М. Примакова о недопустимости спешки при выработке такого рода документа ответил, что не считает этот договор к чему-то обязывающим и потому не видит необходимости в его детализации.

Впечатления главы российского МИДа от пребывания в Нью-Йорке несколько улучшились после его общения с Б. Клинтонем. Президент США подчеркнул значимость сотрудничества Вашингтона и Москвы в разрешении наиболее острых международных проблем – таких, как нераспространение ядерного оружия и ближневосточное урегулирование, – и подтвердил свою приверженность установлению особых отношений между НАТО и Россией. Докладывая в Кремль о состоявшейся встрече с Клинтонем, Е.М. Примаков заметил, что после этих слов остается слабая надежда на то, что американский президент не разделяет позиции «ястребов», стремящихся не допустить никакого влияния РФ на процесс расширения НАТО.

Между тем стратегическая линия Е.М. Примакова на последовательную работу в вопросе о расширении НАТО именно с европейскими партнерами принесла к концу 1996 г. очень важный результат. В начале декабря на саммите ОБСЕ в Лиссабоне была принята декларация «О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века», в которой подчеркивалась недопустимость обеспечения безопасности одних стран путем ущемления интересов других, говорилось о необходимости учитывать мнения государств, не являющихся членами международных военно-политических структур, отрицалась возможность преобладания какого-либо объ-

единения стран над всеми остальными. Итоги саммита были веским европейским ответом заокеанским кругам, стремившимся изолировать РФ от ее участия в дальнейшей судьбе НАТО. По этому поводу Е.М. Примаков впоследствии лаконично заметил: «Лиссабон продемонстрировал, что к голосу России прислушиваются». Атмосфера Лиссабона сказалась и на сделанном через несколько дней после саммита заявлении Совета НАТО о том, что альянс не намерен размещать ядерное оружие во вновь принимаемых в организацию странах.

Всё это было обнадеживающим фоном для состоявшейся 11 декабря 1996 г. в Брюсселе встречи российской делегации во главе с Е.М. Примаковым с министрами иностранных дел натовских стран в формате «16+1». Именно на этом мероприятии главы внешнеполитических ведомств стран альянса сделали Е.М. Примакову официальное предложение начать переговоры по подготовке «Основополагающего акта Россия–НАТО». Российская сторона расценила эту ситуацию как весьма благоприятную для старта работы в этом направлении и приняла предложение.

Развернулась кропотливая работа. В январе 1997 г. на встрече Е.М. Примакова с генсеком НАТО Соланой в подмосковном мидовском особняке «Мещерино» стороны уяснили позиции друг друга по важнейшему вопросу: Россия требовала, чтобы хартия Россия–НАТО непременно содержала в себе договоренности по военным проблемам, высокий чиновник альянса лично не возражал, но дал понять, что это не в его компетенции – он порекомендовал обсудить данное условие напрямую с Вашингтоном. И когда по прошествии последующих полутора месяцев, в течение которых происходили рабочие

встречи с натовскими представителями, позиция Москвы по военной составляющей хартии продолжала игнорироваться Брюсселем, Солана снова призвал Е.М. Примакова выйти с этим вопросом непосредственно на США.

Е.М. Примакову стало понятно, что настало время снова скорректировать приоритеты переговорного процесса и приложить все силы для достижения взаимопонимания с американской стороной. Тем более что ситуация для такого дипломатического разворота была чрезвычайно удобной: в Госдепе произошли важные кадровые перестановки – ушел крайне неудобный для российской стороны Кристофер, и на его место была назначена М. Олбрайт, и по происхождению, и по предыдущей профессиональной деятельности гораздо лучше Кристофера разбиравшаяся в восточноевропейских – а через них и в российских – реалиях.

Надежды на возможность найти общий язык с новым руководством Госдепа оправдались. Уже на первой московской встрече Е.М. Примакова с Олбрайт в феврале 1997 г. обсуждение военного аспекта хартии стало более конкретным и содержательным. Новая тональность во взаимоотношениях обоих руководителей внешнеполитических ведомств своих стран обозначилась уже при первой их встрече в здании российского МИДа.

Тогда Е.М. Примаков с присущим ему тонким чувством юмора, намекая на свою осведомленность как бывшего руководителя СВР, встретил коллегу словами: «Как вы понимаете, учитывая мое предыдущее место работы, я знаю о вас всё». Олбрайт ответила ему на это: «Я знаю, что вы преданный защитник интересов России. Вам следует знать, что я собираюсь столь же преданно защищать интересы Америки. Если мы оба будем помнить об этом,

мы должны поладить». Спустя много лет, вспоминая тот первый разговор с Евгением Максимовичем в Москве, Олбрайт как бы дополнила то свое высказывание: «И мы поладили».

Успех, достигнутый на московской встрече, был развит российским министром иностранных дел во время его мартовского визита в США, в ходе которого шла подготовка к встрече Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона в Хельсинки 20–21 марта 1997 г. По итогам непростых переговоров с президентом США, госсекретарем и другими официальными лицами стороны зафиксировали совпадение позиций по целому ряду вопросов, а соответствующие формулировки полностью отвечали российским интересам: подтверждался обязывающий характер будущего «Основополагающего акта», в совместном заявлении обоих президентов прописывался отказ американской стороны от наращивания на постоянной основе натовских сил вблизи границ РФ, в «Основополагающем акте» гарантировалось непродвижение ядерного оружия в присоединявшиеся к альянсу страны, констатировалась возрастающая роль ОБСЕ в обеспечении европейской безопасности, в итоговом заявлении глав РФ и США появлялся устраивавший обе стороны пункт о стратегических наступательных вооружениях. В ходе самой встречи в верхах все эти предварительные заготовки – правда, после нового витка непростого согласования экспертами позиций обеих сторон по некоторым вопросам – были приняты.

Это означало, что дальнейшая разработка хартии Россия–НАТО снова должна была проводиться с брюссельскими чиновниками – но уже не столько концептуально, сколько в режиме конкретизации общих хельсинкских

договоренностей и оттачивания положений будущего документа. Несмотря на то, что оставалось решить, как казалось, технические вопросы, переговоры снова зашли в тупик. Е.М. Примакову, встречавшемуся в середине апреля в Брюсселе с генсеком НАТО Соланой, стало понятно, что альянс по-прежнему не готов гарантировать российской стороне, что не станет выстраивать за ареалом нынешних 16 государств – членов блока военную инфраструктуру для постоянного базирования ударных группировок вооруженных сил. Оставались несогласованными и позиции по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). В сложившейся ситуации возникла необходимость в новой встрече глав внешнеполитических ведомств России и США.

Такая встреча состоялась в Москве 1–2 мая 1997 г. В результате непростых переговоров сторонам удалось прийти к консенсусу. Олбрайт согласилась при переходе к оценке размеров вооруженных сил по «национальным потолкам» учитывать и ограничения, зафиксированные в ДОВСЕ. А относительно военной инфраструктуры новых членов альянса была согласована размытая формулировка об отказе от размещения в этих странах «суверенных» сил на регулярной основе. Таким образом, если по ДОВСЕ уступали Соединенные Штаты, то по размерам и составу инфраструктуры – Россия. В той ситуации не представлялось возможным оценить, кому пришлось пойти на большие уступки, да и сама постановка такого вопроса не выглядела корректной. Но в целом если говорить о том, что в результате этих переговоров в Москве были сняты последние препоны на пути к подписанию 27 мая 1997 г. в Елисейском дворце «Основополагающего акта», который на тот момент был максимально

возможным шагом Запада навстречу России, то есть все основания считать этот документ крупным успехом нашей дипломатии и персонально министра иностранных дел.

Конечно, этот акт, который еще не получил взвешенной и исторически выверенной оценки, стал возможен в том числе и благодаря трезвому политическому реализму Евгения Максимовича. Э. де Шаретт, вспоминая те события, комментируя последующее расширение НАТО за счет бывших союзников СССР по Восточному блоку, свидетельствует, что у Е.М. Примакова «хватило мудрости понять, что у него не было средств, чтобы помешать этому».

Безусловно, что тот ситуативный уровень компромиссов, который был достигнут в мае 1997 г. и который затем в скором времени рассыпался из-за разных подходов к формированию стратегии преодоления югославского кризиса, стал возможен в том числе и благодаря манере Е.М. Примакова выстраивать доверительные и личные отношения со своими партнерами. Например, Олбрайт, которую, по словам Л. Дини, Е.М. Примаков называл «второй железной леди», вспоминает, как однажды в те полтора с лишним года, когда она и Евгений Максимович занимались внешней политикой в своих странах, решила пригласить российского партнера к себе в гости, но отказалась от этого, так как у нее дома термиты проели полы в столовой. Тогда выручил ее заместитель Струоб Тэлботт – политики собрались у него.

В ходе живой и непринужденной беседы все трое сетовали на то, что часто достигнутые между ними на доверительном уровне договоренности торпедируются ведомственной бюрократией и в Вашингтоне, и в Москве, и тут вдруг актуальный для Олбрайт образ термитов

обрел переносное значение: собеседники уподобили им чиновников Госдепа и МИДа, которые «съедают» то взаимопонимание, которое их руководители достигают в личных контактах. «С тех пор если сотрудники мешали нашему привычному формату общения, мы называли это кодовым словом “термиты”». Считая Е.М. Примакова последовательным защитником национальных интересов своей страны, Олбрайт вместе с тем расценивает его как прагматика, а потому заинтересованного в разрешении всех трудностей, которые возникали во взаимоотношениях между обеими державами.

Доктрина Примакова в действии

Когда в октябре 1997 г. после весьма предвзятого доклада Спецкомиссии ООН по разоружению Ирака под руководством Р. Батлера Совет Безопасности ООН принял резолюцию, осуждавшую Багдад, иракское руководство в ответ стало чинить препоны дальнейшей работе Спецкомиссии. Обстановка вокруг этой страны стала стремительно накаляться. В складывавшейся ситуации Е.М. Примакову снова, как и в 1990–1991 гг., пришлось заняться урегулированием спровоцированного Багдадом кризиса – пусть и несопоставимого по своему значению и масштабам с вторжением в Кувейт и во многом обусловленного необъективностью самой Спецкомиссии. Находясь в конце октября 1997 г. на Ближнем Востоке и занимаясь проблемами арабо-израильского конфликта, глава российского МИДа тем не менее нашел возможность встретиться с главами Египта и Сирии, чтобы обсудить с ними обострение иракского вопроса. Х. Мубарак и Х. Асад назвали недопустимым шагом силовую акцию против Ирака. Не снимая ответственности с Ирака, они высказали претензии и к Спецкомиссии. Эти встречи стали для Е.М. Примакова важным индикатором настроений в арабском мире и позволили выработать дальнейший план его действий.

Российский министр оказывался поистине незаменимой фигурой, имевшей возможность способствовать раз-

решению кризиса именно дипломатическим путем. С одной стороны, Е.М. Примаков, опираясь на свои давние отношения с иракским руководством, прошедшие через испытания кризисом 1990–1991 гг., мог вести прямые консультации с Багдадом вплоть до самого высокого уровня. Для западных политиков такого рода контакты были либо предельно затруднены, либо вовсе невозможны. С другой стороны, теперь – в отличие от событий семилетней давности – статус Евгения Максимовича был исключительно высоким, особенно после его усилий по подготовке «Основополагающего акта», и он мог не только напрямую выходить на своих западных коллег, но и общаться с первыми лицами.

Однако и ситуация была далеко не такой однозначной, как накануне и во время «Бури в пустыне»: безусловно, вина Багдада в срыве работы Спецкомиссии была очевидной, но и сама эта ооновская структура вела себя довольно двусмысленно, как бы усматривая свою цель не в сборе объективной информации о наличии или отсутствии у Ирака оружия массового уничтожения или о степени его готовности производить таковое, а в провоцировании иракского руководства на резкие выпады в свой адрес, что могло бы стать поводом для очередной военной кампании против этой страны.

Е.М. Примаков попытался сразу же найти решение, устраивавшее все стороны. 18–19 ноября 1997 г. он провел в Москве серьезные переговоры с Т. Азизом, в результате которых был достигнут компромисс: Багдад заявил о готовности снова принять Спецкомиссию, а Россия – о намерении добиваться в Совете Безопасности ООН перевода ее работы из режима инспекций в более щадящий и демонстрирующий уважительное отношение

к Ираку режим мониторинга в сфере контроля за его ядерной и ракетной программами.

Но подлинную дипломатическую победу главе российского МИДа удалось одержать на следующий день, когда собравшиеся в Женеве руководители внешнеполитических ведомств Великобритании, России, США, Франции, а также представитель Китая фактически согласились с продвигавшейся Москвой идеей о необходимости серьезных улучшений в работе Спецкомиссии в плане скорейшего перевода инспекций в режим мониторинга – разумеется, в тех вопросах, в каких это было возможно. Днем позже Спецкомиссия заявила о согласии принять высказанные ей рекомендации, и работа ее групп в Ираке была возобновлена.

Однако говорить о начале разрешения кризиса еще не приходилось. Спецкомиссия подняла вопрос о ее допуске на ряд президентских объектов с целью проверки их на предмет хранения запрещенных материалов, могущих быть использованными для производства оружия массового уничтожения. Ирак не возражал против допуска на эти объекты представителей стран – постоянных членов Совета Безопасности, но не лиц из Спецкомиссии.

В принципе Багдад можно было понять, поскольку в соответствии с прежними договоренностями президентские объекты не подлежали инспекционной проверке и перемена правил на ходу была воспринята руководством Ирака как демонстративное проявление пренебрежительного отношения к нему. Но и отказ Багдада открыть президентские объекты перед Спецкомиссией не был выходом, потому что создавал формальный повод для применения силы в отношении Ирака. И Вашингтон не преминул этим воспользоваться: президент США одоб-

рил план, предусматривавший бомбардировки Ирака, а Р. Батлер сделал провокационное заявление о якобы имевшемся у Багдада бактериологическом оружии. Ответное опровержение Ирака, естественно, никто не собирался принимать в расчет. Америка последовательно вела дело к силовой развязке.

Но этого удалось не допустить – и снова во многом благодаря исключительной дипломатической хватке Е.М. Примакова. С одной стороны, он не только предложил иракцам компромиссное решение – Спецкомиссия допускается на президентские объекты, но в сопровождении представителей стран – постоянных членов Совета Безопасности, – но и убедил президента Франции и – через Б.Н. Ельцина – премьер-министра Италии в том, что другого мирного разрешения проблемы не существует. С другой стороны, российский министр иностранных дел проработал инициативу, которая была впервые озвучена в начале февраля 1998 г. в совместном заявлении президента РФ и премьера Италии Р. Проди – о подключении к переговорному процессу генерального секретаря ООН К. Аннана. С третьей стороны, Евгений Максимович содействовал отправке в Багдад своего заместителя В.В. Посувалюка в качестве спецпредставителя президента РФ, которому поручалось проведение переговоров с иракской стороной, и в начале февраля 1998 г. Посувалюк договорился с Хусейном о подключении к мирному разрешению проблемы К. Аннана. В итоге генсек ООН прибыл в конце февраля 1998 г. в Багдад, где встретился с Хусейном и подписал с Азизом меморандум о взаимопонимании, по которому Спецкомиссия возобновляла свои инспекции, а спорные президентские объекты открывались для формируемой лично генсеком ООН «специальной группы».

На этот раз бомбардировок Ирака удалось избежать, хотя российскому руководству – и в том числе Е.М. Примакову – было ясно, что Вашингтон будет и впредь искать малейший повод для силового воздействия на Багдад, пока там будет сохраняться режим Хусейна. Эти пессимистические прогнозы оправдались – не прошло и года, как в декабре 1998 г. США, используя очередную проблему со Спецкомиссией – а точнее, явно преднамеренные действия в этом направлении Р. Батлера, – всё же развязали против Ирака силовую акцию. Но в большой политике приходится довольствоваться и малым. И в том, что эту акцию удалось отсрочить почти на год, была очевидная заслуга российского министра иностранных дел.

Когда Е.М. Примаков возглавлял МИД, ему снова, как и пять лет назад, когда он руководил разведкой, пришлось включиться в разрешение кризисной ситуации на Балканах – только на этот раз не за пределами Союзной Республики Югославии, а на ее территории – в Косове. К концу февраля 1998 г., то есть к моменту резкого обострения противостояния между частями югославских вооруженных сил и Освободительной армией Косова, власти этого края объявили о своей независимости от Белграда, что, естественно, не признавалось в югославской столице. И на этом фоне провокация, устроенная албанскими террористами, нападшими на патруль союзных сил правопорядка, привела к стремительному разрастанию конфликта.

При этом складывалось впечатление, что Запад как будто ждал такого развития событий и был к нему готов, поскольку буквально сразу же заявил о необходимости введения новых санкций против СРЮ. Становилось ясно,

что, не сумев окончательно расчленив союзное государство в первой половине 1990-х гг., Запад в лице прежде всего США, фактически потворствуя албанским сепаратистам, начинает очередную попытку в этом направлении.

Перед российским МИДом встала сложная задача. Предстояло, не портя отношений с западными партнерами, с которыми только что удалось на выгодных для Москвы условиях договориться об особых отношениях с НАТО, продемонстрировать мировому сообществу, что мы не намерены спокойно наблюдать за разгорающимся на Балканах новым конфликтным очагом и будем – несмотря на сложность и непредсказуемость С. Милошевича, ставшего к тому времени президентом СРЮ, – последовательно отстаивать интересы Белграда. И Е.М. Примакову удалось выдержать эту линию и в качестве министра иностранных дел, и впоследствии – уже в должности председателя правительства.

На первом же после обострения ситуации в Косове заседании Контактной группы по бывшей Югославии в начале марта 1998 г., на котором в итоге всё же были приняты санкции против СРЮ, глава российского МИДа дистанцировался от этого решения и заявил, что поддерживает введение ограничений лишь на поставки в СРЮ оружия и военной техники и при этом рассчитывает на то, что симметричное решение будет принято и в отношении косовских боевиков. Однако становилось понятным, что при выстраивании собственной политики в отношении Белграда одна лишь демонстрация нашего несогласия с западными партнерами не приведет ни к какому конструктивному результату. Поэтому Е.М. Примаков в присущей ему манере именно конструктивного

ведения переговорного процесса ради достижения конкретных результатов стал придерживаться гибкой линии, сочетавшей уступки Западу с неколебимым отстаиванием тех позиций, которые ни в коей мере нельзя было сдавать.

Как и в случае с обострением ситуации вокруг Ирака, Евгений Максимович присутствовал одновременно на нескольких переговорных площадках, для каждой из которых у него была своя «дорожная карта». Так, встречаясь в середине марта 1998 г. с Милошевичем, он рекомендовал президенту СРЮ наверстать, насколько это было возможно, упущенное и самому предложить условия автономного нахождения Косова в составе единого союзного государства, инициировать переговоры с албанцами, «открыть» конфликт для наблюдателей из ОБСЕ и главное – чтобы снять все претензии с Белграда – вывести из края югославские войска. А примерно через неделю – на встрече Контактной группы в Бонне – российский министр иностранных дел сфокусировался, по сути, на единственной проблеме – необходимости сохранить территориальную целостность СРЮ. Через месяц, на заседании Контактной группы в Риме, к этому базовому требованию, на котором основывалась позиция России, Е.М. Примаков добавил еще одно – осуждение террористической деятельности косовских албанцев.

Тем временем плотная работа главы МИДа РФ на белградской переговорной площадке принесла свой результат – в середине мая С. Милошевич и непризнанный Белградом президент Косова И. Ругова сели за стол переговоров. Реакция Контактной группы на это событие последовала незамедлительно – было объявлено, что при условии дальнейшего развития переговорного процесса

между обеими сторонами конфликта в Косове ранее объявленные санкции в отношении Белграда будут приостановлены. Однако такой сценарий не устраивал тех, кто сделал ставку на распад СРЮ путем разжигания конфликта в Косове. В конце мая 1998 г. Освободительная армия Косова совершила ряд провокаций, вызвав ответные действия со стороны югославской армии. На этом фоне косовская делегация отказалась продолжать переговоры с Белградом.

Для Е.М. Примакова не оставалось сомнений в том, что конфликт в Косове переходит в новую фазу и вероятность вмешательства в него сил альянса становится крайне высокой. При таком раскладе следовало как можно скорее пересмотреть прежние переговорные ориентиры.

Во-первых, надо было во чтобы то ни стало выиграть время и, пока западная пропагандистская машина еще не начала массированную обработку общественного мнения, подготавливая его к возможной натовской операции, предложить коллегам по Контактной группе какое-то иное решение, которое могло бы их устроить. И таким решением явилась ставка на ОБСЕ как на основной международный субъект, участвующий в нормализации обстановки в СРЮ. На состоявшейся 12 июня 1998 г. в Лондоне встрече министров иностранных дел государств – членов Контактной группы по бывшей Югославии Е.М. Примаков активно выступал за усиление роли этой организации в нормализации обстановки в Косове и вокруг него.

Во-вторых, стало ясно, что требовать от Белграда безоговорочного вывода из Косова югославских вооруженных сил нереально, да и неправильно, так как такой

шаг привел бы к моментальному установлению контроля Освободительной армии Косова над всей территорией края. И во время пребывания С. Милошевича в Москве в середине июня 1998 г. в текст его совместного с Б.Н. Ельциным заявления была внесена новая формулировка: союзные силы безопасности станут возвращаться в места постоянной дислокации по мере спада террористической активности в крае. То есть Москва фактически легализовывала войсковую операцию югославских вооруженных сил по наведению порядка в Косове. Чтобы максимально сгладить эффект от этой формулировки по наиболее острому для Запада вопросу в тексте заявления снова подчеркивалась особая роль ОБСЕ в деле урегулирования конфликта, говорилось о необходимости допускать в край дипломатических представителей, международные организации и, конечно, возвращавшихся беженцев. Иными словами, необходимость пребывания в Косове армейских соединений СРЮ подавалась в одном «пакете» с установкой на превращение территории конфликта в максимально прозрачную для международных наблюдателей зону и ставилась в прямую зависимость от террористической деятельности Освободительной армии Косова.

Расчет оказался абсолютно точным. В Косове стала функционировать Международная дипломатическая миссия наблюдателей, под кураторством Контактной группы и при непосредственном участии ее экспертов развернулась подготовка документа, определяющего новый статус края. К концу лета проект документа был готов и передан на рассмотрение Милошевичу и Ругове. Однако такое развитие событий никак не устраивало Вашингтон, который не отказался от своих планов по

расчленению СРЮ. И параллельно с разработкой документа о статусе Косова сначала в Вашингтоне, а затем и в отдельных европейских столицах стали указывать на непрекращающиеся стычки между югославскими силами и Освободительной армией Косова и утверждать, что остается единственный способ поставить на место Белград – принять в Совете Безопасности ООН резолюцию в соответствии с седьмой главой Устава ООН, в которой против агрессора разрешаются любые санкции – вплоть до силового принуждения к миру.

При этом из обеих линий – на переговорный процесс и придание краю нового статуса и на подготовку общественного мнения к вооруженному усмирению Белграда – последняя явно стала доминировать. В начале осени 1998 г. Е.М. Примаков покинул МИД, возглавив правительство. Но на тот момент уже было ясно, что США стимулируют конфликт в Косове и что новому премьеру, по видимому, придется снова заниматься его урегулированием.

В годы пребывания Е.М. Примакова на посту главы МИДа, разумеется, оказался востребованным и его бесценный ближневосточный опыт. В конце апреля 1996 г. по согласованию с президентами США и Франции Евгений Максимович был послан Б.Н. Ельциным в Бейрут, где уже находились главы внешнеполитических ведомств этих стран, а также министр иностранных дел Италии, предпринимавшие усилия по прекращению боевых действий на юге Ливана, где в это время Израиль проводил операцию «Гроздь гнева» против группировки «Хезболла». В ходе этой ближневосточной миссии Е.М. Примаков побывал также в Иерусалиме и в Дамаске.

В сирийской столице, используя свои старые связи в этом регионе, глава российского МИДа вместе с французским коллегой встречался с министром иностранных дел Ирана Велаяти, имевшим влияние на лидеров «Хезболлы», а также – уже лично сам – с одним из руководителей этой группировки, который специально прибыл из Бейрута, чтобы провести беседу с российским министром иностранных дел. Несмотря на то, что все лавры по достижению перемирия между сторонами приписал себе госсекретарь США Кристофер, на самом деле прекращение огня вряд ли могло быть достигнуто столь быстро, если бы не прямые договоренности Е.М. Примакова с этими деятелями.

Участовавший в переговорах французский коллега Евгения Максимовича, вспоминая ту апрельскую встречу и то, как держал себя на ней российский министр иностранных дел, подчеркивает: «Было ясно, что он осознает маргинальное положение России, но также было ясно, что его главной целью было восстановление влияния Москвы на Ближнем и Среднем Востоке». Выбор именно Дамаска для встречи с главой МИДа Франции в этот напряженный момент был, по словам последнего, обусловлен тем, что Е.М. Примаков воспринимал этот город в качестве своеобразного «базового лагеря».

По словам де Шаретта, Евгений Максимович понимал очевидное – «Россия больше не была равной США». И именно поэтому ему пришлось превратиться в «искусственного и упорного создателя новой дипломатической стратегии сопротивления “встречному ветру”» и начать выстраивать многополярный мир, причем с преимущественным вниманием к Востоку – через предложение его ведущим государствам «стратегического партнерства»,

пусть «в содержательном смысле более символичного, нежели реального», но воспринимавшегося Примаковым как вероятный способ повышения международного статуса России.

Следующий визит главы МИДа РФ в этот регион состоялся через полгода и был вызван избранием премьер-министром Израиля лидера партии Ликуд Б. Нетаньяху и возникшими в связи с этим опасениями в арабском мире, что новое израильское руководство подвергнет ревизии решения Мадридской мирной конференции 1991 г., заложившей основы ближневосточного урегулирования. Е.М. Примаков предпринял дипломатическое турне и посетил Сирию, Ливан, Египет, Израиль, Иорданию.

В ходе непростых, но откровенных переговоров с премьером Израиля и руководством арабских стран российский министр иностранных дел получил от обеих сторон заверения в их неизменной приверженности мадридской формуле «Мир в обмен на территории». Это турне в целом способствовало стабилизации ситуации в этом регионе, подтверждению позиции России как одного из ведущих посредников мирного урегулирования на Ближнем Востоке. В частности, благодаря «челночным» поездкам между Израилем и Сирией Е.М. Примакову удалось снять напряженность, возникшую в связи со взаимными подозрениями сторон в возможном нарушении статус-кво Голанских высот.

В качестве главы российского МИДа Е.М. Примаков участвовал и в разрешении конфликтов на постсоветском пространстве. В 1996 г. он лично организовывал обмен пленными между обеими сторонами карабахского конфликта по принципу всех на всех, совершив несколько перелетов между Ереваном, Степанакертом и Баку, в

результате чего были вызволены из плена более двухсот человек. Под руководством Евгения Максимовича в том же году был разработан проект урегулирования этого конфликта, в соответствии с которым Нагорному Карабаху предоставлялась предельно широкая автономия в составе Азербайджана, однако данное предложение не получило поддержки ни в Степанакерте, ни в Баку. Е.М. Примаков также стал инициатором и фактическим организатором встречи президента Грузии Э.А. Шеварднадзе и президента Республики Абхазии В.Г. Ардзинбы в августе 1997 г. в Тбилиси, которая имела все шансы положить начало мирному урегулированию грузино-абхазского конфликта.

Тот новый внешнеполитический курс, который был заявлен Евгением Максимовичем после его прихода в МИД и который последовательно реализовывался им на протяжении всего времени руководства внешнеполитическим ведомством, можно с полным основанием называть доктриной Примакова. Формула этой доктрины: обеспечение национальных интересов посредством активной и многоуровневой дипломатии с задействованием всего потенциала переговорных возможностей, а также с максимальным учетом особенностей внешней политики других стран и выстраиванием – с опорой на такие особенности – договорных комбинаций для выгодного решения проблем мировой политики. Для воплощения на практике этой доктрины у Евгения Максимовича сформировался и собственный дипломатический метод, который, по словам С.В. Лаврова, заключался в отказе от «упрощенных, черно-белых подходов», пристальном внимании к деталям и личным контактам.

Апогей карьеры: во главе антикризисного кабинета

Занимая на протяжении своей жизни самые разные – и по уровню, и по содержательной стороне – руководящие посты, Евгений Максимович всегда меньше всего внимания уделял внешней, показной стороне своей деятельности, тому, как она воспринималась окружающими. Он просто работал, делал дело, а о том исключительно уважительном отношении, с которым к нему относились и практически все без исключения подчиненные, и подавляющая часть начальников, хотя и знал, но не предпринимал никаких действий, чтобы как-то преднамеренно его стимулировать. Поэтому когда в конце лета – начале осени 1998 г., после дефолта, отставки кабинета С.В. Кириенко и дважды выраженного Думой несогласия с кандидатурой В.С. Черномырдина, которого Ельцин решил снова призвать на пост премьера, в самых разных частях общественно-политического спектра вдруг одновременно заговорили именно о Е.М. Примакове как оптимальном председателе правительства в кризисное время, для самого Евгения Максимовича такое единодушие было во многом неожиданным.

Между тем в подобном консенсусе не было ничего необычного. В критические моменты общество всегда обращается за помощью к наиболее безупречным, неза-

маранным, тем, кого действительно уважает. Так получилось, что на тот момент этим критериям отвечало лишь одно лицо – из обоймы тех, кто по своему политическому весу и опыту работы мог бы претендовать на второй пост в государстве, – министр иностранных дел. Это настроение почувствовали и в Кремле, и президент, не желая доводить дело до третьего отказа Думы проголосовать за Черномырдина – а значит, и до необходимости распустить палату, чего в обстановке глубокого экономического кризиса ни в коем случае нельзя было делать, – предложил главе МИДа пойти на повышение. После некоторых колебаний Евгений Максимович согласился. Его кандидатура прошла в Думе с первой же попытки: 11 сентября 1998 г. за него проголосовали более 70 процентов депутатов. Этот результат можно считать зримым доказательством исключительного доверия к Е.М. Примакову. Безусловно, такое доверие ко многому обязывало. Но вместе с тем оно и предоставляло определенный карт-бланш, на который при усугублявшемся экономическом кризисе был готов пойти и Кремль.

11 сентября 1998 г., выступая в Государственной Думе перед голосованием по своей кандидатуре на пост председателя правительства, Е.М. Примаков в качестве основной угрозы текущего момента назвал возможность «раздела на части» страны и пообещал, что если станет премьером, то «не будет никакого потакания, никакой поддержки тенденциям разрушить вертикальную линию, тенденциям ослабить центральное руководство, тенденциям не считаться с центральным руководством». Он предельно четко и лаконично выразил свое социально-экономическое кредо: «Не рушить систему финансовую и кредитную, которая была создана, а использовать

ее для развития промышленности, для развития национальной экономики!» Он подчеркнул, что российская экономика должна сойти с «иглы» внешних займов, «основным источником развития экономики должно быть собственное финансирование». Евгений Максимович отметил, что развитие приватизации и налоговой системы должно осуществляться не ради «фискальных соображений», а для «реструктуризации экономики, реструктуризации промышленности, обновления основных фондов», а «государство должно вмешиваться, регулировать многие процессы, происходящие в экономике».

Е.М. Примаков в ходе своего выступления в Думе затронул и другие вопросы, в частности, внешнюю политику. Деятельность на этом направлении, по его словам, должна была остаться абсолютно предсказуемой и диалектичной. Задачи внешней политики оставались прежними – «достаточно устойчиво» защищать национальные интересы, но при этом избегать «конфронтации с другими государствами».

Касаясь практических вопросов формирования нового кабинета, Е.М. Примаков сначала сказал, что считает возможным вхождение в правительство «представителей различных партий». Однако он тут же оговорился, уточнив, что имел в виду их работу в Белом доме «не как представителей различных партий», то есть не ради создания коалиционного кабинета, но как лиц, обладающих «выношенными определенными убеждениями», как настоящих профессионалов. Такая установка, по его мнению, позволила бы добиться главного – изменения общественной атмосферы. «Нашему обществу необходимо единство для того, чтобы выйти из этого очень тяжелого кризисного состояния», – заметил он.

Полученным общественным карт-бланшем Е.М. Примаков сполна воспользовался при формировании своего кабинета. Им было создано первое в истории постсоветской России по факту коалиционное многопартийное правительство, крайне необходимое по двум причинам: во-первых, потому что оно способствовало столь важной в обстановке кризиса консолидации общества, а во-вторых, поскольку позволяло собрать команду действительных профессионалов, пусть и не состоявших в «партии власти». Евгений Максимович самым тщательным образом подошел к комплектации кабинета, при выборе кандидатур отдавал предпочтение тем лицам, с которыми либо где-то вместе работал, либо просто пересекался – но при этом видел человека в деле.

Так, первым заместителем Е.М. Примакова стал член думской фракции КПРФ Ю.Д. Маслюков, с которым Евгений Максимович был близко знаком еще с советских времен, когда оба состояли в Политбюро ЦК, а другим первым заместителем – вполне встроенный в «партию власти» губернатор Ленинградской области В.А. Густов, имевший лишь некоторые дела с Е.М. Примаковым в его бытность главой МИДа. «Простыми» заместителями главы правительства были назначены посол России в Греции В.И. Матвиенко, думский депутат-аграрий Г.В. Кулик и министр науки и технологий в кабинете Кириенко В.Б. Булгак. Если говорить о министерских постах, не входящих в число «президентских», то в выборе кандидатов на них, помимо председателя правительства, участвовали и профильные вице-премьеры. В результате к концу сентября сложилась высокопрофессиональная команда, способная к плодотворной совместной работе.

Последнее обстоятельство было особенно важным, поскольку выводить страну из кризиса надо было бук-

важно мобилизационными мерами, и в этом смысле кабинету Е.М. Примакова не были свойственны присущие любому коалиционному правительству бесконечные утряски и согласования групповых и фракционных интересов. Именно поэтому сам Евгений Максимович и отказывался считать определившийся к концу сентября 1998 г. состав Белого дома коалиционным: все члены правительства, подчеркивал он уже потом, «подчинялись тем единым “правилам игры”, которые устанавливались в кабинете». Такого в истории исполнительной власти новой России еще не было – сильные подводные течения имели место во всех прежних правительственных командах. Появились они и в кабинете Е.М. Примакова – но это было уже значительно позже и не по вине премьера.

Перед правительством стояла сложнейшая задача: остановить катастрофические процессы в экономике, обвальным образом нараставшие после августовского дефолта, но на самом деле подготовленные всей предыдущей эпохой непродуманных реформ, с помощью которых в стране насаждалась по форме рыночная, а по сути теневая экономика. А для этого требовалось взять курс на проведение такой политики, которая, с одной стороны, позволила бы навести элементарный порядок в экономике, но с другой стороны, не была бы возвратом к прошлому, отказом от рыночных ориентиров. Следовало качественно усилить роль государства в управлении макроэкономическими процессами – и вместе с тем отдавать себе отчет в том, что предпринимаемые исключительные меры вмешательства в рыночную экономику являются временными и от них надо будет постепенно отказываться, когда удастся остановить разрастание кри-

зиса и когда появятся зримые свидетельства его преодоления.

Е.М. Примаков изначально не стал разрабатывать какую-то целостную концепцию выхода из кризиса, как минимум, по трем причинам. Во-первых, на подготовку такого рода документа ушло бы время – во всяком случае, уж точно несколько недель, – и вынужденное бездействие на протяжении этого срока могло бы оказаться фатальным: появившаяся программа попросту уже не соответствовала бы тем масштабам, до которых дошел бы обвал экономики. Во-вторых, председатель правительства сделал абсолютно оправдавшую себя ставку именно на «пожарные» меры – на первоочередное решение наиболее острых проблем с последующим переходом к тем вопросам, с которыми можно было на первом этапе и повременить. Наконец, в-третьих, понимая, что его кабинет будет постоянно находиться под пристальным вниманием недоброжелателей, Евгений Максимович не хотел им предоставлять такой козырь, как план действий правительства, чтобы не создавать лишнего медийного шума, который будет явно не на пользу серьезной работе.

Однако было бы неверно считать, что правительство Е.М. Примакова действовало лишь в режиме реагирования на те или иные острые проблемы. На деле программа первоочередных мер не только для нейтрализации разрушительных последствий дефолта, но и рассчитанных на следующий этап – после вывода экономики из кризиса, – безусловно, существовала, но не в виде какого-то документа, а как комплексное понимание некой стратегии, которую надлежало реализовать.

Дефолт обернулся неплатежами занятым в бюджетной сфере и получавшим разного рода социальные вы-

платы. Требовалось в срочном порядке изыскать в бюджете резервы, которые можно было бы использовать для погашения задолженностей. Но если на федеральном уровне алгоритм перераспределения бюджетных средств был в целом понятен – что, впрочем, не слишком облегчало задачу поиска реальных денег без включения «печатного станка», против чего Е.М. Примаков был настроен самым решительным образом, – то борьба с неплатежами из местных бюджетов оказалась намного сложнее. Во многом это явилось следствием того, что региональные власти не всегда выражали готовность отказаться от практики оборота переведенных из федерального бюджета средств в подконтрольных коммерческих структурах и делали всё возможное для того, чтобы сделать эту сферу предельно непрозрачной для контроля со стороны центра. Поэтому премьер обозначил принципиальную позицию кабинета по вопросу о борьбе с неплатежами в регионах: проблема будет решаться главным образом путем наведения порядка в системе региональных бюджетов. Местным властям было предписано расходовать на оплату труда бюджетников, привязанных к региональным бюджетам, почти половину доходов и поставлено жесткое условие, что при неисполнении этого указания и в случае нецелевых трат перечисленных из центра средств регионы будут подчинены непосредственному казначейскому финансовому управлению.

В.И. Матвиенко вспоминает, как осенью 1998 г., чтобы заткнуть четырехмиллиардную дыру в бюджете Пенсионного фонда, Е.М. Примаков пошел на нетривиальный шаг – отсрочил на три месяца перевод в три российских региона денег «Газпрома». Тем самым центр как бы брал эту сумму в долг на местах. Осознавая всю двусмыслен-

ность такого решения и тем не менее идя на него, Евгений Максимович полушутя бросил своему заместителю: «При условии, что ты будешь носить, если потребуется, мне сухари, потому что это решение не совсем законное».

Безотлагательные «пожарные» меры свелись также к элементарному недопущению проблем с продовольствием и товарами первой необходимости. Были достигнуты договоренности о получении продовольственной помощи из Америки и о погашении задолженностей Белоруссии и Украины за российский газ пищевой продукцией, а также упрощены и удешевлены таможенные процедуры по «критическому импорту».

Для оживления реального сектора требовалось покончить с неплатежами между хозяйствующими субъектами, а также между ними, с одной стороны, и государством – с другой. Эта проблема во многом была вызвана сокращением объема денежной массы и для своего решения – если правительство принципиально отказывалось запускать «печатный станок» – требовала высвобождения «живых» денег из номинально зафиксированных взаимных долговых обязательств. Е.М. Примаков пошел наперекор рекомендациям МВФ и основанной на них незыблемой установке предыдущих кабинетов и санкционировал взаиморасчеты между предприятиями и бюджетом по линии казначейства на клиринговой основе. Это сразу же позволило получить несколько десятков миллиардов «живых» рублей и при этом избежать их разворовывания коммерческими банками. Безусловно, правительство не рассматривало взаиморасчеты как систему, которой отныне станет следовать, речь шла лишь о временном использовании этого механизма. К тому же взаиморасчеты не были самоцелью – даже как эффектив-

ный способ наращивания денежной массы. Они рассматривались кабинетом в качестве первого шага дальнейшего финансового оздоровления предприятий-должников. За этим шагом должна была последовать реструктуризация долгов, чтобы предприятия снова могли стать рентабельными.

Существует мнение, что оживление реального сектора при правительстве Е.М. Примакова произошло вследствие объективных экономических причин, а вовсе не стараниями самого кабинета: девальвация рубля активизировала промышленность, ориентированную на экспорт, а также в принципе замещение резко подорожавшего импорта российской продукцией. Разумеется, эти объективные причины не следует сбрасывать со счетов, однако сами по себе они еще ничего не значили, став лишь благоприятным фоном для предпринятого правительством масштабного комплекса мер по поддержке и стимулированию отечественного производителя. Регионам было разрешено возвращать долги по бюджетным кредитам продовольственными товарами, причем по рыночным ценам. Значительно уменьшались НДС на продукты питания и тарифы на перевозки некоторых сельскохозяйственных товаров по железным дорогам. Ощутимый эффект для производителя дало инфраструктурное регулирование условий его деятельности, что было вполне в пределах компетенции правительства, требовало всего лишь комплексной статистической оценки, но при этом почему-то так и не вошло в постсоветскую практику руководства реальным сектором. Были выработаны схемы льготного кредитования, взаимозачетов на основе варьирования тарифами на энергоносители и электроэнергию.

Требовались и более фундаментальные перемены – например, качественно иная расстановка экономических приоритетов, нежели та, какая существовала на протяжении всего времени реформ: безусловный приоритет следовало отдать развитию реального сектора. А это, в свою очередь, делало необходимой основательную реструктуризацию банковской деятельности. По инициативе Е.М. Примакова кабинет совместно с Центробанком провел масштабную санацию этой сферы, для чего было создано специальное Агентство по реструктуризации кредитных организаций. Эти меры преследовали главную цель – усилить инвестиционную активность банков, способствовать их профилированию и специализации для выстраивания целевых договорных отношений с предприятиями реального сектора.

А.Г. Грязнова, являвшаяся на тот момент ректором Финансовой академии при правительстве РФ, отмечает, что когда правительство приняло решение о дополнительной денежной эмиссии, многие либеральные экономисты, в том числе и те, кто находился вблизи от лиц, принимавших решения, «испугались». Так, А.Я. Лившиц, бывший вице-премьер и министр финансов, а после ухода из Белого дома – замглавы администрации президента, в разговоре с ней назвал «грубейшей ошибкой» «включение печатного станка в эпоху дефолта». Он не сомневался в том, что это «всего через два-три месяца» вызовет «мощный всплеск инфляции, возможно, даже гиперинфляции». Следует отдать должное Лившицу: лишившийся после дефолта значимой государственной должности, он не только не злорадствовал по поводу ошибочного, как он считал, решения кабинета Е.М. Примакова, но просил Грязнову срочно довести до сведения

Евгения Максимовича, что его решение неминуемо приведет к «трагическим последствиям».

При составлении проекта бюджета на 1999 г. были досконально учтены и систематизированы все инвестиционные ресурсы страны и обозначалась задача приоритетного финансирования конкурентоспособных производств, чья продукция традиционно составляла преимущественную часть товарного экспорта и пользовалась спросом на внутреннем рынке.

В конце 1998 г., выступая в Государственной Думе и предлагая ей утвердить разработанный правительством бюджет, Е.М. Примаков обозначил принципиальное отличие между политикой его кабинета и установками его предшественников. Это отличие сводилось к тому, что прежде страну удерживали на «игле» западных кредиторов: за счет получаемых от них средств выплачивали зарплаты бюджетникам и осуществляли финансирование по другим социальным статьям. Но Евгений Максимович решительно отказался от такого усугублявшегося закабаления. Тем не менее он подчеркнул, что не собирается прерывать отношения с кредиторами хотя бы уже потому, что стране необходимо рефинансировать образовавшуюся задолженность, реструктурировать обязательства, оставшиеся от Советского Союза, но главное – договориться о новых прямых инвестициях в реальный сектор экономики. Убеждая Думу принять предложенный правительством бюджет, Е.М. Примаков делал акцент на том, что соблюдение дисциплины в этом вопросе усилит позиции страны в контактах с кредиторами, и при этом даже заметил следующее: «...на Западе считают, что сила нашего правительства заключается в поддержке парламентом».

Подчеркивая необычайный характер предлагавшегося им бюджета, Евгений Максимович обращал внимание на то, что впервые за много лет главный финансовый документ страны обладал новой стратегической ориентацией. Он назвал «нонсенсом» «монетаризм без социальной ориентации экономического развития», а «макроэкономическую стабилизацию без развития национальной экономики» обозначил как «тупиковую ситуацию». По его словам, правительство, работая над проектом бюджета, исходило из того, что такая стабилизация достижима исключительно путем «оживления, укрепления и развития реального сектора экономики», а потому необходимо «понять, возродить отечественное производство». Премьер подчеркнул, что его правительство ни в коем случае не отказывается от принципиального курса на строительство рыночной экономики, но вместе с тем исходит из убеждения, что в ситуации кризиса государство должно присутствовать на рынке, в частности, в деле реализации «бюджета развития». Этот бюджет – точнее, его проект – Е.М. Примаков назвал «реально действующим инструментом осуществления промышленной политики государства».

В эти несколько месяцев премьерства Е.М. Примакова были предприняты серьезные шаги по реформированию налоговой политики. Пожалуй, наиболее значимым социально-психологическим последствием дефолта стал тотальный кризис доверия в обществе вообще и в хозяйственно-экономических отношениях в частности. Налоговая дисциплина, и без того не утвердившаяся в качестве более или менее устойчивой поведенческой нормы за годы существования молодой рыночной экономики, после дефолта вообще упала, и размер доходной части

бюджета 1999 г. становился весьма условной величиной, то есть работать над этим основополагающим документом приходилось фактически вслепую. Ни о каком преодолении кризиса не могло быть и речи без наведения порядка в налоговой области. И правительство приняло принципиальное и, наверное, единственно возможное в тот момент решение: добиться качественного улучшения собираемости налогов за счет уменьшения их количества и размеров. Опять-таки ради оживления реального сектора пошли на обычное в таких случаях непопулярное решение – по возможности перенести налоговое бремя на потребителя, сняв его с производителя. Естественно, для улучшения собираемости налогов пришлось задействовать и правоохранительные органы, хорошо осведомленные о практиковавшихся в РФ схемах ухода от налоговых выплат. Результат предпринятых действий не замедлил сказаться – налоговые поступления заметно возросли.

Еще в первые дни пребывания на посту председателя правительства Е.М. Примаков заявил свою однозначную позицию: несмотря на неправовой характер многих приватизационных сделок, совершенных за годы реформ, никакого передела собственности его кабинет проводить не будет, поскольку это при несомненном популистском эффекте вначале приведет к непредсказуемым по своему деструктивному эффекту последствиям. Однако из этой установки вовсе не вытекало, что правительство не предполагало наводить порядок в сфере управления госсобственностью.

Был подвергнут ревизии перспективный план приватизации, в него внесли существенные коррективы. Например, не была разрешена продажа 25 процентов акций

«Связьинвеста», которые принадлежали государству, по резко заниженной цене – якобы из-за дефолта, а на самом деле, чтобы гарантировать приобретение этого пакета олигархическим капиталом на выгодных для него условиях. Однако в реалиях 1990-х гг. подобные решительные действия по пресечению фактически коррупционных приватизационных сделок могли быть только разовыми, да и то с не до конца гарантированным результатом. Чтобы навести в приватизационных делах настоящий порядок, нужно было заставить олигархов действовать по прозрачным и равным для всех правилам или хотя бы провести тотальную чистку коррумпированных представителей государства в советах директоров приватизируемых объектов, которые были материально заинтересованы в снижении поступлений в бюджет от сделок по продаже госсобственности. Но при действовавшем президенте и его отношениях с представителями олигархического капитала это было невозможно.

Несмотря на четко обозначенную позицию, в соответствии с которой Е.М. Примаков категорически отказывался предпринимать репрессивные меры в отношении тех лиц, с именами которых общественное мнение связывало как причины дефолта, так и нелегитимную приватизацию, во многом этот дефолт породившую, отдельные намеки на возможность преследования некоторых из таких лиц он всё-таки делал. П.В. Крашенинников, занимавший в правительстве Е.М. Примакова пост министра юстиции, рассказывает следующий случай. На одном из заседаний кабинета после доклада Крашенинникова о передаче из МВД в Минюст системы исполнения наказаний и по поводу объявленной вследствие этого амнистии Е.М. Примаков многозначительно намекнул,

что в результате амнистии станет больше «мест на нарах для тех, кто совершил экономические преступления, приведшие к дефолту». «Это, – считает Крашенинников, – был намек на известного “теневого кардинала” тех времен и его присных. Помню, как, услышав эту реплику, напрягся весь зал, несколько минут была гробовая тишина». Под «теневым кардиналом» Крашенинников имел в виду Б.А. Березовского. По словам бывшего министра юстиции, тогда-то Е.М. Примаков и «приобрел немалое количество влиятельных врагов, которые и способствовали его отставке».

Следует отметить, что с Евгением Максимовичем конструктивно и внимательно работали и те члены кабинета, которые традиционно считаются «президентскими» по приоритетности своего подчинения, то есть представители силового и правоохранительного блока.

Так, директор ФСБ В.В. Путин информировал председателя правительства о том, что «преступления, совершаемые на экономической почве», принимают всё более «дерзкий, изобретательный характер», угрожая тем самым «экономической безопасности государства». В частности, директор ФСБ обращал внимание на участвовавшие в последнее время случаи использования особых «схем незаконного отчуждения пакетов акций, находящихся в федеральной собственности», на махинации, совершаемые «организованными группами из числа российских и иностранных граждан в сфере инвестиционного сотрудничества». Такие группы, свидетельствовал руководитель ФСБ, занимаются заключением «фиктивных договоров о привлечении долгосрочных инвестиций под залог государственных пакетов акций предприятий, объектов недвижимости, земли и минеральных ресур-

сов», в результате чего в их распоряжении оказываются «долговые обязательства или векселя, авалированные правительствами республик, главами администраций», которые затем «размещаются в зарубежных банках». Под эти активы берутся кредиты, а впоследствии происходит их присвоение.

Директор ФСБ обращал внимание на «большие возможности для злоупотреблений», которые могут совершать «должностные лица органов исполнительной власти», а также «представители коммерческих структур», указывал на многочисленные факты создания руководителями банков, фирм и компаний, в которых учредителями являются либо они сами, либо их близкие, либо доверенные лица. «Указанные структуры, – подчеркивал директор ФСБ, – используются для получения неучтенной прибыли путем выделения им невозвратных кредитов под льготные проценты, которые потом переводятся за рубеж». В результате банк получает возможность подавать подложную информацию для налоговых органов.

Еще одна опасная тенденция, на которую директор ФСБ обращал внимание премьера, – это получение банками-нерезидентами валютных кредитов, их постоянная пролонгация и фактическое отсутствие выплат по их погашению. Как отмечал глава ФСБ, в результате перечисленных незаконных действий только бюджетным организациям России был нанесен ущерб в размере, превышавшем 200 миллионов долларов.

Генеральный прокурор Ю.И. Скуратов в своей записке на имя Е.М. Примакова констатировал «серьезную криминализацию экономики». По его словам, теневой бизнес стал оказывать мощную поддержку «коррупционным связям организованной преступности с чиновниками го-

сударственного аппарата, которые принимают управленческие решения в пользу организаций, находящихся под контролем преступной среды». Скуратов приводил и фантастические показатели такой поддержки. По его словам, криминальные структуры, а также аффилированные с ними коммерческие организации направляли на подкуп чиновников «от 20 до 50 процентов своей прибыли». Генеральный прокурор указывал также на многочисленные факты «нецелевого использования и хищения бюджетных средств», что провоцировало их отток в негосударственную сферу и «незаконное обогащение частных лиц за счет государства», укоренение «теневых финансово-экономических отношений».

Министр юстиции Крашенинников бил тревогу по поводу «недостаточно активной правоприменительной практики правоохранительных органов» в деле противостояния «экономической преступности и преступлениям, совершаемым с использованием служебного положения».

Председатель Высшего арбитражного суда В.Ф. Яковлев настаивал на необходимости навести порядок с соблюдением акционерными обществами зафиксированных обязательств, касавшихся начисления и выплаты поступающих дивидендов, которые обеспечивались находившимися в государственной собственности акциями. Поскольку «на практике» государство было не в состоянии эффективно контролировать использование дивидендов от акций, следовало как можно скорее ввести в действие практику, в соответствии с которой решения об инвестиционной политике акционерных обществ принимали бы «уполномоченные государственные органы с учетом реальных условий».

Яковлев затрагивал и еще один болезненный вопрос – о практике закладывания «пакетов акций крупных и

стратегически важных объектов», принадлежавших государству, без возможности их обратного выкупа. Он предлагал установить и четко исчисляемое ограничение на «сосредоточение значительных пакетов акций в руках руководителей акционерных обществ» суммой, которая не выходила бы за рамки «10 процентов уставного капитала общества».

«Масштабы разворовывания государственных ресурсов и собственности достигли беспрецедентных в истории человечества размеров, поставив страну на грань катастрофы. Расчеты ранних идеологов формирования новой России через создание любыми способами класса собственников, которые потом будут заботиться о сохранности и приумножении своего богатства внутри страны, не оправдались», – утверждал министр внутренних дел С.В. Степашин.

Предпринятые правительством Е.М. Примакова шаги по выходу из кризиса привели к тому, что уже осенью 1998 г. в экономике обозначилась тенденция к стабилизации. Спад производства постепенно уменьшался, а ко времени отставки кабинета в мае 1999 г. наметились первые проявления экономического подъема, в том числе в реальном секторе. Подготовленный кабинетом проект бюджета на 1999 г. был утвержден Думой и впервые за всю историю постсоветской России полностью реализован.

Но, пожалуй, наиболее значимым результатом деятельности кабинета Е.М. Примакова стало недопущение скатывания страны к состоянию гражданского конфликта, хотя в конце лета – начале осени 1998 г. для такого сценария имелись все основания. Симптоматично, что сам Евгений Максимович уже постфактум допустил воз-

возможность подобного развития событий. Своему многолетнему коллеге по работе в ИМЭМО А.А. Дынкину он после своей отставки сказал, зачем согласился стать премьером: «Главное – мне удалось отвести угрозу гражданской войны, которую полагал реальной осенью 1998-го. А Россия не выдержала бы еще одной “гражданки”, революции или переворота».

Несмотря на титанические усилия, которые предпринимало правительство Е.М. Примакова для преодоления последствий дефолта и выхода из экономического кризиса, собственных, внутренних резервов для этой задачи явно не хватало. К тому же с самого начала проведения реформ российская экономика получала вливания в виде займов и в одночасье просто не могла обходиться без них. Поэтому новый кабинет сразу после своего формирования стал прорабатывать вопрос о получении очередного займа. Однако на этот раз Москва столкнулась с совершенно новой линией поведения Международного валютного фонда: России не отказывали, но обставляли положительное решение о выделении кредита целым рядом условий, которые шли вразрез с проводимым правительством курсом. Директор-распорядитель МВФ М. Камдессю и другие чиновники МВФ требовали от Е.М. Примакова строгого соблюдения нескольких принципов макроэкономического регулирования.

Во-первых, западные кредиторы решительно настаивали на тотальной монетизации всех расчетов по долгам, не желая принимать во внимание специфические российские реалии, в которых такой шаг был затруднителен даже в относительно благополучное время до дефолта. Выполнение этого условия российской стороной было тем более невозможным, поскольку антикризисные меры

кабинета во многом основывались именно на отказе от монетизации в погашении взаимных задолженностей. Во-вторых, МВФ директивно указывал ввести в России неприемлемо высокие ставки НДС. Несмотря на то, что российское правительство в своей налоговой политике также отдавало приоритет косвенным сборам, называвшиеся западными кредиторами показатели были просто невыполнимыми. В-третьих, от Е.М. Примакова требовали заложить в проект бюджета на 1999 г. совершенно нереальный профицит, который во много раз превосходил тот показатель, который определило для себя правительство. Чиновники МВФ игнорировали доводы российской стороны, что после того обвала экономики, который произошел в конце лета – начале осени 1998 г., обозначенный в проекте бюджета весьма скромный профицит – это максимум, на что можно рассчитывать, и его выполнение уже станет крупным успехом на пути выхода из кризиса.

Российская сторона не могла согласиться на все эти условия, но вместе с тем не выходила из переговорного процесса, терпеливо старалась объяснять партнерам свою позицию и искала возможные компромиссные решения. Однако вплоть до отставки правительства Е.М. Примакова так и не произошло никаких конструктивных подвижек на встречах председателя российского правительства и членов его кабинета с представителями МВФ. Причина явного нежелания МВФ внимать рациональным и объективным доводам Москвы заключалась отнюдь не только в макроэкономическом догматизме этой организации, намеревавшейся распространить и на Россию те унифицированные рецепты, которые она выработала на протяжении десятилетий ее существования,

но и в целом в наметившемся охлаждении Запада и прежде всего США к нашей стране из-за ее последовательной и принципиальной позиции в отношении косовского кризиса.

На переговорах с главой московской миссии Международного валютного фонда Жераром Беланже в марте 1999 г. Е.М. Примаков последовательно проводил мысль, что оздоровление экономики, наполнение доходной части бюджета невозможно без развития реального сектора. Главный пункт преткновения в ходе этих переговоров заключался в том, что МВФ требовал от России соблюдения финансовой дисциплины, причем такой, какая была понятна для Запада, заключавшейся в своевременных монетарных выплатах. Российская же сторона настаивала на учете реального положения дел, когда денежные перечисления не могли стать единственной формой выполнения обязательств.

Тем не менее в ходе самих переговоров они не рассматривались как фатально бесполезные, и Е.М. Примаков активно занимался переговорным процессом с приезжавшими в Москву чиновниками МВФ. В.В. Геращенко, возглавлявший во время существования кабинета Е.М. Примакова Центробанк, подчеркивает, что Евгений Максимович прекрасно справлялся с этой задачей. «Чувствовалась, – отмечает Геращенко, – его многолетняя корреспондентская сноровка вытянуть из собеседника нужную информацию. Ну и, конечно, не только корреспондентская, но и опыт руководства внешней разведкой тоже. Он обычно очень просто и совершенно естественно так прямо и говорил иностранным переговорщикам: “Ребята, ну потерпите, мы сказали, что через некоторое время начнем платить”. И на такую непосредственность просто нечего было возразить».

Экзамен на подлинный суверенитет и геополитическую состоятельность

После того как Е.М. Примаков, перейдя из МИДа в правительство и вынужденно сосредоточившись в первую очередь на мерах по преодолению последствий дефолта, перестал непосредственно заниматься урегулированием косовского кризиса, ситуация в этой горячей точке продолжала ухудшаться. Албанские боевики совершали регулярные провокации против частей югославской армии и сил правопорядка, вынуждая их на ответные действия, но при этом общественное мнение Запада в основном с подачи Вашингтона в эскалации напряженности в Косове обвиняло именно Белград. По итогам состоявшихся в местечке Рамбуйе под Парижем в феврале 1999 г. переговоров между представителями югославского руководства и косовскими албанцами Белграду пытались навязать подписание договора, в соответствии с которым на территорию СРЮ вводился натовский контингент, от чего сербы, естественно, отказались. После этого силовая акция НАТО против СРЮ была уже предрешена.

Россия, между тем, продолжала твердо придерживаться позиции, что возможности найти политическое решение косовской проблемы не исчерпаны, и выступала решительно против готовившихся натовских бомбар-

дировок СРЮ. Понимая, что предотвратить их можно лишь какой-либо конструктивной инициативой со стороны Белграда, Е.М. Примаков попытался убедить Милошевича в необходимости подписать подготовленное в Рамбуйе соглашение, но югославский лидер решительно от этого отказался. Начало натовской операции тем временем стремительно приближалось. Становилось ясно, что предотвратить ее Россия не сможет. Но вместе с тем Москва не могла промолчать и закрыть глаза на ту демонстрацию собственной вседозволенности, которую альянс с подачи Вашингтона намеревался устроить в Европе. И Е.М. Примаков нашел, наверное, единственно возможный на тот момент способ показать всему миру неприятие американского решения «наказать» сербов.

Еще задолго до того, как 24 марта 1999 г. начались бомбардировки Югославии, между российской и американской сторонами была достигнута договоренность о встрече в США российского премьера с вице-президентом США в рамках Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству в середине двадцатых чисел марта. По мере приближения этой даты неизбежность американской агрессии против Югославии становилась всё более очевидной. Накануне вылета в США председатель правительства письменно уведомил Гора, что будет вынужден прервать свой визит, если Вашингтон применит силу против Югославии. Вместе с тем Е.М. Примаков заявил американскому коллеге, что на данный момент не собирается отменять вылет в США. О начавшейся военной операции НАТО Евгений Максимович узнал уже на борту самолета, пересекавшего Атлантику. Тогда-то он и сделал свою знаменитую «петлю Примакова» – принял решение развернуть борт обратно

и возвращаться в Москву. По словам Геращенко, летевшего в том самом самолете вместе с премьер-министром, Е.М. Примаков перед принятием своего судьбоносного решения сказал: «Вот, я договаривался с вице-президентом Гором, чтобы американцы крепко подумали, вмешиваться ли им в югославские дела. Если надумают вмешаться, я не полечу». Затем он удалился позвонить, после чего вышел к летевшим в самолете и сообщил им: «Они приняли решение бомбить Белград, поэтому мы сейчас разворачиваемся и летим назад».

Однако Россия не могла ограничиться одним лишь эффективным ходом, и Е.М. Примаков стал прилагать все возможные усилия для того, чтобы остановить натовскую операцию против СРЮ. При этом он максимально использовал неоднозначное отношение к бомбардировкам Югославии лидеров европейских стран альянса. После телефонного разговора с Ж. Шираком, попросившим российского премьера отправиться в Белград и попробовать «повлиять на Милошевича», чтобы тот «сделал какой-то жест», который можно было бы расценить как готовность СРЮ к диалогу с Западом, – например, согласился бы на встречу Контактной группы, – Евгений Максимович, обсудив эту инициативу с президентом Ельциным, наметил свой вылет в югославскую столицу на 30 марта. Накануне вылета премьер Италии М. Д'Алема по согласованию с Б. Клинтонем транслировал Е.М. Примакову более жесткие параметры ожидаемого от Милошевича «жеста»: не только согласие на созыв Контактной группы, но и начало вывода подразделений югославской армии и спецназа из Косова. Российский премьер выразил сомнение в возможности уговорить президента СРЮ на такой шаг, но тем не менее отправился в Белград.

И там ему удалось получить от Милошевича гарантии, что вывод союзных войск и спецподразделений из края начнется незамедлительно после прекращения бомбардировок. То есть у Евгения Максимовича получилось то, что в ситуации начавшейся натовской операции казалось просто нереальным: была найдена формула, которая предлагала конкретный и реальный способ перехода к политическому урегулированию и – что немаловажно – позволяла каждой из сторон сохранить свое лицо: альянс прекратил бы военную операцию победителем – добившись того, ради чего начинал ее, а Милошевич вывел бы войска из Косова, отступая не перед албанскими боевиками, а перед натовской военной машиной.

Вашингтон смотрел на проблему иначе – он не мог позволить, чтобы бомбардировки завершились как бы по слову российского премьера, – и натовская операция продолжалась до начала июня. Между тем Е.М. Примаков вплоть до своей отставки 12 мая не прекращал интенсивных контактов с западными лидерами, в том числе и с вице-президентом США, а также с генеральным секретарем ООН, убеждая своих партнеров в том, что выход из косовского кризиса может быть найден только при помощи политического урегулирования, которое становилось всё более труднодостижимым из-за продолжавшейся натовской операции. К Евгению Максимовичу тогда не прислушались – зато спустя несколько лет в самом центре Европы образовалась «независимая» косовская «язва», которая, похоже, не заживет уже никогда.

Е.М. Примакову пришлось заниматься и внутриросийской «косовской» проблемой. Когда он возглавил правительство, Чечня, ставшая фактически независимой после Хасавюртовских соглашений 1996 г. и вывода из

республики федеральных сил, превратилась в криминально-террористический очаг, создававший серьезные проблемы для обеспечения безопасности в южных регионах России. Президент Чечни А. Масхадов пытался остановить практику похищений людей с целью последующего получения выкупа и пресекать провокационные попытки отдельных полевых командиров дестабилизировать обстановку на территории РФ за пределами Чечни. Однако к тому времени он уже не обладал достаточной властью, чтобы поставить под свой контроль все вооруженные формирования, и некоторые полевые командиры, в том числе Ш. Басаев, А. аль-Хаттаб и С. Радиев, действовали совершенно безнаказанно. Вместе с тем, как тогда казалось российскому руководству, это объективно толкало Масхадова к переговорам с Москвой и, возможно, превращало его в весьма сговорчивого партнера в деле возвращения республики в конституционное пространство страны.

В конце октября 1998 г. такая попытка была предпринята – Е.М. Примаков встретился во Владикавказе с Масхадовым, который заявил о своей готовности обсуждать принципы «независимости Чечни в условиях единого экономического пространства с Россией», в том числе общей валюты. Стороны также договорились о сотрудничестве российских и чеченских правоохранительных органов для борьбы с преступностью и похищениями людей, о помощи Москвы в восстановлении некоторых чеченских предприятий и о переводе средств из федерального центра в республику для социальных выплат. Однако этой встречей всё и закончилось. Официальный Грозный не стал развивать достигнутые договоренности и начинать сотрудничество с Москвой в названных областях.

Отставка, но не уход из большой ПОЛИТИКИ

По мере того как экономика России выходила из кризиса, Кремль, обратившийся в сентябре 1998 г. к Евгению Максимовичу как единственному политику-тяжеловесу, способному не только преодолеть последствия дефолта, но и сделать это в рамках той системы, которая утвердилась в РФ после распада СССР, без возврата в прошлое, всё меньше нуждался в своем «спасителе», подозревал его в поползновениях затмить собой действующего президента, а затем стать его преемником. Эти настроения президента и его «семьи» сразу же были подхвачены так называемыми либералами, которые были уязвлены тем, что новый кабинет проводил политику, являющуюся прямым отрицанием того курса, которому они следовали с начала 1990-х гг. и который довел Россию до дефолта.

Сначала аккуратно, но затем всё откровеннее в подконтрольных этим либералам и некоторым олигархам СМИ развернулась кампания по дискредитации лично председателя правительства и его кабинета. Отправной точкой этой кампании стали публично озвучиваемые «версии», что правительство – «красное», что оно ведет дело к левому реваншу и пересмотру итогов приватизации. В соответствующем духе президента обрабатывало его ближайшее окружение, и дело дошло даже до того,

что Ельцин напрямую высказал Е.М. Примакову свое недовольство тем, что премьер якобы проводит прокоммунистическую политику. Евгений Максимович решительно отверг эти домыслы и дал понять президенту, что он абсолютно доверяет своим заместителям, которых считают левыми, и ни при каких условиях не согласится на их отставку.

Когда недоброжелателям Е.М. Примакова стало понятно, что у них не получится принудить его к кадровому реформатированию кабинета и замене неудобных фигур на своих ставленников, атака пошла уже преимущественно против самого премьера. Благоприятный фон для этого создавало и то, что Ельцин в последний год своего президентства регулярно болел, о чем сообщалось в СМИ, и часто отсутствовал на публике, в то время как премьер, напротив, ежедневно появлялся на телеэкранах, проводил совещания, совершал поездки по стране и за ее пределами – словом, предположение, что председатель правительства готовится стать преемником Ельцина, вполне могло возникнуть на основании такого повторявшегося изо дня в день видеоряда. И дело дошло до того, что Ельцин попросил Е.М. Примакова сделать перед телекамерами публичное заявление, суть которого сводилась к тому, что у премьера нет намерений баллотироваться в президенты.

Евгений Максимович отчетливо представлял себе действительное состояние общества, понимал, насколько сильно в результате непродуманной политики реформ, проводившихся с начала 1990-х гг., оно расколото и предрасположено к участию во внутривнутриполитических противостояниях и по сугубо социальным, и по политико-идеологическим размежеваниям. В результате замет-

ного «возвращения» государства в экономику правительству Е.М. Примакова удалось остановить разрастание кризиса и даже добиться появления позитивных тенденций в хозяйственной жизни, но прямой зависимости между преодолением последствий дефолта и снижением конфликтного потенциала общества не было и быть не могло, поскольку такого рода изменения в социальном организме требовали гораздо большего времени.

Осознавая это, Евгений Максимович решил взяться за дело, которое уже никак не входило в сферу его компетенции, а было под стать президентской инициативе: он занялся подготовкой договорно-правовой базы, которая позволила бы хотя бы на протяжении ближайших месяцев снизить накал общественных нестроений. Безусловно, возможность такой инициативы председатель правительства прежде всего обговорил с президентом и получил от него одобрение действовать в данном направлении. Речь шла, во-первых, о принятии закона, который гарантировал бы безопасность уходящего в отставку президента, а во-вторых, о достижении взаимных договоренностей между главой государства, председателем правительства и обеими палатами Федерального Собрания. По этим договоренностям до истечения своего президентского срока Б.Н. Ельцин обязывался бы не отправлять в отставку правительство и не распускать Думу, кабинет не ставил бы перед Думой вопрос о доверии, а Дума отказалась бы от подготовки импичмента. В конце января 1999 г. Е.М. Примаков направил обращение с такими инициативами председателям Думы и Совета Федерации.

Но эти предложения не получили дальнейшего развития: президент, который изначально одобрил инициати-

ву премьера, воспринял ее крайне болезненно, в очередной раз заподозрив Евгения Максимовича в примерке на себя прерогатив главы государства, да и в предельно накаленной Думе не собирались отказываться от попытки объявить Ельцину импичмент. Вместе с тем сама идея подобного российского «Пакта Монклоа» Кремлю явно понравилась. Администрацией президента был подготовлен альтернативный вариант документа – правда, менее радикальный: взаимные обязательства ветвей власти были в нем сведены лишь к отказу от инициирования отставки правительства и внесения изменений в Конституцию без предварительных о том консультаций. Однако и это начинание не было реализовано.

Вместе с тем нельзя недооценивать самой идеи, которую на протяжении зимы и весны 1999 г. впервые в этом виде сформулировал и последовательно отстаивал Е.М. Примаков, – о необходимости отказаться от борьбы ветвей власти друг с другом ради упрочения национального единства и обеспечения нормального развития страны. Во всяком случае, состоявшееся уже после отставки Евгения Максимовича голосование в Думе по началу процедуры импичмента провалилось во многом благодаря тому, что сам экс-премьер, авторитет и рейтинг которого к тому времени были исключительно высоки, последовательно негативно относился к этой затее, способной неимоверно осложнить и без того непростую внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Влиятельность Е.М. Примакова, его превращение в фигуру, без преувеличения, международного масштаба и – главное – продолжавшая расти популярность в обществе на фоне падавшего рейтинга президента заставили Кремль активизировать борьбу с председателем правительства и

вести дело к его отставке. С приходом на пост главы администрации президента ставленника «семьи» А.С. Волошина против премьера была развернута самая настоящая информационная война, участились попытки представить Е.М. Примакова в глазах Ельцина фигурой, которая проводит собственную политику, не отвечающую интересам президента. Одновременно активно подыскивался преемник премьеру. После того как по предварительному согласованию с Евгением Максимовичем первый вице-премьер Густов в конце апреля 1999 г. покинул правительство, чтобы включиться в избирательную кампанию губернатора Ленинградской области, на его место Ельцин назначил министра внутренних дел С.В. Степашина – с прицелом его дальнейшего продвижения в премьеры.

Степашин, у которого теплые дружеские отношения с Е.М. Примаковым сложились еще в начале 1990-х гг., вспоминает одну странную историю, имевшую место 12 июня 1994 г. Тогда после приема в Кремле, посвященного Дню принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, Ельцин вызвал к себе обоих силовиков – руководителей СВР и ФСК, долго молча смотрел на них, а потом задал один за другим два вопроса. Сначала он поинтересовался, дружат ли они. Получив утвердительный ответ, он задал следующий вопрос: «Вы меня не предадите?» На этот раз от обоих спецслужбистов последовал отрицательный ответ, и президент предложил им выпить за это. Нечто подобное произошло почти пять лет спустя. В 1999 г. в День Победы, после парада, Ельцин снова вызвал обоих – теперь уже председателя правительства и его первого зама и по совместительству главу МВД – в одно из закрытых по-

мещений Мавзолея Ленина и снова предложил выпить – теперь уже «друг за друга». Это было буквально за несколько дней до того, как Е.М. Примаков был отправлен в отставку, а на его место пришел Степашин. Первому президенту России нельзя отказать в приверженности к театральным и символическим действиям...

Но это было уже в конце премьерства Евгения Максимовича. А до этого Степашин, располагавший как министр внутренних дел информацией о положении дел с коррупцией, по просьбе премьера передал ему список наиболее влиятельных лиц из этого списка. Похоже, что полученная информация произвела на главу кабинета сильное впечатление, и он в марте 1999 г. на одном из заседаний правительства так прямо и заявил, что надо сажать за экономические преступления. По мнению Степашина, тогда-то и пошел накат на Е.М. Примакова – сначала осторожно, а потом уже и в открытую стали намекать на его президентские амбиции, в подконтрольных олигархам СМИ развернулась травля премьера.

Уходя в отставку, Е.М. Примаков не только не испытывал безразличия к тому, кто окажется его преемником, но и активно способствовал продвижению кандидатуры Степашина, назвав его Ельцину «лучшим вариантом» по сравнению с министром путей сообщения Н.Е. Аксененко, которого на этот пост продвигала «семья». Об этом Евгений Максимович сам сказал Степашину, столкнувшись с ним возле кремлевского президентского кабинета сразу после своей отставки.

Крашенинников свидетельствует, что, находясь во главе кабинета, Евгений Максимович уделял много внимания и сил поддержанию нормальных человеческих отношений между обитателями Белого дома. Для этого

он регулярно устраивал неформальные встречи либо всего правительства, либо какой-то его части. Помимо обыкновенного непринужденного общения на таких встречах одновременно решались и деловые вопросы. Душой кампании и центром ее притяжения всегда оставался Евгений Максимович. Он артистично рассказывал анекдоты. Как-то на одной из таких встреч премьер даже стал соревноваться «по анекдотам» с управделами президента П.П. Бородиным и выиграл у него, хотя и с минимальным отрывом. Примечательно, что и после своей отставки Е.М. Примаков не просто покинул Белый дом, но устроил вечер с членами правительства, на котором поблагодарил их за совместную работу и представил Степашина как «наиболее удачного своего преемника». Он сказал: «Нам очень повезло, что назначили именно Сергея Вадимовича».

Наконец, нельзя не отметить, как отреагировал на уход Е.М. Примакова В.В. Путин. По словам С.Б. Иванова – на тот момент заместителя директора ФСБ, – на следующий день после отставки Е.М. Примакова с поста главы правительства В.В. Путин позвонил ему с просьбой о возможности приехать. Теперь уже бывший премьер согласился. И тогда директор и несколько руководящих работников ФСБ (Иванов также был в их числе) прибыли на дачу к Е.М. Примакову. По словам Иванова, будущий президент «просто, без напыщенности, почеловечески» от лица всех приехавших поблагодарил экс-премьера за месяцы совместной работы и заверил Евгения Максимовича в том, что исключительно доброе и уважительное отношение к нему со стороны навестивших останется неизменным, независимо от того, на каких должностях они впоследствии окажутся.

А один из будущих хозяев Белого дома, а в мае 1998 г. – заместитель руководителя Государственной налоговой службы РФ – начальник Государственной налоговой инспекции по Санкт-Петербургу – В.А. Зубков передает следующие слова В.В. Путина, сказанные им в связи с отставкой правительства Е.М. Примакова: «Хотелось бы, чтобы в нашей стране было как можно больше таких примаковых!»

Однако миф о политической ангажированности Е.М. Примакова в качестве премьера, о его якобы имевших место тайных договоренностях с коммунистами оказался удивительно живучим. Например, Г.А. Явлинский и несколько лет назад продолжал упорно его повторять. «Весной 1999 г. коммунисты потребовали импичмента Ельцина, – отмечает он. – Как премьер Примаков импичмент поддержать не мог, но и особо возражать не хотел. Внятной позиции по импичменту он так и не занял. С самого начала Примаков был в положении сидящего на двух коленях: одно колено было Ельцина, второе – коммунистов. Когда начался импичмент, колени разъехались и он “провалился”».

Налицо упорное нежелание – может быть, как раз вызванное той или иной ангажированностью – увидеть в предложенном Евгением Максимовичем аналоге «Пакту Монклоа» не тайный сговор с коммунистами, а именно попытку открытых действий по недопущению социального взрыва.

Тем не менее нельзя не отдать должного неимоверному политическому чутью первого президента России. К тому моменту было уже ясно, что после отставки Е.М. Примакова каждая новая перетряска правительства будет работать против Кремля, и поэтому Ельцину сле-

довало как можно скорее определиться с кандидатурой своего преемника, которого для «обкатки» и надлежало сделать премьером. Но после того, что за каких-то полгода с небольшим успел сделать Е.М. Примаков, руководя правительством, любой его преемник из перебивавшихся на тот момент кандидатур элементарно не смотрелся на фоне такого предшественника. А для премьера – «наследника» президента такой имиджевый проигрыш был абсолютно недопустимым.

Но Ельцин точно просчитал, пожалуй, единственное слабое место Е.М. Примакова – отсутствие брутальности, принадлежности к корпорации силовиков, пусть прямолинейной, но крутости, то есть качеств, которые были явно востребованы обществом, жаждавшим наведения элементарного порядка в стране. И глава МВД, как тогда казалось, мог отвечать таким требованиям. Вопрос об отставке правительства Е.М. Примакова был предрешен – она произошла через две с небольшим недели после повышения министра внутренних дел до статуса первого вице-премьера.

Из политика – в политического гуру

Уход из правительства не означал для Евгения Максимовича ухода из политики. Тем более что после отставки в предложениях успешному руководителю правительства – именно таким являлось преобладавшее отношение к экс-премьеру – не было недостатка. И Е.М. Примаков принял предложение московского мэра Ю.М. Лужкова возглавить избирательный список блока «Отечество – Вся Россия» в намеченной на декабрь 1999 г. думской кампании. Решение Евгения Максимовича было продиктовано не какими-то конъюнктурными соображениями – он был искренне убежден в том, что России недостает влиятельной левоцентристской силы, которая отстаивала бы принципы социально ориентированной политики, и посчитал, что именно такая структура и зарождается под вывеской этого избирательного блока. Имя популярного политика обеспечило успех блока ОВР, занявшего на выборах в Думу третье место, а сам он возглавил его думскую фракцию.

Сейчас, по прошествии двадцати лет после бурных событий осени 1999 г., может возникнуть закономерный вопрос: почему Евгений Максимович, главным политическим капиталом которого, помимо высочайшего профессионализма, всегда была абсолютная репутационная безупречность, решил связать себя с весьма неоднознач-

ной структурой, неужели его подвела интуиция, прежде никогда не дававшая сбоев? На этот вопрос не может быть простого ответа. С одной стороны, Е.М. Примаков в ходе думской кампании боролся с соперником, претендовавшим на ту же самую электоральную нишу, что и ОВР, – с «Единством», а точнее – с премьером В.В. Путиным. Но с другой стороны, а мог ли Евгений Максимович, подвергшийся в ходе той кампании откровенной травле, инспирированной теми же самыми лицами, которые были причастны к подготовке его отставки и одновременно к созданию «Единства», поступить иначе – и отказаться держать удар? К тому же лично премьера Путина Евгений Максимович уважал, в том числе и за смелый в ситуации мая 1999 г. поступок, когда директор ФСБ вместе с руководством службы приехал в гости к отпущенному в отставку Е.М. Примакову, чтобы выразить благодарность за совместную работу, да и просто поддержать.

Потом не надо забывать и того, что действительный драматизм думских выборов 1999 г. стал очевиден далеко не сразу, тем более что в российской политической системе того времени думские кампании никогда не играли принципиальной роли и не приводили к каким-то кадровым выводам, а президент всегда пребывал над схваткой, что было видно хотя бы по весьма двусмысленной кремлевской поддержке на выборах 1995 г. проправительственного движения «Наш дом – Россия». Словом, противостояние с пропутинским «Единством», во-первых, автоматически не означало тогда для Примакова – в отличие от других первых лиц избирательного списка ОВР – борьбу лично против Путина, а во-вторых, явилось способом защиты собственного достоинства, а

также формой отстаивания тех политических приоритетов, которыми он руководствовался на всех предыдущих государственных постах, какие занимал.

В воспоминаниях Е.М. Примаков откровенно объяснил и свое нежелание тягаться с Путиным на президентских выборах: «Думаю, что он хорошо воспринял мое решение не становиться его конкурентом в президентской гонке. Я сказал ему об этом сам. Дело не в том, что у меня были реальные шансы победить – их не было, так как “бал правили” те, у кого в руках были средства массовой информации. Да и сам Путин становился очень популярным в обществе, особенно после того, как он взял на свои плечи всю тяжесть ответственности за решительные действия против чеченских террористов и сепаратистов. Но мое участие в выборах могло бы реально привести к необходимости второго тура, а Путин, как известно, сумел добиться победы сразу, в первом». Государственные интересы в очередной раз стали для Евгения Максимовича гораздо важнее интересов собственных...

Свидетельством крайнего напряжения общественных настроений стало одно из первых заседаний Государственной Думы 3-го созыва в январе 2000 г. Когда обсуждались кандидатуры на пост главы этой палаты, в числе которых был назван и Е.М. Примаков как руководитель фракции «Отечество – Вся Россия», он заявил о своем отказе бороться за этот пост. Такое решение было им принято из-за несогласия с распределением думских комитетов между фракциями. Тогда фракция Е.М. Примакова вместе с фракциями «Яблока» и «Союза правых сил» оказалась в числе обделенных думскими должностями. Получилось так, что разнородное в политическом

отношении, но вместе с тем уже привычное для партийного ландшафта Охотного Ряда большинство (новичком стало разве что «Единство», но оно органично заняло нишу «партии власти», ранее принадлежавшую фракции «Наш дом – Россия») отодвинуло эту «тройку», названную в СМИ «меньшевиками», от распределения портфелей.

Такой расклад вызвал резкий протест со стороны Е.М. Примакова. Он выступил с думской трибуны и помимо этой конъюнктурной проблемы коснулся также вопросов о роли Думы и о предстоящих президентских выборах. Заметив, что президентские выборы обречены стать «практически безальтернативными», он заметил, что на таком фоне думский председатель «должен иметь очень большой политический вес», поскольку он является «в иерархии одним из ведущих государственных деятелей». Но депутатское большинство устроило «сговор», навязывая свою волю всем остальным, и новоизбранная Дума окажется неспособной работать на благо народа.

В феврале 2000 г. Е.М. Примаков публично заявил о своем решении «после долгих раздумий» не участвовать в президентских выборах. «Я не скрою, это решение было непростым. После 17 декабря 1999 г., когда сказал о согласии на участие в президентской гонке, я получил в поддержку тысячи телеграмм и писем, Казалось, это меня должно было утвердить в положительном решении, однако во время выборов и в начале работы в Госдуме я почувствовал, как далеко наше общество от гражданского облика, от истинной демократии. Я не думаю, что положение может коренным образом измениться за несколько месяцев».

Но несмотря на занятую Евгением Максимовичем, казалось бы, оппозиционную нишу, его деятельность в Думе

была довольно продуктивной. Он регулярно участвовал в пленарных заседаниях. Так, в мае 2000 г. Е.М. Примаков в качестве «главного критерия» приватизации назвал ее влияние на повышение эффективности производства. Он выступил против «какого-то универсального изменения форм собственности», сложившихся в стране по итогам той политики, которая проводилась в этой области в 1990-х гг., однако заметил, что деятельность всех предприятий необходимо оценить с точки зрения этого критерия, чтобы понять, имел ли место «рост эффективности производства в результате приватизации». Более того, Евгений Максимович тогда еще раз подчеркнул, что ни в коем случае нельзя допустить «перераспределения собственности за счет монополизации рынка».

Также он выступил с думской трибуны с призывом совершенствования взаимоотношений между центром и регионами в контексте улучшения налоговой политики. Он указал на необходимость «оптимизации встречных финансовых потоков» – дотаций из федерального бюджета на места и возвращения денег из регионов в доходную часть бюджета в виде налоговых поступлений. Е.М. Примаков подчеркнул, что гарантией бесперебойной выплаты налогов из субъектов Федерации станет обеспечение им определенной «свободы рук» для проведения таких отчислений, то есть гибко выполнять свои обязательства перед центром.

Е.М. Примаков резко возражал тем, кто утверждал, что в ходе «первоначального накопления капитала» в принципе неуместно говорить о каких-либо «экономических преступлениях». В одном из выступлений в Думе в мае 2000 г. он назвал подобные утверждения «чушью».

Евгений Максимович не оставался равнодушным и к тем вопросам, которые не касались той сферы, в которой

он являлся непререкаемым авторитетом. Например, весной 2000 г., фиксируя усиление «настроений», нацеленных на «коммерциализацию культуры», он на пленарном заседании Думы со всей определенностью заявил: «Мы не можем идти на это в нашей стране, в стране, где духовные ценности должны иметь огромное значение».

Когда же партийные «междоусобицы» 1999 г. остались позади и движение «Отечество» влилось в «Единство», Е.М. Примаков покинул пост главы думской фракции ОВР, предпочтя ему совершенно другую деятельность, которую посчитал актуальной и на которой мог применить весь свой опыт предыдущей работы на высоких академических и административных постах.

Эта деятельность осуществлялась по трем направлениям.

Первое направление – это фактически продолжение дипломатической работы, только на неформальном уровне. Е.М. Примаков оказывался незаменимым при выполнении разовых, «штучных» миссий, на которые никто кроме него не был способен. В связи с этим достаточно вспомнить хотя бы то, как в феврале 2003 г. он по личному поручению В.В. Путина отправился в Багдад, чтобы передать устное послание президента РФ С. Хусейну. В этом послании Путин рекомендовал иракскому лидеру уйти в отставку и призвать парламент провести демократические выборы, чтобы тем самым остановить подготовку американского нападения на страну. Эта миссия была поручена именно Евгению Максимовичу как имевшему богатый опыт общения с Хусейном, в том числе в аналогичных ситуациях – когда над Багдадом нависала угроза американских ударов.

Важным направлением международной деятельности Е.М. Примакова явилось руководство совместно с Генри

Киссинджером российско-американской группой из бывших и действующих политических и государственных деятелей обеих стран. Это было в конце второго срока президентства Джорджа Буша-младшего и в начале первого срока пребывания в Белом доме Барака Обамы. Начинание имело целью налаживание диалога между Россией и США. Представителей группы принимали на высшем уровне в Москве и Вашингтоне. Киссинджер подчеркивал особую роль Евгения Максимовича в координации действий группы и укреплении ее внутреннего единства: «Его острый аналитический ум вкупе с обширным знанием глобальных тенденций, приобретенным с годами, проведенными вблизи или непосредственно во властных кругах, а также его преданность своей стране дополнили наше видение и помогли в поиске общего подхода. Мы не всегда соглашались, но всегда уважали друг друга».

Констатируя, что в середине второго десятилетия XXI века отношения между Россией и США стали даже хуже, чем были в последние годы холодной войны, Киссинджер утверждает, что, по его сведениям, перед своей кончиной Примаков пытался преодолеть подобную «тревожную ситуацию».

Евгений Максимович в конце жизни также испытывал крайнее разочарование по поводу того, как в последнее время складываются взаимоотношения Москвы и Вашингтона. Его коллега по секретной миссии в Израиле в 1970-х гг. Котов сообщает, что за два месяца до смерти Евгений Максимович говорил: «Надо найти правильное содержание и форму диалога с США. Не уступая в принципиальных вопросах и не поступаясь важными национальными интересами, требуется договариваться с аме-

риканцами». Аналогичный разговор он провел весной 2015 г. и с Олбрайт, сказав своей собеседнице: «Я очень обеспокоен тем, что российско-американские отношения находятся на самом низком уровне за долгое время».

Но подобные настроения не были сетованиями или сожалениями о якобы допущенных Россией ошибках, о том, что именно она виновата в охлаждении отношений с Америкой и с Западом в целом. После введения анти-российских санкций Евгений Максимович писал: «Преобладающее большинство российского населения поддерживает главу государства и не приемлет угроз в адрес Путина, курс которого справедливо оценивается как служащий интересам России и одновременно не захлопывающий дверь для сотрудничества со всеми странами, включая США и ЕС, для нейтрализации реальных угроз и вызовов международному сообществу». А в начале 2015 г., констатируя, что «курс, исключаящий самоизоляцию нашей страны, в том числе в экономической области», остается «незыблемым», Е.М. Примаков тем не менее считал «единственной альтернативой для России» опору на внутренние резервы страны, а также «возможности для количественного и качественного роста экономики».

Любопытны «наброски тем», которые Е.М. Примаков сделал для произошедшей 19 марта 2009 г. встречи В.В. Путина, на тот момент премьер-министра, и Киссинджера. Среди прочего – указание на необходимость изживания «четырех распространенных заблуждений» для сближения между Россией и США.

Во-первых, в документе констатировалось, что США на данный момент представляют собой «самую мощную в экономическом, военном плане и по своему политиче-

скому влиянию страну в мире», но это вовсе не означает автоматически, что мироустройство является однополярным.

Во-вторых, в «набросках» проводилась важная мысль, что гибель СССР «не идентична поражению России в холодной войне».

В-третьих, дезавуировалось утверждение, что «многополярное мироустройство с изменяющимся соотношением сил между полюсами» якобы способствует формированию союзов государств, которые ущемляют либо Россию, либо США как «основного игрока на международной арене». В качестве примеров этого заблуждения Е.М. Примаков назвал прогнозируемое Бжезинским «сплочение двух полюсов», под которыми он подразумевал Вашингтон и Пекин, с последующим «образованием между ними альянса, способного контролировать ситуацию в мире», а также «подозрения в антиамериканской направленности» «треугольника Россия–Китай–Индия» или «попытки использовать противоречия с Соединенными Штатами у отдельных стран “старой Европы”».

В-четвертых, опровергалось суждение, что якобы Россия, как и во время холодной войны, продолжает вести с США «игру с нулевым результатом». Если бы это было так, пояснялось в записке, то Москва непременно воспользовалась бы ситуацией в Ираке, ставшей для Вашингтона «тупиковой», как в свое время Соединенные Штаты поддерживали в Афганистане моджахедов против Советской армии.

Е.М. Примаков сетовал на невнимание к региональным конфликтам, проявляемое обеими державами. В эпоху холодной войны такого не было, поскольку в каждом

региональном конфликте присутствовали интересы СССР и США, что позволяло «контролировать ситуацию». В настоящее же время «основные игроки – сами участники или потенциальные участники конфликтов».

Вторым направлением стала работа в новой конфигурации политического пространства России – той конфигурации, какая стала стремительно складываться с начала XXI в. и уже к концу первого путинского срока приобрела зримые очертания. Получилась удивительная вещь – по иронии судьбы и на закате активной профессиональной деятельности Евгению Максимовичу не пришлось почивать на лаврах авторитетнейшего политика: он с головой ушел в сферу, которая при всей своей исключительной значимости для современной России до сих пор остается, пожалуй, наиболее проблемной, во многом как бы «застрявшей» в 1990-х гг. и никак не желающей меняться, а потому являющейся серьезным препятствием для дальнейшего развития страны, – в урегулирование отношений между властью, бизнесом и обществом. Эту новую миссию Е.М. Примаков осуществлял на посту президента Торгово-промышленно палаты России.

Евгений Максимович как-то сказал, что повсеместно в мире аналогичные институты являются «зоркими стражами цивилизованного ведения бизнеса». И возглавляя российскую Торгово-промышленную палату на протяжении почти десяти лет, Е.М. Примаков сделал очень много для того, чтобы и в нашей стране утвердились именно цивилизованные, подчиняющиеся незыблемым правовым установлениям, соблюдаемые всеми сторонами, состоящими друг с другом в деловых отношениях, правила поведения.

Евгений Максимович зорко углядел и наиболее слабое место совершенно правильного и безальтернативного курса российского руководства на приоритетное развитие инновационных отраслей реального сектора и создание на их фундаменте инновационной экономики как таковой. Полностью поддерживая такое намерение, Е.М. Примаков тем не менее считал, что оно нуждается в комплексной проработке, в том числе и с точки зрения выстраивания инновационных приоритетов для отечественного бизнеса.

Много актуальных и давно назревших инициатив и проектных разработок было подготовлено Торгово-промышленной палатой и для решения «проклятой» проблемы еще совсем молодого – по историческим меркам – российского делового сообщества: как перенести центр тяжести бизнеса из посреднических операций в производственную сферу. Порой и сейчас бытует мнение, любимое всё теми же условными либералами, несостоятельность которых Евгений Максимович наглядно продемонстрировал, отрегулировав за восемь месяцев экономику: мол, разберитесь с коррупцией, введите нормальные налоги – и «невидимая рука» сама наведет порядок. Е.М. Примаков никогда не переставал бороться с коррупцией. В Торгово-промышленной палате под его началом было подготовлено много верных и нужных инициатив, как эффективно разграничить чиновничью и деловую сферы.

В связи с этим крайне интересна аналитическая записка, подготовленная в Торгово-промышленной палате в конце 2002 г. на имя В.В. Путина под руководством Е.М. Примакова. Она называлась «О вовлечении российских капиталов, размещенных в офшоре, в хозяйствен-

ный оборот России». Записка начиналась с констатации того, что объем вывезенных за рубеж в течение 1990-х гг. российских капиталов составил, по оценкам как отечественных, так и зарубежных источников, порядка 250 миллиардов долларов. Из них треть была вложена в объекты недвижимости, а потому «возврат этих средств не представляется реальным». Чуть менее трети было потрачено на покупку западных ценных бумаг, и возврат этих денег в Россию также сомнителен. Наконец, более трети указанной суммы оказалось на банковских счетах, причем из этих средств «около двух третей инвестировано в экономику принимающих стран, как правило, в форме прямых инвестиций в те или иные предприятия». Так как при этом инвестировании были нарушены нормы российского законодательства, владельцы вложенных средств лишены возможности иметь с них легальные доходы, а значит – и платить налоги в Россию. Размер таких инвестированных средств расценивался в аналитической записке как примерно 30 миллиардов долларов, и за их возврат в записке призывалось «бороться». Кроме указанных 30 миллиардов внимание в документе обращалось внимание еще и на 40–60 миллиардов долларов наличной валюты, которая на тот момент находилась на руках у населения. Эти деньги в массе своей также обслуживали нелегальный бизнес, однако, как утверждалось в материале Торгово-промышленной палаты, «держатели не менее чем половины этой суммы» были бы заинтересованы в легализации своих средств.

В итоге «потенциальный ресурс легализации» на конец 2002 г. составлял порядка 50–60 миллиардов долларов. И для того чтобы запустить механизм легализации, Торгово-промышленная палата предлагала объявить амнистию работающим «в тени» капиталов. Понятие

«амнистия» в таком контексте употреблялось в новой России фактически впервые, то есть еще задолго до того, как соответствующие решения были приняты на высшем государственном уровне. В аналитической записке подробно разбиралась существующая в мире практика легализации теневых средств, причем рассматривались как ее удачные примеры, так и неудачные – в частности, соответствующий опыт Казахстана. Оценивались и предварительные законодательные и организационно-административные меры, которые уже были предприняты в России в этом направлении (особенно главная из них – создание годом ранее Росфинмониторинга), и делался вывод о последующих шагах, требующихся для амнистии. Среди них назывались меры информационного характера, подразумевавшие в том числе присоединение к «существующей международной информационной сети», а также «проведение совместных операций с финансовыми разведками других стран», причем здесь обозначалась задача «поставить проведение подобных операций “на поток”». Перечислялись российские ведомства и структуры, которых, по мнению составителей аналитической записки, следовало привлечь к подготовке амнистии.

Наконец, говорилось о необходимости разработки специального «Закона о легализации вывезенных резидентами России капиталов за рубеж», который значительно упрощал бы инвестиционную деятельность россиян за границей. Для облегчения возвращения капиталов из офшора в экономику России предлагалось учредить за пределами страны «специальный инвестиционный фонд» – в нем «на добровольной основе» должны были накапливаться российские средства, обращающиеся в

экономиках других стран. Управление таким фондом Торгово-промышленная палата считала целесообразным передать «зарубежной трастовой компании, имеющей высокую мировую репутацию». Этой компании вменялось в обязанность проверять «по западным стандартам» происхождение денег, заниматься их инвестированием в экономику России и в случае необходимости «по поручению российской стороны» управлять ими.

Много внимания Евгений Максимович уделял и оптимизации налоговой политики в отношении предпринимателей. Но все эти конкретные рецепты он считал в известной мере производными от тех двух принципиальных установок, которые определяют специфику деловой жизни в современной России: от государственного регулирования, которому следует эволюционировать в направлении партнерства, и от незавершенности диверсификации бизнеса – тоже во многом по вине государства. И рекомендации Евгения Максимовича относительно того, как следует учитывать эти установки, похоже, еще долго будут оставаться жгуче актуальными.

Е.М. Примаков занимался и серьезными теоретическими разработками. Он не отделял друг от друга экономическую модернизацию и модернизацию политическую, рассматривая оба процесса как взаимосвязанные и взаимозависимые, причем как для мира в целом, так и для России. Принципиальные замечания на этот счет Евгений Максимович высказал в черновике «Заметок о мировом кризисе и перспективах модернизации», написанном, судя по контексту, во второй половине 2008 г. Говоря об уроках, которые следует извлечь из охватившего мир глобального кризиса, Е.М. Примаков делал два вывода.

Во-первых, ни в коем случае не следует отрицать «глобальный характер экономик различных стран»: не произошло никакого возврата «мирового рыночного хозяйства к парадигме национально-государственного интереса, что предполагает существование многих центров мировой политики, которые добиваются усиления собственных экономических позиций за счет соперников».

Во-вторых, для предотвращения «бесконтрольной деятельности крупных банков и корпораций», которая во многом и спровоцировала кризис, следует добиваться «усиления государственной роли в экономике». Этот вывод вовсе не противоречит первому выводу – о сохранении глобальной экономики. Просто именно государственные институты, в отличие от институтов надгосударственных, могут быть наиболее эффективными в борьбе с такой «бесконтрольной деятельностью».

Оба вывода Е.М. Примаков проецировал на российские реалии. Он утверждал, что стране требуется «сильная власть, ориентированная на модернизацию», без такой власти не получится построить гражданское общество. Однако необходимо неукоснительное соблюдение обоих условий применительно к власти – сильный характер плюс приверженность модернизационным ценностям. Перестройку постигла неудача как раз потому, что партия, являвшаяся «ведущей силой в государстве», не захотела меняться.

В 2010 г. под руководством Е.М. Примакова Торгово-промышленная палата подготовила информационно-аналитический материал для доклада В.В. Путину «О состоянии национальной безопасности Российской Федерации в 2010 году и мерах по ее укреплению». Этот документ охватывал профильный для палаты круг во-

просов, в частности, «формирование современной промышленной, финансовой и торговой инфраструктуры, создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, развитие торгово-экономических и научно-технических связей». Поводами к фокусировке на перечисленных проблемах в контексте обеспечения национальной безопасности страны стали кризис 2008 г. и его последствия для внутривнутриполитического и внешнеполитического положения страны. В документе утверждалось, что экономика России понесла серьезные потери, которые должны заметно осложнить ее функционирование в ближайшей перспективе. Вместе с тем кризис явился и важнейшим уроком, свидетельствующим о «типичности сырьевого сценария развития», а следовательно – о необходимости форсированного развития инновационной производственной сферы.

Наконец, третьим направлением деятельности Евгения Максимовича явилось выполнение роли своего рода гуру – и в глобальном измерении, когда он вошел по предложению генерального секретаря ООН в Группу высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, и внутри страны – в качестве президента «Меркурий-клуба», на заседаниях которого под его руководством обсуждались вопросы, без четкого понимания которых не могут быть надлежащим образом обеспечены культурно-цивилизационная идентичность России, ее национально-государственный суверенитет и самое главное – развитие как залог сохранения в качестве конкурентоспособного полюса современного мира.

По-видимому, должно пройти еще какое-то время, прежде чем масштаб фигуры Евгения Максимовича Примакова, значимость его наследия – и аналитическо-

го, и из области практической политики – будут по-настоящему осознаны. Но подлинная ценность наследия, которое оставляют после себя подобные личности, заключается в первую очередь в том, насколько востребованным оно оказывается их потомками, как часто к нему обращаются не как к историческому уроку – выученному или невыученному, – а как к практической рекомендации для жизни текущей. И в этом смысле Евгений Максимович будет еще долго оставаться нашим современником.

Идеология Примакова в XXI столетии и для XXI столетия

После отставки с поста председателя правительства в 1999 г. и вплоть до своей кончины в 2015 г. Е.М. Примаков не переставал остро реагировать на происходящее в стране и в мире, причем в самых разных сферах жизни. Это идейное наследие Евгения Максимовича, всё то, что он написал и сказал за эти 16 лет, может выглядеть как довольно стройная система взглядов, скомпонованная наподобие своего рода идеологии. Вряд ли Е.М. Примаков ставил себе задачу выработать какую-то целостную идеологию. Так получилось практически само собой.

Возможно, сам он и отказался бы воспринимать собственные тексты текущего века в качестве идеологии, хотя бы уже потому, что любая идеология неизбежно предполагает стройность, завершенность и практическое приложение, но ничего подобного с текстами Евгения Максимовича не получилось: они создавались применительно к конкретным ситуациям, а значит, являются фрагментарными, незавершенными, но главное – мало какие из содержащихся в них идей получили дальнейшее развитие.

Тем не менее говорить об идеологии Примакова как о чем-то, сложившемся явочным порядком и заявившем себя в публичном пространстве, вполне корректно. По-

этому, систематизировав взгляды Евгения Максимовича за 1999–2015 гг., авторы взяли на себя смелость заявить основы идеологи Примакова, организованные по проблемному принципу – «Евгений Максимович о том-то». Представленная ниже подборка подобных идеологических утверждений доказывает, насколько современным и одновременно несовременным из-за своего чересчур уж устремленного вдаль прогностического и оценочного взгляда является это идеологическое наследие, как было бы оно полезно для современности – как нашей, так и зарубежной. И это даже с учетом того, что излагаемые ниже идеологические положения создавались в слишком уж разное время – и в самом начале XXI в., и во время второго президентского срока В.В. Путина, и в период «танDEMократии», и на фоне мирового экономического кризиса, и после «русской весны» 2014 г. Но несмотря на это обстоятельство, проработанная – во всяком случае, в отношении основных проблем – идеологическая картина всё же получается. И это еще одно свидетельство ее жизнеспособности.

О предпринимательстве, собственности и приватизации

Стратегия всего экономического роста в нашей стране должна выстраиваться вокруг поддержки малого бизнеса, которому надлежит стать «золотым гвоздем» национального благосостояния, заменив в этой роли сырьевой экспорт.

Огромные отрасли, экспортирующие миллионы тонн нефти и газа через тысячи километров труб, хотя и являются несомненной важнейшей опорой государства,

тем не менее, в силу своей специфики, склонны к чрезмерному технологическому и кадровому консерватизму. Наоборот – молодые малые предприятия готовы к любым инновациям.

Чтобы не допустить ситуацию, когда предприниматель попадает в кабальную зависимость от бандитов и их «крыши», бюджетное финансирование со стороны государства малому бизнесу должно быть серьезно увеличено.

Непременным правилом должен стать порядок, когда «ни один нормативно-правовой акт, затрагивающий интересы предпринимательства», не должен приниматься без предварительного всестороннего экспертного заключения Торгово-промышленной палаты.

Государственная поддержка бизнеса – это своего рода конвергенция на современном этапе, когда появляется возможность извлечь лучшее и из принципа частной собственности, и из ее регулирования внешней силой, так и не ставшей «ночным сторожем». Такая новая конвергенция может быть достигнута только в том случае, если российское предпринимательство удастся очистить от негативных наслоений 1990-х гг.

Многие функции, которые сейчас исполняет государство, многие его полномочия могут быть переданы непосредственно бизнесу и аффилированным с ним общественным организациям. Это поможет построить в России долгожданное «открытое гражданское общество».

Власть должна общаться с представителями всех сегментов бизнеса – и крупного, и среднего, и малого – в рамках единой институции – Национального совета по предпринимательству при президенте Российской Федерации.

«Изъятие части сверхдоходов» у крупных компаний сырьевой направленности является оправданной мерой

для тех исторических условий, в которых происходило формирование рыночных отношений в России 1990-х гг. Тем более необходимо нанесение «точечного удара» по всем олигархическим структурам, демонстрирующим свои властные амбиции.

Между государством и бизнесом должен идти «разговор на равных». Именно на этом пути возможно добиться создания «человеческого лица» рыночной экономики и одновременно обеспечить реализацию цивилизаторской миссии самого государства. Чиновничество и предприниматели должны пребывать в своего рода «симфонии», иначе невозможно будет ни избавиться от коррупции, ни достичь целей всевозможных административных реформ.

«Локомотивы рыночных отношений» – предприниматели – всё еще недостаточно вовлечены в решение социальных задач – таких, как поддержка беднейших слоев населения, борьба с детской беспризорностью и др., что порождает негативное отношение населения к самой рыночной системе. «Рынок не антипод улучшению социального положения населения».

Несмотря на нелегитимные методы приватизации недопустимо отрицать ее итоги. В противном случае хрупкий социальный мир может быть легко нарушен попыткой подобной ревизии. Поэтому любую собственность, которая была приватизирована согласно закону, мы обязаны считать абсолютно легитимной.

О правосознании

Правовая система – это живой организм, те или иные законодательные акты появляются и умирают, как клетки в теле человека. Если же умершие и уже давно не

функционирующие клетки не выводятся, начинается некроз. Во избежание этого государство, предпринимательство и право должны быть объединены общими целями. Бизнес имеет свои обязанности перед государством и народом – и только выполняя их, он сможет «реабилитироваться» за 1990-е гг. Но и у государства есть обязанности перед бизнесом – для его развития должны быть созданы и законодательно закреплены все условия.

Стойкий и последовательный этатизм вовсе не предполагает правового нигилизма. Напротив, чтобы быть крепкой и развивающейся, государственность нуждается в разработанной правовой системе. Ни одно государственное решение не должно приниматься без надлежащей проработки на законодательном уровне. Но и принятию любых законов должна предшествовать доскональная юридическая экспертиза. Это незыблемое правило относится абсолютно ко всем направлениям и уровням законодательной деятельности.

Помимо контроля за выполнением уже принятых законов необходима «оперативная корректировка» законодательства. Здесь особенно важна роль Совета Федерации – именно этот орган должен доносить информацию, «идущую от жизни», до Государственной Думы, работа которой неизбежно будет иметь в какой-то степени абстрактный характер.

О многополярности

Современная глобальная тенденция – это «деидеологизация международных отношений», «взаимобусловленность и целостность мира». Капитализм и социализм –

во всяком случае, как их понимали во время холодной войны, – ушли в прошлое.

Эта тенденция базируется на трех основных процессах – глобализации, межгосударственной интеграции и «транснационализации предпринимательской деятельности». В своем единстве эти процессы представляют собой важный шаг к пониманию, а затем и к достижению единства мира.

Вместе с тем объективная реальность глобализации никоим образом не элиминирует национальных интересов, которые в эпоху глобализации приходится защищать и обеспечивать с такими же последовательностью и стойкостью, с какими это делалось и в эпохи империй или национальных государств. Другое дело, что новые геополитические обстоятельства требуют иных подходов – более гибких, многоуровневых и системных. Национальные интересы приходится отстаивать в любую эпоху – поэтому бессмысленно критиковать глобализацию или пытаться противостоять ей. Необходимо выработать новые приемы соотнесения национальных интересов с глобальной реальностью – и это не будет ни капитуляцией перед современным трендом, ни его игнорированием.

Глубокому и всестороннему переосмыслению подвергается и интерпретация понятия «сверхдержава» в рамках концепции многополярного мира. Эпохе сверхдержав пришел конец. Сверхдержава не может быть одна – в противном случае она перестает быть таковой. Поэтому после крушения СССР Соединенные Штаты перестали быть сверхдержавой, хотя и остались самой сильной в мире страной.

Позитивный момент многополярности современного мира, подкрепленной глобализацией, состоит в том, что

конфликты интересов становятся более локальными, а следовательно – с меньшей долей вероятности могут привести к повторению сценария мировых войн. Уже нет двух центров притяжения планетарного масштаба – а значит, шире пространство для маневра. Збигнев Бжезинский глубоко заблуждается, утверждая, что «шахматы – это игра для одного». Такой «одиноким шахматист» обречен, упорствуя в представлении о своей исключительности, всё глубже увязать в бесконечные локальные проблемы, которые он создает себе сам.

Возникновение многополярного мира не стоит понимать как национальную трагедию России, как ее унижение Соединенными Штатами. Наоборот – можно сказать, что у возрожденной от летаргического сна 1990-х гг. России появилась теперь намного большая укорененность в международной системе, а следовательно, намного больший потенциал устойчивости. «При происходящем неравномерном развитии мировых центров сама система многополярности надежно устойчивая. Характерная для нынешнего мира многополярность возводится на фундаменте определенной фазы глобализации <...> делающей невозможным их существование в условиях экономической и научно-технической изоляции».

Теперь ни одно государство не сможет существовать вне международного контекста – именно в этом главная политическая инновация многополярного мира.

Е.М. Примаков цитирует Уолтера Мондейла, вице-президента США в администрации Картера: «Катастрофические последствия радикальной неоконсервативной революции нанесли ущерб американскому подходу на основе партнерства во внешней политике». После разва-

ла Советского Союза у неоконсерваторов-ястребов были все основания возгордиться – они искренне уверовали в то, что именно их усилиями был повержен основной противник. Соединенные Штаты возомнили себя единственной сверхдержавой, что хорошо ложилось в концепцию американского «мессианства». Однако такие выводы оказались более чем поспешными.

После терактов 11 сентября 2001 г. неоконсерваторы «заложили теоретический фундамент под идею “глобальной гегемонии” Соединенных Штатов после окончания холодной войны». Доктрина унилатерализма, выработанная неоконсерваторами, имеет под собой проработанный идеологический фундамент. Неконы выступают за создание нового миропорядка, который будет основан на однополярности. Во всех регионах мира, представляющих интересы США, должна быть развернута масштабная борьба, имеющая своей целью изменение в расстановке сил. В случае необходимости следует применять превентивные меры. Основными врагами была провозглашена «ось зла» – Ирак, Иран и Северная Корея. Возникла идея «экспорта демократии», и основным объектом этого «экспорта» стал исламский мир.

«Именно с внутренней ситуацией в странах, население которых исповедует ислам, была связана идея демократизации Большого Ближнего Востока». Ответом на прямое вмешательство США во внутренние дела исламских стран, откровенное навязывание им проамериканского политического курса и военные вторжения стала новая волна террора.

Опасность развязывания Соединенными Штатами войны против Ирака без санкции со стороны Совета Безопасности ООН заключается в том, что это может

привести к разделению мира не только по принципу идеологическому, но и по принципу «цивилизационно-религиозному», станет пусковым крючком для ползучей войны нового типа, которая воплотится в системе локальных конфликтов, связанных единой сетью и создающих колоссальные трудности для США и других ведущих стран мира.

Организация Объединенных Наций уже не обладает достаточным авторитетом, способным противостоять растущим аппетитам США. Решения Совбеза ООН игнорируются, и «экспорт демократии» продолжается. «Взаимообусловленно развивались два процесса: переход США на платформу самостоятельных превентивных действий в случае возникновения определяемой ими же самими угрозы международной безопасности и дистанцирование Соединенных Штатов от ООН».

В последние десятилетия ООН как институт становится всё более декоративным, даже бутафорским. Такая тенденция свидетельствует о непомерных амбициях некоторых держав. Обуздать эти амбиции невозможно без кардинального реформирования Организации Объединенных Наций.

Неправильно выбирать между ориентацией на Восток и ориентацией на Запад. Политическая стратегия России должна быть многовекторной. В этом контексте, не забывая и про западный вектор, следует уделять особое внимание «конфигурации», отнюдь не являющейся союзом, тем более военным. Эта «конфигурация – треугольник “Россия–Китай–Индия”». Налаживание отношений между «углами» «треугольника» стабилизирует ситуацию на всей его территории.

Многополярность – это безграничное поле возможностей для самореализации страны, а унилатерализм – по-

литика односторонних действий (в основном со стороны США) – способен лишь навредить государству, идущему таким курсом. Такой реваншизм вреден и для самой страны, и для всех окружающих. «Результаты вторжения США в Ирак окончательно похоронили доктрину унилатерализма».

Соединенные Штаты стремятся расширить блок НАТО, продвинуть его к границам России. Новоприбывшие государства – члены Североатлантического альянса намного более безгласны и послушны Америке, чем старые – они благодарны Соединенным Штатам за членство в престижном международном клубе и готовы взамен разместить на своей территории американские военные базы. «Убыстрение процесса расширения НАТО, включение в эту организацию новых членов оборачивается расширением поля для базирования американских вооруженных сил».

«Проиграют все, если российско-американские отношения соскользнут к новому изданию холодной войны». Политическая борьба между странами всегда существовала, существует и продолжит существовать, в особенности, если речь идет о странах-гигантах – таких, как Россия и Америка. В здоровой конкуренции, в борьбе разведок, в противостоянии экономических систем нет ничего плохого – наоборот, такая конкуренция пойдет на благо обеим сторонам. Но война – пусть даже холодная – застопорит прогресс и развитие враждующих государств на десятилетия. Поэтому необходимо четко видеть грань между борьбой и войной.

«В 90-е годы в США распространились разговоры о том, что век России завершился. И вдруг Россия поднимается и заявляет о себе как о полноправном игроке на между-

народной арене. Видно, что она уже не спит. Она сосредотачивается».

Определенные «надстройки» над национальным суверенитетом также способствуют некоторой разрядке, но только в том случае, если они создаются не в ущерб самим государственным институтам.

О политическом мышлении

В современной России отсутствует организация, занимающаяся ситуационным анализом, в то время как разработка и развитие такой интеллектуальной технологии могли бы приносить реальные плоды – появлялась бы возможность предугадывать следующие ходы тех или иных игроков на международной арене. Поэтому актуальным запросом сегодняшнего дня является создание подобных экспертных объединений, которые могли бы на регулярной основе заниматься прогнозированием в режиме «мозговых штурмов».

Анализ, вовремя проведенный острыми умами специалистов из различных областей, может сэкономить стране огромные суммы денег и самое главное – человеческие жизни. Работа таких экспертных структур позволяет играть на опережение, знать, где появится противник, еще до того, как он сам узнает об этом.

В целом настало время к переоценке важнейшего достижения, которым располагает наша страна, – интеллекта. Технократизм, о котором в настоящее время говорят как о новой стилистике принятия решений, это прежде всего бережное отношение к интеллекту. Только такой технократизм способен приносить результаты – что в бизнесе, что в политике.

Подход, в соответствии с которым экономика воспринимается в качестве некой первичной среды, из которой произрастает политика, безнадежно устарел. Несмотря на свою взаимосвязь, политика и экономика – это различные и самоценные сферы государственного бытия, причем иногда одна из них приносится в жертву другой, как это было, например, в эпоху гонки вооружений между США и СССР. Тогда экономика приносилась в жертву политике. Порой происходило и наоборот – когда политика приносилась в жертву экономике.

Настоящий политик не может не быть грамотным экономистом. Он разбирает экономическую теорию, оценивает ее слабые и сильные стороны, усовершенствует ее путем привнесения в прежние представления новых идей, часто даже отрицающих старые взгляды.

О либерализме

Первое поколение постсоветских либералов на самом деле составляли псевдолибералы. Именно они способствовали появлению прослойки олигархов, уничтожению даже положительных и действенных механизмов, оставшихся от Советского Союза, спровоцирован дефолт 1998 г. Несмотря на то что это поколение давно ушло в прошлое, его представители до сих пор остаются примером для подражания нынешних неолибералов.

Государство сохраняет свою регулирующую роль в экономике, лавируя между различными центрами влияния – такими, как Министерство экономического развития и Министерство финансов.

«Красные линии», через которые либералам нельзя переступать в своей реформаторской деятельности, сво-

дятся к вопросам «ограничения государственной власти», уменьшения социальных расходов, расходов на безопасность, а также заключаются в противодействии «решению двух наиболее актуальных для сегодняшней России экономических задач: изменения структуры экономики и перевода ее на инновационные рельсы».

Необходимо разделять понятия «либерализм» и «неолиберализм». В самой по себе либеральной парадигме нет ничего предосудительного – она разделяет идеи борьбы с коррупцией и фальсификациями на выборах, отстаивает независимость судебной власти и верховенство права. В то же самое время основные требования неолибералов – изгнание государства из экономики, отказ от социального обеспечения населения, сокращение бюджета, в том числе и на оборонные нужды, примат личности над обществом. Такие ориентиры абсолютно губительны для российской экономики и для страны в целом.

Процесс демократизации не должен «перерасти в неуправляемую стихию». Он должен быть контролируемым и служить общей пользе государства. Вместе с тем суверенитет должен оставаться непререкаемой и абсолютной ценностью, а демократические институты призваны облегчить функционирование обеспечивающих этот суверенитет органов, а не препятствовать их деятельности.

«Без четкого определения грани между либеральными идеями и позициями неолибералов в России, особенно в экономике, без противодействия неолиберальной политике существует угроза соскальзывания к ней, что чревато серьезными негативными последствиями для нашей страны».

Идейными предшественниками и вдохновителями современных неолибералов были псевдолибералы – люди, которые руководили экономикой нашей страны в 1990-х гг. Этим деятелям были присущи непрофессионализм, двуличие и полное игнорирование государственных интересов. На протяжении всей ельцинской эпохи псевдолибералы оставались безраздельными хозяевами положения. «Отвергалось буквально всё – не только то, что несомненно подлежало отторжению, но и целый ряд механизмов для научно-технических и экономических достижений, позволивших мобилизовать ресурсы для решения крупнейших задач и в военной, и в гражданской областях». При активном содействии псевдолибералов крайне малочисленная группа олигархов с помощью ваучеризации захватила практически все ресурсы России и получила неизменно работавший рычаг давления на политическую власть.

Современные российские неолибералы не только не выступают с критикой псевдолибералов 1990-х гг., но, напротив, занимаются их превознесением. Любые идеи, высказанные на Западе, даже давно устаревшие, становятся для неолибералов объектом бездумного копирования и поклонения.

«В начале XXI века наступил новый этап – восторжествовала идея государственно-частного партнерства. Такая модель может рассматриваться как антипод неолиберальному подходу».

«Абсурдность позиции неолибералов проявляется в том, что они негативно относятся к роли государства в воспроизводственном процессе».

По основным вопросам неолибералам не удалось добиться победы. Во-первых, не была осуществлена

тотальная приватизация. Во-вторых, Россия сохранила статус социального государства.

«Развитие демократии при активном задействовании власти абсолютно не противоречит необходимости расширения гражданской активности, с тем чтобы общественные инициативы становились частью государственной политики, а общество контролировало бы их исполнение».

О государстве

Необходимо всячески сохранять и поддерживать мощь государства. Именно государство является источником любой инновационности, любого экономического развития. Отказ от тотального государственного контроля над всеми сферами жизни страны и необходимость передачи некоторых функций государства общественным институтам не означают необходимости противодействия государственным институтам как таковым.

Состязаться друг с другом должны правоцентристы («Единая Россия») и пока что еще никем адекватно не представленные левоцентристы. Этот «левоцентристский вакуум» должен быть обязательно заполнен в интересах государства. Понимание, кто такие «правые» и «левые», должно быть адекватным современным российским реалиям. «Левые» выступают за социальное государство, регулирующее экономику, и с подозрением относятся к крупному капиталу. «Правые» наоборот критикуют чрезмерное, по их мнению, вмешательство государства в дела бизнеса.

В контексте такой парадигмы создание мощной левоцентристской политической организации представляется важным шагом для сохранения баланса между рыноч-

ной экономикой и системой социального обеспечения. Такая гипотетическая организация смогла бы сбалансировать перекося в сторону олигархической системы. Если этого не произойдет, то может вновь повториться сценарий развала страны при активном участии псевдолибералов.

Недопустимо сращивание чиновничества и бизнеса. Подобная коррупционная спайка всегда будет приводить к сверхобогащению тонкой прослойки населения и обнищанию всего остального, отказу от инновационности, игнорированию и подавлению малого бизнеса.

Необходимо сохранять регулирующую роль государства в экономике страны. В сущности, это не просто насущная необходимость, а требование справедливости – ведь именно государство является главным и основным бенефициаром большинства инновационных проектов и проектов восстановления промышленной мощи страны.

Тандем не был безальтернативным явлением. У В.В. Путина имелось множество возможностей сохранить свою власть, не создавая такую политическую конфигурацию: так, он мог изменить Конституцию и с легкостью переизбраться на третий срок в 2008 г. Однако такое решение оказалось неприемлемым для президента, исходя из его характера – ему «претило продолжение президентства через созданное специально под него – а иначе никто бы этого не воспринял – изменение Конституции России».

Поскольку в 2008 г. приближался мировой финансовый кризис, «дыхание которого уже ощущалось в России», В.В. Путин «переместился» на должность премьер-министра, чтобы иметь возможность в ручном режиме управлять экономикой. Однако он «недооценивал то, какие возможности возникают у лиц, нелояльных или не вполне лояльных ему при другом президенте».

Выбор именно Д.А. Медведева в качестве второго участника тандема был обусловлен двумя факторами. Во-первых, к 2008 г. стало уже общим местом обвинять российскую элиту в том, что все ее представители так или иначе связаны или были связаны в прошлом со спецслужбами. Чтобы несколько разрядить эту атмосферу, было логично выдвинуть на пост лидера страны человека, никак не связанного с органами государственной безопасности. Во-вторых, В.В. Путину лично и той властной системе, которую он представляет, нужно было «найти общий язык с либеральной интеллигенцией». Между тем ему, несомненно, «объективно следовало отделить людей, провозглашавших либеральные ценности, от позиции неолибералов, особенно в экономической сфере».

Однако Д.А. Медведева и его курс всё же стали противопоставлять В.В. Путину и его курсу. Со стороны либералов кредит доверия к новоизбранному президенту был крайне высок. Поэтому ли или исходя из своих собственных, закрепившихся еще до избрания президентом убеждений Д.А. Медведев начал реформировать сложившуюся систему. Важнейшим минусом этого реформирования стало «принятие спонтанных решений без соответствующего обсуждения с общественностью, в первую очередь с экспертами, погруженными в проблематику». Такая самодеятельность породила множество казусов, ставших источником шуток на многие годы.

Д.А. Медведев всячески стремился показать свою «инновационность», продемонстрировать либеральной общественности собственную «прогрессивность». Однако отказ от традиций чреват полным распадом, поскольку «дьявол кроется в деталях».

«Без учета реального положения в России нельзя внедрять демократизацию, которая отнюдь не является аб-

страктным процессом». Безответственность и сумятица во всей вертикали власти стали отличительным «стилем» медведевского периода, а «отсутствие административной дисциплины» явилось «характерной чертой исполнительных органов».

Колоссальные ошибки были допущены Д.А. Медведевым во внешнеполитической сфере, особенно по ливийскому вопросу, когда Россия в Совете Безопасности ООН не наложила вето на резолюцию, давшую западной коалиции возможность уничтожить режим Каддафи. В итоге некогда процветавшая страна погрузилась в хаос и состояние перманентной гражданской войны.

О модернизации

Модернизация является комплексным понятием. Оно включает в себя реиндустриализацию, то есть, наращивание производственных мощностей «на сугубо современной основе», а также политическую модернизацию, которая хронологически должна предшествовать модернизации экономической.

Вопреки неолиберальной максиме, что экономические реформы невозможны без коренного революционного изменения властных структур, следует подчеркивать первоочередную роль модернизации экономической, которая, «начинаясь с экономики», затем «распространяется на социальную сферу», а также на сферу политическую.

Демократия ни в коем случае не должна противоречить государственным интересам, но демократизация – необходимая составная часть общей модернизации.

Модернизация «ни в коем случае не должна приводить к ослаблению государства. Для осуществления

модернизационного рывка с целью обретения исторической перспективы России нужна сильная государственная власть плюс демократизация, которая направляет эту власть исключительно на служение интересам народа».

Для правильного и полного осуществления поставленной задачи требуется создание системы подготовки и ротации профессиональных кадров, в которых ощущается нехватка.

«Обеспечить решение уникальных по масштабу и сложности задач модернизации российской экономики невозможно, закрыв глаза на существующую проблему кадровых ресурсов». Для решения этой проблемы необходимо выполнение трех задач. Во-первых – формирования «кадровых потоков» специалистов из различных областей и различного уровня. Во-вторых – создания системы подготовки «управленческих кадров». В-третьих – выработки методов поиска и соответствующего воспитания талантливой молодежи.

«Пространственное развитие» – оригинальный термин Е.М. Примакова, под которым он понимал демографическое, политическое и социально-экономическое укоренение развития России на собственной территории, – также является неотъемлемой частью модернизации. Выравнивание демографической диспропорции, стимулирование удаленных от центра регионов, поддержание политической централизации при поощрении экономической децентрализации – все эти проблемы надо решить для правильного построения стратегии экономического, политического и социального развития России.

Для гармоничного и устойчивого развития России должны быть «сняты» консервативно-либеральные противоречия.

«Печально, но мы вынуждены констатировать, что до сих пор в российском законодательстве отсутствует само определение понятия “инновационная деятельность”». Законодательное закрепление столь важного понятия обезопасит саму эту деятельность от противодействия и саботажа, даст возможность ссылаться на правовые акты, что упростит инновационную работу, особенно в регионах, где контроль со стороны центра ослаблен.

Глобальному тренду постиндустриализации необходимо противопоставить реиндустриализацию. Под первым термином подразумевается система глобального разделения труда между странами. Предполагаемые оппоненты призывают к «скачку» России в постиндустриальный мир, но современная российская экономика не готова к такому скачку. Противоположный подход выражен в формуле, произнесенной В.В. Путиным, о «неизбежности реиндустриализации». Восстановление государственной мощи России невозможно без новой индустриализации – реиндустриализации. Но в настоящее время этот процесс будет заключаться в создании эффективного механизма повсеместного внедрения инновационных технологий.

Экономический прогресс может быть достигнут только в рамках процесса реиндустриализации, и при «переводе экономики на инновационные рельсы».

В условиях глобализации у элиты любой страны, не принадлежащей к числу стран-творцов этой самой глобализации, существует соблазн начать слепо копировать системы западных стран. Поэтому «модернизация, которая ставит своей целью выведение России на уровень производительных сил и высших достижений общественного развития <...> не означает необходимость “рас-

твориться” нашей стране в западном мире». Но существует и другая опасность – на фоне противостояния с Западом чрезмерно увлечься политическим ориентализмом, особенно в отношении Китая. Поэтому «многовекторная политика намного плодотворнее для модернизации России».

«Невозможно проводить модернизацию, отгородившись от остального мира и углубившись в чисто российские реалии. Отстаивание самобытности, особой роли России противоречит смыслу модернизации». Вместе с тем «на процесс модернизации в нашей стране должна, несомненно, воздействовать российская политическая культура». Выстраивание заново почти разрушенной в 1990-е гг. вертикали власти является неперенным условием любых позитивных политических преобразований.

Необходима последовательная реализация принципа «страна, а не идеология». «Идеология необходимой России модернизации не должна быть “пристегнутой” к одному политическому течению – либерализму или консерватизму».

О постсоветском пространстве

«В ряде случаев нам не хватает признания на деле необходимости равноправных отношений с партнерами по СНГ, даже когда мы считаем, что они далеко не во всём правы».

Существенный недостаток Содружества заключается в том, что «в рамках СНГ не удалось разрешить ни одного межэтнического конфликта, оставленного в наследство с советских времен, – ни нагорно-карабахского, ни грузи-

но-абхазского, ни приднестровского, ни киргизо-узбекского, – хотя Россией предпринимались недюжинные усилия для их урегулирования». Россия тем или иным образом принимала участие практически во всех этих конфликтах или, по крайней мере, поддерживала одну из сторон. Однако потенциал этих конфликтов копился столетиями, и разрешить их росчерком пера или даже вводом миротворческих сил невозможно.

«Последовательные интеграционные этапы в рамках всего Содружества в близлежащий период неосуществимы». Не стоит ссылаться на опыт Европейского союза в данном вопросе – Европа, так или иначе, состоит из государств, культурно, духовно и цивилизационно близких друг к другу. К СНГ это, естественно, не относится. Даже в религиозном аспекте – наиболее глубинном – Содружество крайне разнообразно. Здесь есть и православные народы, и мусульмане-сунниты, и мусульмане-шииты, и дохалкидониты-армяне.

«Неосуществимость последовательных интеграционных этапов не означает отказа от сотрудничества между Россией и странами ближнего зарубежья». Страны, входящие в Содружество, объединены общим прошлым и историей – периодами Российской империи и Советского Союза. Поэтому определенные взаимоотношения между Россией и другими странами СНГ неизбежны. Интеграционная площадка СНГ крайне важна.

«Для сохранения этой площадки оптимальным представляется упор в экономической интеграции на три государства – Россию, Белоруссию и Казахстан, на территории которых сосредоточено почти 83 процента экономического потенциала бывшего СССР». Первостепенным в этом объединении является экономическая

составляющая. Три вышеупомянутые страны должны сформировать Зону свободной торговли.

Но даже внутри этой «тройки» существуют особенно близкие отношения – российско-белорусские. И «успех интеграционных процессов в “треугольнике”, что приобрело особое значение, может стать реальностью, если выровняются отношения по линии Россия–Белоруссия».

В контексте экспансии «мягкой силы» Китая на пространстве СНГ необходимо сближение с этой страной. В этой установке заключается практическое понимание многовекторности. Разнонаправленность политических интенций – это залог успешного балансирования на острие неизбежного противостояния.

На примере украинского кризиса можно изучить различные процессы и тенденции, которые определяют развитие международных процессов. Украинский вопрос не может быть понят, исходя исключительно из фактологии Майдана. В сущности, все украинские события – это одно из проявлений противостояния Соединенных Штатов тем, кто с ними не согласен, – в данном случае России.

Наша страна, столкнувшись с агрессивной политикой исключительности со стороны Америки, имела перед собой три возможных варианта дальнейшего поведения. Во-первых, Россия могла, как в ранние 1990-е гг., поддаться давлению со стороны Соединенных Штатов, покорно принять навязываемую повестку. Но повторения такого национального унижения «никто из современных реалистично мыслящих политиков, экспертов не может даже предположить». Во-вторых, Россия могла начать агрессивно и симметрично отвечать на политику Соединенных Штатов, что привело бы к «возрождению холодной войны со всеми ее рисками и негативными

проявлениями». Россия выбрала третий вариант – не попустительствуя волюнтаристским выходкам США, дестабилизирующим мировую обстановку, «решительно противоборствовать политическими и дипломатическими средствами».

Украинский кризис был очень удобен для Америки, причем его мирное разрешение не входило в планы США. Наоборот, обстановка искусственно накалялась, педалировалось введение пакета антироссийских санкций, Соединенные Штаты вовлекали в санкционную борьбу против России различные страны и пытались спровоцировать Россию на ввод Вооруженных сил на Донбасс, что на многие годы привело бы испуганные европейские страны к полной лояльности Соединенным Штатам.

О территориальных спорах

Калининградская область является своеобразным «яблоком раздора» между Европейским союзом и Россией. Эта проблема может далее развиваться по двум вероятным сценариям: либо Калининград станет для России – в терминах советской эпохи – ее «витриной социализма», либо Евросоюз сожмет вокруг российского эксклава «кольцо блокады». Поэтому надо добиваться реализации первого сценария. Калининградскую область можно назвать одним из важнейших опорных пунктов России не только с военной, но и с торгово-экономической точки зрения. Эта территория стала важнейшим геополитическим приобретением страны – ее форпостом в самом сердце Европы. Поэтому вокруг этого города и одноименной области неизбежно будет происходить между-

народная политическая борьба. И для всех сторон было бы выгодно завершить бесконечную политическую пикировку для достижения общего экономического роста и развития.

О крахе Советского Союза

Сам по себе августовский путч стал лишь детонатором, а «заложило мину под Советский Союз предшествовавшее развитие». У СССР в том виде, в котором он существовал на момент событий ГКЧП, не было никаких перспектив. Однако это не означает, что не могло сохраниться единое государство. М.С. Горбачев, постоянно называемый одним из главных виновников трагедии распада страны, «хотел через подписание союзного договора добиться этой цели».

Ошибка советского руководства заключалась в излишне быстрой сдаче позиций. «Если бы после референдума <...> не взяли бы курс на создание Союза Суверенных Государств, а приступили бы к поэтапному созданию “мягкой” федерации, вначале ограничившись лишь предложением подписать договор об общем экономическом пространстве, сепаратисты могли бы проиграть».

Причины развала Советского Союза были именно экономическими. Страна быстро и уверенно развивалась, у нее появилось ядерное оружие, что позволило добиться военного паритета с Соединенными Штатами, начал осваиваться космос, повсеместно распространилась грамотность. «Но одновременно в упадок приходили целые отрасли, предназначенные для удовлетворения повседневных потребностей человека». Несмотря на то

что с началом перестройки руководство страны стало принимать законы, направленные на определенный рыночный сдвиг советской экономики, все эти реформы протекали слишком медленно и нерешительно.

«Усилия по реформированию экономики зашли в тупик: если и были поколеблены директивные регуляторы промышленности, то это не сопровождалось радикальными изменениями, которые могли бы привести к государственно-частному партнерству в крупной и средней промышленности и особенно – к рыночной конкуренции».

Первоочередная проблема заключалась в существовавшей «административно-командной экономической модели». Единственным критерием ее эффективности считалось получение прибыли, в то время как внимание стимулированию предприятий не уделялось вовсе.

«Ликвидация Советского Союза была вызвана главным образом внутренними причинами. <...> Противоречия развились в экономической области – советская командно-административная система оказалась абсолютно неадекватной происходящей в мире научно-технической революции». Эта неадекватность свела на нет потенциальный положительный эффект всех реформ – они начались слишком поздно и не могли уже ничего изменить по существу.

На эту картину в исторической ретроспективе накладывались и «субъективные моменты, связанные с внутренней политической борьбой за усиление личной власти».

Свою отрицательную роль сыграла и чрезмерная унитарность. «Несомненно, что одной из наиболее значимых причин распада Союза был кризис отношений по линии центр–республики». Советский Союз по сути сво-

ей был унитарным государством, а федерализм являлся лишь видимостью, данью ленинским заветам о «самоопределении наций». В конечном итоге страна распалась не в последнюю очередь как раз из-за этой проблемы.

«Думать, что трагедия 90-х годов была просто-напросто осуществлена по американскому сценарию, было бы неточно. Главную роль сыграли наши доморощенные экономисты средней руки, никогда ранее на практике не занимавшиеся проблемами народного хозяйства».

О федерализме

С распадом СССР появилась угроза территориальной целостности новорожденной Российской Федерации, так как «в конституциях 19 из 21 республики содержались положения, противоречащие Конституции Российской Федерации. Татарстан, Башкортостан, Якутия, Ингушетия в своих основных законах установили конфедеративный характер связей с центром». Такое положение дел грозило новым «парадом суверенитетов». Поползновения к сепаратизму появились и в традиционно русских регионах – например, из исторического небытия всплыли Дальневосточная и Уральская «республики». Из этого кризиса России удалось выйти, но во избежание повторения подобных ситуаций в дальнейшем нужно прилагать усилия в соответствующем направлении.

Безусловным приоритетом федерального строительства является экономическая сфера. «Без возрастающей экономической роли регионов не обойтись в необходимой реиндустриализации, развитии на инновационной основе промышленности и сельского хозяйства». Центр

должен оставаться непререкаемым авторитетом, выполнять роль арбитра и политического стержня – о раздроблении суверенитета страны, естественно, не может быть и речи. Но в экономическом аспекте регионы должны стать намного более независимыми.

Производственные мощности следует более или менее равномерно распределить по всей территории России, чтобы обеспечить занятость в отстающих субъектах Федерации. «Отток населения происходит в основном из регионов, отстающих в своем экономическом и социальном развитии. Без продуманной государственной программы этот процесс будет развиваться и в будущем».

Необходимо обеспечить реальную бюджетную независимость регионов, развязать им руки. Проблема состоит не только в том, что зачастую региональные бюджеты испытывают дефицит средств, но «у регионов крайне узкое поле для маневрирования финансовыми ресурсами». Невозможно и вредно на постоянной основе просить кредиты у центра.

Особое место в новой экономической структуре должны занимать стратегические регионы. Безусловно, любой регион, любой субъект Федерации, любая территория имеет огромное значение для страны. Однако есть несколько регионов, которые в силу своего географического положения и стратегического значения особенно важны в контексте внедрения новой модели экономической децентрализации. «Ставится важнейшая задача опережающего развития стратегически важных регионов, особенно Дальнего Востока и Восточной Сибири». Для них особенно важно налаживание торгово-экономических контактов с находящимися по соседству странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

«Главный тормоз роста производства на Дальнем Востоке – недостаток рабочей силы». Даже те, кто приезжает в регион на заработки, в большинстве своем возвращаются потом в свои собственные регионы. Развитие Сибири и Дальнего Востока является одной из наиболее приоритетных задач экономической децентрализации России.

Другие важные для осуществления этой задачи регионы – Северо-Кавказский федеральный округ и Крымский федеральный округ. В правительстве России появляются специализированные «федеральные» министерства, чья работа направлена на целевое развитие этих регионов. «Территориальные министерства должны находиться в центре осуществления того или иного государственного проекта, и на них в своей части должны работать другие министерства правительства».

Политическая централизация, то есть контроль над процессами, происходящими в субъектах, со стороны центра, слишком слаба. И именно из-за этого в плачевном состоянии находится экономическая стабильность регионов. И наоборот – из-за отсутствия определенного бюджетного суверенитета регионов России, особенно больших и удаленных от Москвы, там пропадает доверие к политическому центру.

«Отход от “бухгалтерской позиции” в отношении субъектов Федерации отнюдь не означает отрицания необходимости жесткого контроля за расходами региональных и местных бюджетов, пресечения коррупционной практики, развивающейся на местах. Но это следовало бы делать, опираясь на здоровые элементы в субъектах Федерации, а не путем лишения их суверенных прав».

Уроки Примакова (вместо заключения)

Помогает ли представленный – еще один вдобавок к уже имеющимся – опыт постижения биографии Примакова во всей полноте понять, осознать его уникальную роль в нашем недавнем прошлом? Насколько влияют на сложившиеся представления о нём те новые факты и сведения, которые приводятся выше? Думается, что не стоит абсолютизировать какие-либо неожиданные или прежде неизвестные подробности об этом человеке. Они лишь подтверждают сложившийся и как бы по умолчанию разделяемый всеми оценочный консенсус роли Евгения Максимовича в нашей новейшей истории. Налицо небывалый, буквально парадоксальный случай: абсолютно правильный и абсолютно безупречный политик в «лихие» 1990-е годы и не менее – если не более – авторитетный, взвешенный, умудренный в до сих пор до конца непонятные нулевые и тем более в оставляющие много вопросов 2010-е. И кстати, именно в наше время – жесткое, бескомпромиссное, не оставляющее возможности переждать, отсидеться, но требующее от каждого максимального самоопределения – роль Примакова как политического гуру, авторитета, кому можно без сомнения довериться и принять его наставления как руководство к действию, еще больше усиливается. То есть Евгений Максимович оказывается незаменимым чуть ли уже не четверть века. Возможно ли такое?

По-видимому, секрет тут кроется как раз в том, о чем почему-то до сих пор не говорят ни биографы самого Е.М. Примакова, ни вообще историки ранней постсоветской эпохи, ни все те, кто лично знал его или работал с ним. Не говорят не по какому-то преднамеренному умыслу, а потому что не считают данное обстоятельство чем-то значимым – на фоне быстрого и успешного преодоления последствий дефолта или знаменитой петли над Атлантикой. Рядом с такими «подвигами Геракла» как-то даже неудобно признаться в банальной истине: просто-напросто Примаков был особенный, другой, не как все и вел себя наперекор тем негласным правилам, которые тогда только сложились, а спустя несколько лет стали чем-то само собой разумеющимся. Вот почему в нашей памяти он такой однозначно положительный и светлый, несмотря на то что жил и действовал в то окаянное время.

В чем же эта особенность Примакова, его непохожесть на подельников-современников? Иными словами, чему можем поучиться у него мы, живущие в не менее сложные времена? Может быть, попытка спроецировать эти уроки на теперешнюю действительность откроет нам глаза на многое из того, что мы перестали замечать?

Первый урок, преподнесенный нам Примаковым, – это убедительное доказательство несостоятельности одного утверждения, которое принимается по умолчанию и даже не обсуждается. Это утверждение о невозможности делать большую политику в белых перчатках. Примаков же продемонстрировал прямо противоположное – что это не только допустимо, но именно так и должно быть, что лиц, занимающих самые высокие посты, никто не освобождал от необходимости следовать моральным

нормам, обязательным для всех остальных. Сегодня подобная установка кажется не просто каким-то анахронизмом, но чем-то вообще неестественным, сказочным, невероятным. Невозможно поверить в то, что лицо, доросшее до премьерского поста, в принципе смогло сделать такую карьеру – и не замараться. Скажем больше – попытки представить Примакова нравственно безупречным в нашей действительности могут возыметь даже прямо противоположный эффект: мол, нет сомнения, молодец, правильно всё делал, олигархов поприжал, спас народ от дефолта, а честь страны – от поругания, развернувшись над Атлантикой, но зачем небылицы-то рассказывать? Поэтому, чтобы не повергать в смущение наши представления о том, что может быть и чего быть в принципе не может ни при каких обстоятельствах, переформулируем этот первый урок иначе – как верность раз и навсегда выработанному имиджу, как стойкую последовательность в преподнесении себя окружающим, как неукоснительное следование принципам – и на публике, и в закрытом режиме.

Следующий урок – уже не из эфемерной и по большей части непонятной ныне области представлений о чести и достоинстве, а из самой что ни на есть настоящей политики. Хотя опосредованно этот урок снова упорно выталкивает нас всё туда же – к каким-то принципам, которые непонятно зачем нужно соблюдать. Если мы посмотрим на стремительное возвышение Примакова, начавшееся при Горбачеве и завершившееся премьерским креслом, то заметим одну совершенно нетипичную по нынешним временам вещь. От должности к должности он переходил, как рыцарь, один – без эскорта из «имэмовских», «ясеневских», «мидовских» или каких-либо еще. С ним

повсюду следовали только два самых близких его помощника – своеобразные оруженосцы, если продолжить аналогию с рыцарскими временами. Преднамеренный отказ от «своих» может себе позволить лишь тот, кто абсолютно уверен в собственной правоте и собственных силах и готов взять на себя всю ответственность. Сейчас наоборот действуют командами. И при этом подобный инстинкт объясняется очень просто: дескать, по-другому нельзя – если ты вне стаи, то другая стая тебя просто загрызет. Но Примакова почему-то никто не загрыз. Другие времена были? Наверяд ли – политика всегда делалась и делается по одним и тем же лекалам. Просто слабые и неуверенные нуждаются в стае – для защиты и для переложения на нее ответственности, если вдруг в том возникнет необходимость. Сильные же и независимые в таком окружении не нуждаются. Да и разбрасываться своей ответственностью они как-то не привыкли.

Еще один урок Примакова, на первый взгляд, ломает его образ политика-одиночки, не нуждающегося в свите: всюду, где только он ни оказывался, он тут же начинал намеренно собирать вокруг себя единомышленников либо делать единомышленниками тех, кто ранее таковыми не являлись. Однако несоответствие данной установки ярко выраженному административному индивидуализму – иллюзорное. Приходить на новое место со своей командой – совсем не то же самое, что обрастать ею на этом самом новом месте с чистого листа. Последнее совсем по-другому мотивируется. Команда единомышленников, причем команда по возможности максимально широкая, нужна не для обеспечения собственной безопасности, а чтобы гарантировать невозможность – или, во всяком случае, крайнюю затруднительность – разру-

шить, обернуть вспять сделанное, достигнутое, сотворенное этой командой. Собственно, именно в этом и был смысл создания широкой коалиции с левыми силами в антикризисном кабинете Примакова. Именно коалиция обеспечила продавливание пакета мер, предполагавших основательное возвращение государства в экономику и незамедлительно породивших многочисленных и притом влиятельных оппонентов такого курса. Однако помимо силового эффекта коалиция – это еще и способ достижения и поддержания общественного консенсуса по жизненно важным вопросам развития страны. А значит – и способ получения кредита доверия от народа. Примакову был выдан такой кредит.

Сформулируем другой урок: политик высокого уровня обязан быть дальновидным и аккуратным. Семь раз отмерь – один отрежь. А при обострении отношений с партнером предпочтительней уклоняться от инвектив в свой адрес, нежели выступать зачинщиком, задирой, забиякой. Если вспомнить всё ту же петлю над Атлантикой, то что тогда, по сути, сделал Е.М. Примаков? Да ничего особенного – просто не полетел в Америку. А что сделала Америка? На весь мир забряцала оружием и развязала войну против Сербии. И кто при таком раскладе оказался победителем, а кто сел в лужу, хотя бы даже и после видимой удачи, при доведении до конца своего сценария, – понятно. Недеяние в таком случае может оказаться посерьезнее, чем любое действие.

И, наконец, обозначим, пожалуй, самый важный урок, относящийся к тому, что можно условно назвать правильным международным поведением. Сейчас часто употребляют понятие – доктрина Примакова. Суть этой доктрины заключается в выжимании из абсолютно лю-

бой ситуации максимума полезного для своей страны. Именно так поступал Е.М. Примаков, решая вопросы большой международной политики в качестве главы СВР, министра иностранных дел и председателя правительства. Но не надо забывать и важного составного элемента этой доктрины: да, выжимать максимум возможностей, но делать это с неукоснительным учетом интересов партнеров, принимая во внимание полный расклад сил в том или ином регионе и изо всех сил удерживая при этом паритет интересов ведущих мировых игроков. Примаков знал, что уступками и компромиссами можно добиться очень многого. Он понимал, что интересы страны лишь тогда будут по-настоящему обеспечены, когда ты отстаиваешь их филигранной игрой, отточенными действиями, выверенными шагами, постоянными реверансами в сторону партнеров, а не уподобляешься слону в посудной лавке. К тем, кто действовал прямолинейно, уперто и не желал учитывать ничьих интересов, Евгений Максимович относился с иронией и даже с сочувствием, искренне сожалея о том, как много проигрывают такие политики и сколько они недобирают, упускают, как многим рискуют. Все дипломатические победы были добыты в том числе и его виртуозным джентльменским отношением к тем, перед кем ему приходилось отстаивать интересы России. Насколько полезной стала бы переоценка опыта такой примаковской дипломатии в настоящее время при всей его кажущейся непохожести на те годы, когда Евгений Максимович приучал мир к новой внешней политике России. Безусловно, в истории ничего не повторяется, и каждый новый ее этап если и похож на прежний, то сходство это часто оказывается обманчивым. Но вместе с тем изящества, джентльменст-

ва, виртуозной внешнеполитической игры в арсенале нашей страны поубавилось. И причиной тому, видимо, возведенный в культ прагматизм. Но большая политика – это искусство, а значит, явление во многом иррациональное, постигаемое ощущениями, а не холодным рассудком. Хотя и рассудок тут, несомненно, тоже необходим. Как бы там ни было, но и сегодня, при стремительно закрепляющейся многополярности, взаимоотношения между ключевыми субъектами мировой политики по-прежнему сродни рыцарскому турниру. В этом смысле в истории мало что изменилось с давних времен. Примаков имел вкус к подобным турнирам – а потому ему на них, как правило, сопутствовала удача.

Политические гении заставляют прислушиваться к преподносимым ими урокам...

Издания АИРО в 2015–2019 гг.

2015

Русский мир и русское образование в условиях глобализации культуры. Перечитывая философско-педагогическую антропологию Е.П. Белозерцева. К 75-летию профессора Е.П. Белозерцева. Монография / Под ред. И.Е. Булатникова, А.В. Репринцева. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 368 с. + 40 с. ил.

Фрезинский Борис. Троицкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.

Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.

А.А. Баев. Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. : ил.

Юлия Нельская-Сидур. «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2015. – 1080 с.

Г.А. Куренков. От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 252 с.

Всесоюзная торговая палата. 1939–1945 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С.Н. Катрырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015. – 504 с. ; илл.

Великой Победе – 70 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.

А.В. Долгопятов. Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 232 с.

Любите край Кумылженский, что нам судьбою дан. Книга вторая. Серия «АИРО – Российская провинция». – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.

- В.А. Сомов.* Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 176 с. ; илл. – (АИРО – Монография).
- В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец.* Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.: ил.
- О.Ю. Голечкова.* Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 192 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.
- Б.В. Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 336 с.
- И.Н. Гребенкин.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- Н.А. Четырина.* «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 304 с.
- Е.В. Суровцева.* Баден под Веной и его окрестности. Историко-культурологический путеводитель с приложением воспоминаний барона Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 248 с.
- Олег Каппес.* «Воинственная» наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с.
- Марк Юнге.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2: Документы и статистика; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 656 с.
- О.Г. Герасимова.* «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 608 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2015. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с.

Япония: консервативный поворот. / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2015. – 288 с.

Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под редакцией проф. Д.В. Стрельцова. – М., АИРО-XXI, 2015 – 448 с.

От «Кровавого воскресенья» к третьейюношской монархии. Материалы научно-практической конференции. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 220 с.

«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 856 с. + 20 с. илл.

2016

Федор Крюков. На Дону. В родных местах. М.: АИРО-XXI, 2016. – 384 с.

Научно-педагогические школы России в контексте Русского мира и образования. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-91022-342-8.

Неизвестный Примаков. Документы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 560 с.

Неизвестный Примаков. Воспоминания. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 488 с.; цв. илл.

The unknown Primakov. Memoirs. – Moscow: Publishing house TPP RF; Publishing house Rossiyskaya gazeta; АИРО-XXI, 2016. – 464 p.; with ill., in color.

Н.И. Дедков, Г.А. Бордюгов, Е.И. Щербакова и др. История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том первый. М.: АИРО-XXI, 2016, – 928 с.

Ю.Е. Бычков. Ощущение своего времени. Страницы одной не рядовой биографии. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 304 с. Илл.

Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 1: Анатомия ближневосточного конфликта. Восток после краха колониальной системы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 656 с.

Е.М. Примаков. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 2: История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов. Война, которой могло не быть. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.

- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 3: Годы в большой политике. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 4: Восемь месяцев плюс... Мир после 11 сентября. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 544 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 5: Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле политики. Мир без России? – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 800 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 7: Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 416 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 8: Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 320 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 9: Избранные доклады, выступления, интервью и эссе. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 10: Библиография Е.М. Примакова. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 336 с.; цв. илл.
- А.В. Венков.* «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 196 с.
- А.Д. Цыганок.* Война в Сирии и ее последствия для Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии: русский взгляд. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 400 с.
- Нечаев И.А.* «Я знаю, что время не ждет у порога...». Стихи. Письма. Воспоминания / Серия «АИРО – первая публикация» под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2016, – 184 с.
- Время декана. К 80-летию Тамары Ивановны Карповой. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 320 с.
- О.А. Чагадаева.* «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / Послесловие – Александр Шевырев. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- С.С. Войтиков.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 432 с.

В.Л. Кириллов. Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).

Пётр Черёмушкин. Ярузельский: испытание Россией. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 288 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).

А.Д. Цыганок. Донбасс: неоконченная война. Гражданская война на Украине (2014–2016): русский взгляд – М.: АИРО –XXI, 2016. – 680 с.

Идеология и политика в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2016. – 192 с.

Япония 2016. Ежегодник. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 404 с.

2017

В.Я. Гросул. Общественное движение в России первой половины XIX века. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 832 с.

Япония 2017. Ежегодник. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 432 с.

В.В. Выжтович. Другой разговор: диалоги с умными людьми / Предисловие А. Архангельского. М.: АИРО-XXI, 2018. – 476 с.

Революция-100: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 1088 с. ; илл.

Б.В. Соколов. Цена войны. Людские потери России/СССР в XX–XXI вв. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 576 с.

А.М. Рыбаков. Искусство принятия экономических решений. Доклады, статьи и интервью / Сост. и ред. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 424 с.

Образовательная деятельность и историко-культурное наследие Отчего края. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.

Е.Н. Шталь. Литературные Хибиньы: энциклопедический справочник. 1835–2015. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 1056 с.

Е.А. Котеленец. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 256 с. – (АИРО – Монография).

Международный форум «Примаковские чтения». Сборник материалов. 2016. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 176 с. + 12 с. илл.

- Грузия в пути. Тени сталинизма; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 512 с.
- Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 584 с.
- Октябрьской революции – 100 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 304 с.
- Михаил Соловьев.* Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). Публикация и комментарии В.В. Агеносова. – М.: АИРО-XX, 2017. – 336 с.
- В.Г. Тимофеев.* Снежно-метеорологическая служба Хибин. История. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.
- В.А. Потто.* Русские на Кавказе. XIX век. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 464 с.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания русского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 448 с.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 448 с.
- Чой Чжун-Хюн.* Проповедь как жанр литературы Древней Руси. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 320 с.
- Марк Юнге.* Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.
- В.Н. Рябцев.* Геополитическая мысль в России в преддверии, во время и после окончания «Второй Великой Смуты». – М.: АИРО-XXI, 2017. – 608 с, прил.; литер.

2018

- Смирнов С.Н.* Советская эпоха в переписке историков. Конец 1940-х – конец 1980-х годов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 368 с.
- Кравчук Н.В.* Русь расколота (XIII – XV вв.). – М.: АИРО-XXI, 2018. – 304 с.
- Бириштейн В.Я.* СМЕРШ, секретное оружие Сталина / Послеслов. Б.В. Соколова; авториз. пер. с англ. С. С. Гитмана (Серия «АИРО-XX – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2018. – 832 с.
- Рябцев В.Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки) / предисл. А. А. Варгумяна. – М.: АИРО-XXI, 2018 г. – 720 с.

- Вада Харуки.* Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 592 с. с иллюстрациями.
- Выдрин Дмитрий.* «Золотая игла», или Восьмой дан Владимира Путина / Под редакцией Дмитрия Андреева. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с. с иллюстрациями.
- Карл Аймермахер.* Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 308 с. с иллюстрациями.
- Е.В. Волженина.* Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм – массам / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 208 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- М.А. Некрасов, Г.И. Маношкина, Сапожниковы.* Московские фабриканты (АИРО – Монография). – М.: АИРО-XXI, 2018. – 424 с.
- Международный научно-экспертный форум «Примаковские чтения». Мир в 2035 году. 29–30 июня 2017 г. Сборник материалов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 128 с.
- 100 лет Красной Армии. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 192 с.
- М.А. Некрасов, Савва Мамонтов.* Молодые годы. / Серия «АИРО – Монография». – М.: АИРО-XXI, 2018. – 272 с.
- Ганс Моммзен.* Нацистский режим и уничтожение евреев в Европе / Предисловие Карла Аймермахера – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с. (АИРО – Первая публикация в России).
- С.Д. Яхонтов.* Воспоминания 1853–1917. Том 1. – М., 2018. – 984 с.
- С.Д. Яхонтов.* Воспоминания 1917–1942. Том 2. – М., 2018. – 836 с.
- Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 320 с. + илл.
- Малькевич В.Л., Митрофанов И.Л.* Россия – 2018: от стагнации к прорыву / Предисловие академика РАН А.Д. Некипелова. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 608 с.
- Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод гражданской войны – М.: АИРО-XXI, 2018. – 520 с.
- История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 560 с.
- История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 544 с.

История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 560 с.

Егорова Екатерина. «Метрополь» – столица Москвы. 2-е, расширенное и дополненное издание. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 448 с.

Дедков Н.И., Бордюгов Г.А., Щербакова Е.И. и др. История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том второй. М.: АИРО-XXI, 2018. – 1056 с.

Russian Japanology Review. Vol. 1 / Ed. by D. Streltsov, S. Grishachev. Moscow: AIRO-XXI, 2018.

Кириянов И.А., Золотухин Н.В. Поветлужье в 1918 году. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с.

Ежегодник Японии. 2018. Т. 47. – М.: «АИРО-XXI», 2018. – 432 с. + илл.

Коэн Стивен. Избранное. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 800 с. + илл.

2019

Кривошеев В.Д. Жизнь и приключения в эпоху перемен. До и после Перестройки. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 584 с.

Шталь Е.Н. Венедикт Ерофеев: писатель и его окружение. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 240 с.; илл.

Некрасов Михаил, Дубинина Людмила. Мария Фёдоровна Якунчикова. Жизнь и деятельность. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 496 с.

Булгаков А.О. Балашов в кольце фронтов. 1917 – 1921 / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2019. – 272 с.

Куренков Г.А. Защита военной и государственной тайны. Главлит во время Великой Отечественной войны / (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2019. – 240 с.

Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга вторая. Обеды и ужины в узком кругу («симпозионы») / В.А. Невежин. - М.: АИРО-XXI, 2019. - 528 с.

Бордюгов Г.А. Пространства российской истории XX–XXI веков / Составление и предисловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 352 с.

Выжutowич Валерий. Между тем / Предисловие Дмитрия Быкова. – М.: АИРО-XXI, 2019.

Рифф, Гизела. Линогравюры и тексты Карла Аймермахера / Перевод Д.Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 192 с.

Хрущёва Нина. Пропавший сын Хрущёва, или когда ГУЛАГ в головах. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 208 с. : илл. – (АИРО – Первая публикация в России).

Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х годов. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 560 с.

Малькевич В.Л. Революция 1917 года. Советский проект: начало. В 3-х книгах. Книга 1. Революция 1917 года: взгляд спустя столетие / Предисловие академика РАН Александра Дынкина. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 472 с. : илл.

Malkevich V.L. Russia and the United States: Fated to be Together? Russia and the United States: Fated to be Together? – Moscow: AIRO-XXI, 2019. – 408 p, illustrated.

Фирсов, Фридрих. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 672 с. – (АИРО – Монография).

Историография новой и новейшей истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2019. – 272 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов, А.М. Рыбаков

**Евгений Максимович Примаков:
судьба и эпоха**

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование – С. П. Щербина.

ISBN 591022438-7

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 01.10.2019
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 13.5
Тираж 1000 экз. Зак.